

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2023

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ВИРУС И ЧЕЛОВЕК

Мазалова Н.Е. Нарративы о коронавирусе и обряды перехода: структурно-типологическое сходство	6
Рязанцев С.В., Смирнов А.В. Пандемия «русского гриппа» 1889–1890 гг.: возникновение, распространение, демографические потери	27
Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19	55

MISCELLANEA

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Костяная и роговая индустрия раннего голоцена Северного Приангарья (по материалам местонахождения Остров Лиственичный)	76
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Археометаллография: историографический очерк	106
Григорьев С.А. Инновации и технологический трансфер в древней металлургии	125
Петряшин С.С. Рабочие золотых приисков Сибири на рубеже XIX–XX вв.: народническая музейная этнография и дискурс гибридности	141
Тюхтенева С.П. Дом культуры ойротки: раннесоветская модерність в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области	167

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Филиппова Е.И. Наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации	194
Кузинер Е.Н. Человек в парке для собак: антропологический роман о бездомности	202

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	208
-------------------------------------	-----

CONTENTS

VIRUS AND HUMAN

Mazalova N.E. Coronavirus Narratives and Rites of Passage: Structural and Typological Similarities	6
Ryazantsev S.V., Smirnov A.V. The Pandemic of the “Russian Flu” of 1889-1890: Occurrence, Spread, Demographic Losses	27
Burkova V.N., Butovskaya M.L. Coronaphobia, Infodemic and Fakes During COVID-19	55

MISCELLANEA

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. Bone and antler industry of the Early Holocene in North Angara (based on assemblages of the Ostrov Listvenichnyi site)	76
Zavialov V.I., Terekhova N.N. Archaeometallography: Historiographical Notes	106
Grigoriev S.A. Innovations and Technological Transfer in Ancient Metallurgy	125
Petriashin S.S. Workers of Siberian Gold Mines at the Turn of the 19th–20th Centuries: populist Museum Ethnography and the Discourse of Hybridity	141
Tyukhteneva S.P. “Houses of Culture for the Oirots Women”: Early Soviet Modernity in Oirotskiy (Gorno-Altayskiy) Autonomous Region	167

REVIEWS

Filippova E.I. The Existence of Civil Society – The Fundamental Characteristic of a Nation	194
Kuziner E.N. The man in the dog park: the anthropology novel about homelessness	202

INFORMATION FOR AUTHORS	208
--------------------------------------	-----

ВИРУС И ЧЕЛОВЕК

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/40/1

Нарративы о коронавирусе и обряды перехода: структурно-типологическое сходство

Наталия Евгеньевна Мазалова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия, mazalova.nataliya@mail.ru*

Аннотация. Проводится сравнительный структурно-типологический анализ нарративов о коронавирусе с обрядами перехода на основе телесных состояний (телесного кода). Цель анализа – прояснение представлений об изменении статуса и состояния людей, перенесших новую коронавирусную инфекцию. В структуре нарратива и обрядов перехода были выделены структурно-семантические элементы – обозначение телесных ощущений, связанных с нарушением нормального функционирования отдельного органа или группы органов и всего организма. По мнению автора, лиминальное состояние на уровне телесности можно описать с помощью бинарной оппозиции «живой – мертвый», соотносимой с работой всего организма и отдельных органов. Больные новой коронавирусной инфекцией и участники обрядов перехода лишаются способности передвигаться, видеть, слышать, ощущать запахи и др. Во время тяжелой формы новой коронавирусной инфекции больные чувствовали, что они умирали, а затем возрождались, как участники обрядов перехода. Коронавирусная инфекция – это не только болезнь, патология, это также кризис. Сделан следующий вывод: сходство структурно-семантических элементов нарративов о коронавирусе и обрядов перехода подтверждается тем, что они основаны на действии одного и того же механизма: переживания смерти – возрождения (архетипического или трансперсонального). После перенесенной коронавирусной инфекции меняется статус человека, в отличие от обрядов перехода, он, как правило, снижается. Некоторые пациенты после болезни наделяются сверхъестественными способностями. Коронавирусную инфекцию, изменившую поведение, статус людей, социальную реальность, можно в какой-то мере рассматривать как обряд перехода, однако требуются дополнительные исследования, чтобы сделать окончательные выводы.

Ключевые слова: нарративы о коронавирусе, обряды перехода, телесные ощущения, переживание смерти–возрождения, статус «переболевшего ковидом»

Для цитирования: Мазалова Н.Е. Нарративы о коронавирусе и обряды перехода: структурно-типологическое сходство // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 6–26. doi: 10.17223/2312461X/40/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/1

Coronavirus narratives and rites of passage: structural and typological similarities

Nataliya Evgenievna Mazalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation, mazalova.nataliya@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative structural and typological analysis of coronavirus narratives with rites of passage based on bodily states (body code). The purpose of the analysis is to clarify ideas about the change in the status and condition of people who have had coronavirus. In the structure of the narrative and rites of passage, structural and semantic elements were identified - the designation of bodily sensations associated with a violation of the normal functioning of an individual organ or group of organs and the whole organism. According to the author, the liminal state at the level of physicality can be described with the help of the binary opposition "alive - dead", correlated with the work of the whole organism and individual organs. Patients with coronavirus and participants in the rites of passage are deprived of the ability to move, see, hear, smell, etc. During the severe form of the coronavirus, the sick felt like they were dying and then were being reborn as participants in the rites of passage. Coronavirus is not only a disease, a pathology, it is also a crisis. The author concludes that the similarity of the structural and semantic elements of the narratives about the coronavirus and the rites of passage is confirmed by the fact that they are based on the operation of the same mechanism: the experience of death - rebirth (archetypal or transpersonal). After suffering a coronavirus infection, the status of a person changes, unlike the rites of passage, the status usually decreases. Some patients are endowed with supernatural powers after an illness. The coronavirus disease, which has changed behavior, the status of people, social reality, can most - to some extent - be considered as a rite of passage, but additional research is required to draw final conclusions.

Keywords: coronavirus narratives, rites of passage, bodily sensations, death-rebirth experience, COVID-19 status

For citation: Mazalova, N.E. (2023) Coronavirus narratives and rites of passage: structural and typological similarities. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 6–26. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/1

Пандемия COVID-19, захлестнувшая весь мир, имеет сходство с эпидемиями испанки 1918 г., свиного гриппа 2009 г., лихорадки Эбола 2014 г. и др. В настоящее время ее исследованием занимаются ученые разных специальностей: медики, историки, социологи, медицинские антропологи и др. Еще не созданы фундаментальные работы, происходит набор коллективного опыта и формируются исследовательские направления, предпринимаются попытки выявить основные тренды и особенности социального восприятия COVID-19, изменения повседневности и телесных техник в период пандемии, «цифровизация и COVID-19» (Galkin 2020; Подвойский, Спиркина 2021; The COVID-19

Crisis 2021). В соответствии с комплексным подходом, представления о коронавирусе следует рассматривать как социокультурную систему со своими внутренними связями, встроенную в социальные отношения и в систему культурных установок изучаемого сообщества.

Тяжелое течение болезни можно рассматривать как прохождение кризиса отдельным человеком, а саму пандемию – как кризисную ситуацию для всего человеческого сообщества. С одной стороны, новая коронавирусная инфекция – это болезнь, по поводу болезни в традиционном обществе проводили ритуалы исцеления. С другой стороны, нарративы о коронавирусе обнаруживают сходство с обрядами перехода. В нарративах о коронавирусе содержится описание общих с обрядами перехода элементов. Представляется, что протекание новой коронавирусной инфекции можно сравнить, в частности, с обрядами перехода, потому что телесные ощущения и страдания, описываемые в них, приводят к изменению статуса индивида. Это сравнение основано на единой для всех переходных обрядов и ковида структуре, восходящей к бинарной оппозиции «смерть – возрождение». До настоящего времени проблема сходства нарративов о болезнях и обрядов перехода не являлась предметом специального исследования.

В статье предпринимается попытка проведения структурно-типологического анализа нарративов о коронавирусе с обрядами перехода на основе телесных состояний (телесного кода), имеющая целью получение (прояснение) представлений об изменении статуса и состояния людей, перенесших новую коронавирусную инфекцию, для того чтобы понять, каким образом регулируется социальное поведение индивида в ковидную и постковидную эпоху.

В структуре нарратива выделяются структурно-семантические элементы, сопоставимые с элементами обрядов перехода, это позволит выявить черты сходства между ними. Методика структурно-типологического сопоставления коронавируса и обрядов перехода основана на выделении постоянных, типовых элементов – структурно-семантических единиц нарратива – телесных ощущений, связанных с нарушением нормального функционирования отдельного органа или группы органов и всего организма, и обрядов перехода, что позволяет получить структурные описания синтагматики обрядов перехода, сопоставимых по языку описания со структурами нарративов о ковиде. При сравнении нарративов о ковиде и обрядов перехода использовались структурно-типологический и диахронический методы.

Нарративы о коронавирусе сравнивались с русскими обрядами перехода – родинным, свадебным, похоронным, а также с обрядами посвящения ритуальных специалистов. Сопоставление проводилось на основе телесных ощущений пациентов, перенесших самый тяжелый на сегодняшний день дельта-штамм коронавирусной инфекции, и участников обряда.

Полевые исследования проводились среди жителей Петербурга и Выборга Ленинградской области разного возраста (от 27 до 85 лет), в том числе студентов, среди которых приезжие, временно проживающие в Петербурге (более 50 анкетных опросов), а также 37 глубинных интервью с людьми, перенесшими данное заболевание, – от 37 до 84 лет, и пять анонимных интервью с врачами (ПИМА 2021, 2022). Также использовались интернет-ресурсы, где больные делятся описанием протекания болезни.

В науке сложилось представление о болезни как нарушении нормальных физиологических функций всего организма или его отдельных частей, его целостности, устойчивости, приводящее к его ослаблению, а иногда и смерти. Заболевания вызывают телесные состояния человека, значимые не только на личностном, но и культурном и социальном уровне и закреплённые в представлениях и верованиях различных этносов. В последние годы исследователи уделяют большое внимание интерпретации болезни и ее опыта пациентами (Bury 2001; Kleinman 1980, 1988). А. Клейман предложил проводить различие между *illness* – как опыта болезни, ее переживания больным, коллективными представлениями определенной этнической культуры, и *disease* – как патологическим состоянием, имеющим медицинскую нозологию (1988: 14). В первом случае речь идет о субъективных телесных ощущениях болезни больным, а во втором – ее медицинских симптомах. Рассказы больных о коронавирусе – это нарративы о *illness*. Нарративы о болезни – телесных ощущениях больного, его общем состоянии, его представлениях о болезни, ее причинах и связанных с ними способах лечения, восходящие к существующим в определенных культурах представлениям, нередко имеющие архаический характер, выраженные в языке, можно определить как «мифологию болезни», в соответствии с интерпретацией Р. Барта, по мнению которого любое культурно значимое явление, наделяемое статусом языкового средства, можно рассматривать как дискурс, являющийся носителем мифического сообщения (2004).

Обряд, в том числе ритуал перехода, – это механизм, программирующий особенности социального поведения членов сообщества. Ритуалы исполнялись в кризисные моменты жизни либо отдельных членов социума (рождение, свадьба, смерть), либо всего социума (эпидемии, эпизоотии, стихийные бедствия). Цель их проведения – преодоление кризисных ситуаций: «...ритуал можно определить как единственно возможный способ поведения человека и коллектива в тех ситуациях, которые расцениваются данным коллективом как кризисные и поэтому требующие специальных (обязательных для всех членов) программ поведения» (Байбурин 1993: 12).

Одна из стадий ритуального процесса обозначается исследователями А. ван Генеппом, В. Тэрнером как фаза лиминальности (Генепп 1999;

Тэрнер 1983). Обряды перехода В. Тэрнер определял как легитимацию социального изменения: «...обряды, сопровождающие всякую перемену места, состояния, социальной позиции и возраста» (1983: 168). Обряды перехода состоят из трех частей: отделения – временной смерти – возрождения в новом качестве. В первой стадии происходит открепление личности от занимаемого им места в социуме. Во время промежуточной стадии ритуальный субъект находится в состоянии «временной смерти», или состоянии между жизнью и смертью, о чем, в частности, свидетельствуют изменения ощущений тела. В третьей стадии происходит возрождение индивида в новом статусе.

Проблемами телесности в связи с социальными отношениями занимались различные исследователи, разрабатывавшие отдельные направления, например М. Мосс (1996), М. Фуко (1996, 2016) и П. Бурдьё (1986). П. Бурдьё, исследуя отношения общества и индивида с позиций представлений о власти над телом, приходит к выводу о «социально информированном теле» (124). Представляется, что телесный код коронавируса влияет на поведение людей в социуме.

Понятие «техники тела» введено М. Моссом, они имеют социальную природу, потому что воспроизводятся в какой-либо традиции многократно на протяжении жизни индивида и многих поколений людей, вырабатываются в процессе обучения с помощью имитации (1996). Представляется, что телесные ощущения при болезни имеют социальную природу и могут быть имитационными.

По мнению М. Дуглас, предложившей модель «тело физическое – тело социальное» (1970: 65–81), человеческое тело в традиционном сознании – образ общества, и тело человека невозможно исследовать вне социального контекста (70). Телесные ощущения больных новой коронавирусной инфекцией также находятся в тесной связи с социальными условиями.

Для исследования телесных ощущений болезни и участников ритуала перехода интерес представляют исследования К. Вульфа о ритуалах, под которыми он понимает «символически кодированные телесные процессы, создающие и интерпретирующие, сохраняющие и изменяющие социальную реальность» (2009: 47–48).

В нарративах о коронавирусе прослеживается структурное сходство с традиционными мифологическими рассказами об особом рода болезнях – насланных (порче, икоте и др.), которые включают следующие элементы: беда (наступление болезни), потеря ценности (здоровья) – обращение к врачам (помощникам) – пребывание в пограничном состоянии (жизнь – смерть) – выздоровление (смерть). В традиционной культуре болезнь, обозначающая негативное, бедственное явление, представляет исходную ситуацию проведения обряда.

Новая коронавирусная инфекция имеет существенные отличия от многих болезней, которые проявляются, в том числе, во множестве те-

лесных ощущений и других телесных проявлений. Наступление болезни, первыми неспецифическими признаками которой являются слабость, высокая температура, кашель, специфическими – поражение легких, сопровождающееся резким ухудшением самочувствия, нередко приводит к изоляции. Больной отправляется в больницу или его изолируют дома. В первой фазе болезни осуществляется символическое поведение, означающее отделение личности от занимаемого ранее места в семье, социальной структуре социума или предшествующего ковиду состояния; такое поведение также характерно для обрядов перехода, например для свадебного обряда, когда невесту постепенно выделяют из родной семьи и привычного деревенского социума.

Современная больница и сами города в период полной изоляции напоминают пациентам некое пространство между человеческим и природным мирами, где царствует пустота и безмолвие как после техногенной катастрофы: «Впервые столкнулась с людьми в скафандрах на Солянке – все было технично, строго, практически беззвучно. Тебе просто чуть не знаками указывали, куда сесть, что делать. Все это напоминало ожесточенное копошение больших белых тел с микроскопическими инструментами. Пустота стерильного холла клиники, совершенно безмашинный Китай-город удушливо наталкивали на ассоциацию с Чернобылем... Затерянный мир чего-то там... исторгающего себя из себя, дизайн радиоактивной дури» (Ночные кошмары).

Лиминальное пространство (больница) определяет поведение пациента, которое можно охарактеризовать как пассивное. Это, прежде всего, связано с его тяжелым болезненным состоянием. Больные не имеют статуса, знаков отличия; так, практически не выражены половые признаки: к ним обычно обращаются «больные» («больной», «больная»), они носят одежду без гендерных признаков. Больной попадает в полное распоряжение врача (ср.: в обрядах перехода – руководителя обряда, например в свадебном – колдуна), они должны беспрекословно им подчиняться. Тело пациента находится в полной власти врачей и их тотального контроля.

В палате формируются некие временные сообщества пациентов, которые можно сравнить, например, с сообществами рекрутов в обрядах перехода, эти сообщества объединяет групповой характер. Для больных характерно особое поведение – ограниченность, скованность движений, неподвижность или малая подвижность. Больные в палате стремятся установить отношения товарищества и взаимопомощи и противопоставляют себя здоровым. Они стараются облегчить участь соседей. Например, информант рассказывал, как он кормил с ложки тяжело больного, привязанного к кровати, потому что тот срывал катетеры и одежду, бегал по больнице обнаженным: нагота – признак возвращения к природному состоянию (ПМА 2022). Больные поют хором, что также яв-

ляется способом объединения (уловка врачей для тренировки легких). Вместе с тем пациенты испытывают ощущение изолированности и одиночества, как, впрочем, и больные, которые остаются дома (Галкин 2021).

Врачей можно сравнить с помощниками мифологических рассказов или руководителями обрядов инициации, которые помогают пациентам пройти лиминальную стадию. Следует отметить, что в период пандемии статус и значимость врачей в глазах общества, прежде всего больных, резко повысились.

Тяжелая форма новой коронавирусной инфекции сопоставима с лиминальной стадией обряда: телесные ощущения пациента, как и участника обряда перехода, соответствуют состоянию «временной смерти». Лиминальное состояние на уровне телесности можно описать с помощью бинарной оппозиции «живой – мертвый» по следующим признакам: дышит – не дышит (дышит с трудом), движется – неподвижен, видит – не видит (плохо видит), слышит – не слышит (частично теряет слух), чувствует запахи – не чувствует запахи (чувствует «неправильные запахи») и др. В лиминальном состоянии больной и участник обряда приобретают соматические признаки мертвого тела.

Одно из важнейших ощущений во время протекания данной болезни – одышка, неспособность дышать полной грудью. Дыхание – одна из главных функций человеческого организма. Жив или мертв человек, определяют по дыханию (дышит – не дышит). Во время тяжелой формы новой коронавирусной инфекции у человека развивается пневмония, больные жалуются на неспособность дышать, поскольку их легкие повреждены и в кровь попадает недостаточно кислорода. У пациентов появляются затруднения с дыханием, ощущение того, что им не хватает воздуха: «Дышать не могу, открываю рот, а вдохнуть не могу» (ПМА 2022); «Мои ощущения – в организме шла жесточайшая война, и вдруг она закончилась. До этого дня мне было крайне трудно дышать, облегчение чувствовал только с кислородной маской» (Коронавирусная пневмония).

Сходные представления присутствуют и в обрядности. В родильном обряде новорожденный, который, по народным представлениям, не является собственно человеком, появляясь на свет, учится дышать. Если этого сразу не происходило, повитуха проводила обрядовые действия: окунала ребенка в холодную воду и др. В погребальном обряде человек умирал с последним вздохом – «испускал дух» (дух однокоренное слово дыханию).

Еще одно характерное телесное ощущение новой коронавирусной инфекции – утрата обоняния, нарушение функций ольфакторной системы. Система запахов – древняя сигнальная система. Чувствовать запах или вкус – это способность организма контактировать с окружающим миром, ощущать определенные химические вещества в окружа-

ющей среде и реагировать на них. Обоняние – дистантная сенсорная система, с помощью которой получают информацию об объектах, чрезвычайно важная сфера коммуникаций человеческого организма и окружающего мира.

Запах в народной культуре осмысливается как свойство живой природы (человека, растения, животного), связанное с характеристиками своего и чужого, противопоставлением жизни и смерти. Запах часто выступает как важный признак пограничных состояний. Дурной запах – признак болезни, насланной за тяжкие грехи (Кабакова 1999: 266–267).

У больных ковидом нарушается способность ощущать запахи или они ощущают «неправильные» запахи (паросмия): прежде всего это касается яиц, мяса и других продуктов животного происхождения. Так, пациенты жалуются на преследующий их запах чего-то стухшего, запах неживого: «...мне кажется, что вся еда – мясо, рыба и особенно яйца – тухлятиной пахнут» (ПМА 2021); «во время болезни 2 дня подряд он (пациент. – Н.М.) просто задыхался от запаха якобы сдохших крыс» (Ковид – это сплошной спецэффект); «вот прошло почти полгода, а меня преследует мерзкий запах серы, от меня и вокруг, только на работе нет его, я уже не знаю, что с этим делать, к какому врачу идти... яйца при этом вообще не ем» (Ковид – это сплошной спецэффект); «больной в течение пяти месяцев казалось, если рядом готовили мясо и яйца, что жарят человечину, мертвечину» (ПМА 2022). В современной речи появился термин «запах ковида», характеризующий «неправильное» восприятие запахов.

Еда живых в мире людей для больных приобретает запах смерти, запах ада (сера). Яйцо по универсальным мифологическим представлениям – символ жизни, и наделение его запахом смерти свидетельствует о том, что этот запах испытывает «неживой» человек.

В волшебных сказках в царстве мертвых Баба-яга определяет пришедшего по запаху: «Фу-фу, русским духом пахнет». По мнению В.Я. Проппа, запах героя в царстве мертвых – это запах живого человека (Пропп 1986: 66). Дьявол дурно пахнет в мире людей, поскольку принадлежит иному миру.

Отсутствие запахов в мире живых – это запах смерти. Медицинские исследования показали, что у людей среднего и старшего возраста за несколько минут до смерти происходит потеря обоняния (Ухудшение обоняния называли признаком скорой смерти). Депривация (потеря) запахов «отсекает» человека от окружающего мира. Вместе с тем депривация во время ковида помогает понять, какую роль играет обоняние в жизни человека.

Представляется, что телесные ощущения, испытываемые пациентом при ковиде, можно отнести к языку тела, под которым обычно исследователи понимают жесты, движения, запахи, мимику, тактильные ощущения и др. (Бутовская 2004). Субъективные симптомы, выявленные

при анализе жалоб больного, также определены этнической культурой, рассказами о болезнях, в наши источники информации – не только нарративы больных, но и СМИ, социальные сети.

На основе анализа имеющихся материалов можно делать вывод о том, что телесные ощущения больных новой коронавирусной инфекцией замимствуются с помощью мимезиса, подражания, так же как соматические проявления насланных болезней – порчи, сглаза (Мазалова 2019: 219). К ним можно применить теорию мимезиса жестов К. Вульфа (2009: 70–76). Так, пациенты рассказывали, что в начале болезни они все время проверяли, не пропало ли у них обоняние, и вскоре оно действительно исчезало (ПМА 2022). Вопрос об имитационной стороне симптомов новой коронавирусной инфекции требует дополнительных исследований.

У больного ковидом также может происходить снижение активности других органов чувств – зрения, слуха. Он перестает видеть или плохо видит, потому что перед глазами появляются черные «мушки»: «Несколько дней в больнице ничего не видела» (ПМА 2021). Жена больного описывает его телесные ощущения: «Мой муж переболел... очень тяжело. Так он спустя месяц почти совсем ослеп. Один глаз полностью, другой наполовину» (Ковид – это сплошной спецэффект). Следовательно, при новой коронавирусной инфекции происходит нарушение зрительной коммуникации – одного из важнейших сенсорных каналов, связывающих человеческое тело с внешним миром. У больного, в частности, нарушается ориентирование в пространстве. Интересно отметить, что при испанке происходило нарушение зрения – человек начинал неправильно воспринимать цвета.

В народных представлениях слепота рассматривается как знак принадлежности к иному миру. По народным поверьям, младенец появляется на свет слепым – «как котенок» и только по мере превращения в «собственно человека» он приобретает способность видеть (Мазалова 2001: 113). Невесту закрывают покрывалом или низко повязывает платок, что символизирует ее «невидение» (Байбурин 1993: 67). Неофита во время прохождения обряда посвящения в колдуны на время ослепляли, а затем «снабжали» другими глазами (Мазалова 2001: 152).

У некоторых больных новой коронавирусной инфекцией происходит нарушения в системе органа слуха – слух ослабевал или навсегда теряется: «Болела в июне–июле 2020 года дома и легко, из симптомов – сильная слабость, немного кашляла, почти три недели держалась температура 37–37,2. После болезни... упал слух, повысилась утомляемость, постоянно расстраивается желудок. Последствия лечила почти полгода, приступы прекратились, а слух, к сожалению, потерян навсегда» (Слух потерян навсегда).

Органы слуха обеспечивают важнейшую связь человеческого организма с внешним миром, поскольку с их помощью человек различает

звуки, ориентируется в пространстве. Функции слуха связаны с различными коммуникациями в сообществе.

По народным поверьям, ребенок появляется на свет глухим. Проводились специальные обрядовые действия, чтобы «открыть ему слух», например, у карел повитуха прокалывала мочку уха младенцу (Сурхаско 1977: 34).

Речь – признак человека, выделяющий его среди других существ живого мира. Человек появляется на свет, не умея говорить, и уходит в иной мир безмолвным. Речь – это особый вид человеческой деятельности, которая используется для общения, передачи информации, т.е. выполняет коммуникативную функцию. Именно речь позволяет человеку включаться в социальные связи.

К признакам ковида относятся хрипота в голосе вплоть до его потери. При тяжелом течении ковида пациенты иногда утрачивают способность говорить: «Как рыба, рот открываю, а сказать ничего не могу» (ПМА 2022).

В обрядах перехода участники нередко безмолвствуют. Немота свидетельствует о пребывании человека в ином мире. Если ребенок не начинал говорить в возрасте двух лет, проводили обрядовые действия, направленные на «развязывание языка», например, сажали под колокол на колокольне. Невеста в свадебном обряде не говорит, а только причитывает, т.е. с языкового переходит на иной уровень общения (Байбурин 1993: 92).

Во время болезни или в постковидный период у больного закрываются «окна тела» – органы чувств, через которые осуществляется контакт с внешним миром, и он временно утрачивает признаки человека. В родильном обряде перехода происходит «открытие» органов чувств, в свадебном и обряде посвящения ритуальных специалистов – временное закрытие, в похоронном – окончательное закрытие. Органы чувств – очень важная сфера коммуникаций человеческого организма и окружающего мира. «Закрытие» органов чувств – обоняния, зрения, слуха – превращает человека в некий объект природы, лишая его основных человеческих признаков и каналов коммуникации с внешней средой. Кратковременная депривация является способом перехода к измененным состояниям сознания, для больного новой коронавирусной инфекцией – показателем нахождения в лиминальном состоянии.

Способность передвигаться – один из важнейших признаков живого человека. Пациенты с тяжелой формой заболевания нередко утрачивают эту способность, у них отказывают ноги: «...просто лежала как овощ и ничего делать не могла...» (Просто как овощ).

В свадебном обряде невеста на время утрачивает способность передвигаться: «...период сватовства до венчания на Русском Севере называется сидеть в невестах». В это время невеста не ходит даже в церковь: она обезножела» (Байбурин 1993: 66).

Один из видов свадебной порчи, которая является способом проведения обряда перехода, в том числе введения молодых в состояние «временной смерти» (Мазалова 2011: 121), проявляется в том, что они на время утрачивают способность передвигаться: «Колдуны, если обращаешься хорошо, то и они хорошо. В свадьбу – испортит – может на ноги, не заможет ходить» (АМАЭ. № 1707. Л. 17).

Еще одно из осложнений ковида – выпадение волос (алопеция). У многих пациентов выпадают волосы полностью или частично – иногда во время болезни, иногда – через два-три месяца – и начинают отрастать только через несколько месяцев после выздоровления: «Волосы клоками выпадали, чуть не облысела» (ПМА 2022). Следует отметить, что у женщин чаще выпадают волосы, чем у мужчин: выпадение волос после ковида сравнивают с выпадением волос после родов, в обоих случаях это связано с ослаблением иммунитета. По народным представлениям, роженица отправлялась получить ребенка в иной мир; она также находилась в состоянии «временной смерти».

Потеря волос в обрядах означает лишение жизненной силы. Ребенку не стригли волосы до года, считалось, что таким образом можно лишить его способности говорить. В свадебном обряде невесте и жениху состригали часть волос: исследователи рассматривают это как форму расчленения, характерную для обрядов перехода (Байбурин 1993: 70). Волосы также стригли рекруту перед призывом, что свидетельствовало об изменении его статуса. Утрата волос также свидетельствует об утрате магической силы, например, чтобы лишить колдуна силы, ему сбривали бороду.

Важный признак тяжелой формы заболевания – утрата телом крепости. Некоторые больные испытывают особые телесные ощущения – изменение крепости тела, их деформацию. На форуме «Ощущения больных, перенесших Ковид», больная так описывает свой состояние: «...я трогаю свои ребра и мне кажется, что будто кости стали там мягче. Это какая-то дурка, конечно. Но даже мой скептик муж не посмеялся над этим моим наблюдением. Он сказал только, что по его ощущениям, будто кто-то схватил каждую клеточку тела и крутит-крутит, проверяет на прочность. Злая зараза этот ковид».

Об утрате крепости тела также свидетельствует выпадение зубов. У некоторых больных, перенесших новую коронавирусную инфекцию, выпадало по три-четыре зуба одновременно. Стоматологи объясняют это воспалением десен в результате инфекции.

В народных соматических представлениях русских кости и зубы – значимая часть тела. Младенец появляется на свет «мягким», об этом, в частности, свидетельствует отсутствие у него зубов (Мазалова 2001: 113), проводятся дополнительные обрядовые действия по переделке его тела, придание ему крепости, например, в зыбку клали острые твердые

предметы – коготь рыси, медведя и др., а также процедуры, направленные на рост здоровых зубов. Лишение зубов приводит к утрате жизненной и магической силы: например, колдуну выбивали зубы и таким образом лишали его магических способностей.

Еще один отличительный симптом ковида – кровотечения: желудочные, кишечные и другие: «У соседа по палате кровь из пениса шла, умер потом» (ПМА 2021).

Кровь в народных представлениях – важная субстанция человеческого тела. В обрядах перехода появление крови символизирует уподобление жертве, расчленение. Так, в новгородском обряде, принимая невесту, жених с такой силой наступал ей на ногу, что появлялась кровь (Шейн 1900: 503).

Важный соматический признак ковида – слабость: «Речь идет о ситуации, когда у вас нет энергии. Вы ничего не можете. Вам правда хотелось бы скакать и прыгать, но нет, не получается... Он (ковид. – *Н.М.*) отнимает у вас энергии ровно столько, чтобы вы могли выглядеть человеком, но при этом не могли быть человеком и действовать как человек. Зомби» (Ночные кошмары). Слабость – отличительный признак младенца и старика перед смертью. Слабость также характерна и для людей, которые видят причину своей болезни в колдовской порче: «Легла на полу, сил нету» (Мифологические рассказы.... 1987).

Зафиксированы случаи, когда у мужчин, перенесших ковид, снижалась фертильность, ослабевало половое влечение, причем у мужчин в возрасте до 40 лет, т.е. у потенциальных отцов (Асфандияров, Круглов, Выборнов 2021).

Один из наиболее распространенных видов свадебной порчи в мифологических рассказах – сделать неспособным к соитию жениха (это состояние определяется терминами «невстаниха», «нестоиха», «убрать все» и др.): «А на свадьбу не пригласят (колдуна. – *Н.М.*), у молодого все убирает» (ПМА 2004). В свадебном обряде временная утрата генеративных способностей жениха, характерная и для обрядов перехода, основана на архаических представлениях об опасности первой брачной ночи (Мазалова 2011: 127).

Некоторые телесные ощущения, точнее, телесно-психические, при новой коронавирусной инфекции совпадают не только с ощущениями испытуемых в обрядах перехода, но и с ощущениями ритуальных специалистов в обрядах посвящения, а также с ощущениями больных, на которых, по народным представлениям, наслали болезнь. Эти ощущения соотносятся с измененным состоянием сознания. К ним относятся следующие: жар, потеря памяти, галлюцинации и др.

Больные, испытывающие жар во время болезни, отмечают, что эти ощущения намного сильнее, чем, например, при повышении темпера-

туры при простуде: свои ощущения люди сравнивают с «приливом кипятка», говоря, что по артериям «течет горячий воск».

Ощущение жара испытывают больные в постковидный период при психических расстройствах, происходящих в результате влияния новой коронавирусной инфекции. Во время «долгого ковида» у пациентов наступают слуховые и тактильные галлюцинации: пациентка «заявляла об ощущениях в теле, напоминавшими жжения огня и покалывания» (Лебедев).

Жар – это признак наличия магической силы и помощников в теле ритуального специалиста. Так, колдуна в момент наведения порчи «мает» – термин, имеющий семантику «испытывать ощущение жара и тяжести» (Мазалова 2011: 162).

Как в традиционных мифологических рассказах испорченные больные чувствуют присутствие какого-то существа внутри своего тела, так и в нарративах о ковиде наличествуют описания некоей силы, чего-то живого внутри себя. Пациенты так описывают ощущения при тяжелой форме болезни: «...будто кто-то сидит внутри и вытягивает из тебя жизнь...» (ПМА 2022); «...вирус – живой организм, который живет, питается, ест нас»; «Слава богу, эта тварь из меня ушла» (Башню рвало у всех).

Среди ответов студентов на вопрос о происхождении коронавируса встречались и такие: «...какой-то китаец съел летучую мышь» (ПМА 2021), а затем от нулевого пациента коронавирус распространился по всему миру. Это представление достаточно широко распространено на уровне бытового сознания. В традиционных верованиях мышь связана с комплексом отрицательных представлений, например, она может высосать кровь из головы ребенка.

Поглощение животного встречается и в посвятельных обрядах колдуна, его цель – получение «тайного знания»: «Колдун поведет тебя в байну на зари, он попросит, она выскочит, скакуха (лягушка. – Н.М.), эту скакуху нужно проглотнуть в себя» (АМАЭ. № 1682. Л. 56). После прохождения обряда неофит становится колдуном.

Внедрение колдуном мифического животного в тело человека являлось причиной болезни – порчи, икоты, но, кроме того, в некоторых случаях испорченный человек приобретал провидческие способности, мог пророчествовать, находить потерянные вещи и др. (Мазалова 2011: 179–182).

Коронавирус впоследствии начинает восприниматься как мифологический персонаж. Одно из распространенных персонифицированных представлений о ковиде – олицетворение его в виде монстра – вымышленного существа, встречающегося научной фантастике, фольклоре, мифологии и религии, такие изображения встречаются и у современных художников: «Коронавирус – это искусственно выращенный и вышедший на волю монстр – коварный, поступь которого не слышна, очертания которого не видны, но дыхание коего по мнительности своей

постоянно чувствуешь» (ПМА 2022). Следует отметить, что в виде монстра его представляет 1/3 опрошенных студентов.

Некоторым пациентам во время тяжелого течения коронавирусной инфекции казалось, что они получили некоторые сверхъестественные способности: одной из больных казалось, что она может по собственной воле «раздвигать» стены, видеть, что происходит снаружи (ПМА 2022). У некоторых из пациентов сверхъестественные способности проявлялись в постковидном психозе; так, пациентка 45 лет уверяла, что может вылечить любого, а также поднять мертвого из могилы (Из инфекционки – в психушку).

Встречаются пациенты, у которых, как им кажется, и после окончательного выздоровления остаются особые знания, например, способности к верификации истины и лжи: мужчина уверяет, что после тяжелой формы коронавирусной инфекции он четко различает, лжет человек или говорит правду (ПМА 2022).

Общее состояние организма во время пребывания на грани жизни и смерти больные описывают, сравнивая с пребыванием в состояниях живой–мертвый одновременно – «ни жив, ни мертв» «ходячий труп», «это был не я» и др.: «...ощущения – не описать, боль такая, кажется – сейчас умрешь» (ПМА 2022). Описание маргинального состояния также основано на противопоставлении света (жизнь) – тьма (смерть) или сравнении со сном: «Две недели то свет, то тьма» (ПМА 2022); «Казалось, что все происходит во сне, будто не со мной, а я наблюдаю со стороны» (ПМА 2022).

В быличках, описывающих обряды перехода, используется та же лексика для обозначения пограничного между жизнью и смертью состояния: «Невесту привезли все, со свадьбы, и вот с невестой плохо сделалось в хваленье. И то же вот как полумертва» (Кузнецова 1992: 25).

У некоторых пациентов после ковида появляются суицидальные настроения, так, водитель такси рассказывал, что ему шептали голоса: «Кончай со всем этим» (ПМА 2022). Он все время боялся попасть в аварию.

Многие больные с тяжелой формой коронавирусной инфекции чувствовали, что они умирают. Идея смерти – возрождения – четко выражена в рассказе о перенесенном заболевании одного из пожилых информантов: «Я сидел за столом и почувствовал, что я умер, что я на том свете, солнышко сияет, поляны чудесные, ангелы поют. И вдруг слышу, жена говорит: “Коля, проснись”. Ей в это время приснилась бабушка (известная слепая прорицательница, умершая много лет назад. – *Н.М.*) и сказала: “Иди, срочно Колю буди”. Значит, я еще нужен на земле. Я умер и родился новым человеком» (ПМА 2022). Больной новой коронавирусной инфекцией испытал состояние «обмирания», побывал на том свете. Этот пациент – состоятельный бизнесмен, который

и до болезни заботился о родственниках, после болезни все внимание сосредоточил на семье – благополучии родственников. По народным поверьям, люди, испытывавшие состояние «обмирания», совершившие путешествие на тот свет, наделяются сверхъестественными способностями, становятся «знающими».

Следует отметить, что существуют гендерные различия в телесном коде ковида. У женщин симптомы ковида проявляются значительно дольше, чем у мужчин, так называемый лонг ковид; осложнения в виде выпадения волос, утраты обоняния, ослабления памяти, слабости, бессоницы и др., однако мужчины чаще, чем женщины, умирают (Pela, Goldoni 2022). После прохождения фазы лиминальности – временной смерти в третьей фазе обряда неопит возрождался в новом качестве. В тяжелой форме ковида, при которой происходила интоксикация организма и отказывали все органы, пациент умирал, в более легкой форме – после нахождения в пограничном состоянии, – поправлялся.

Многие пациенты отмечают, что ковид – это новая форма болезни, которая трансформирует привычное понимание заболеваний: «Как человек, не раз тяжело болевший, я могу твердо сказать, что коронавирус не укладывается в картину обычной болезни. Я понимаю людей, которые говорят, что его принесли инопланетяне» (ПМА 2022); «Мне почти сорок лет, за эти годы я много раз лежал в больницах, перенес несколько тяжелых операций – но никогда в жизни так не болел. Это было похоже... не знаю, будто кто-то воткнул в меня два шампура – один в грудь, другой в голову – и три месяца медленно их вращал. Я никогда не чувствовал такой опустошенности, такого отчаяния и такой обреченности. Я никогда не чувствовал этого жуткого ощущения, будто кто-то неумолимо вытягивает из тебя жизнь, и я счастлив, что мне удалось это преодолеть... Это действительно страшная болезнь, которая перемелет вас в труху и не поперхнется» (Башню рвало у всех).

Подводя некоторые итоги, следует отметить следующие моменты. Новая коронавирусная инфекция – это не только болезнь, патология, это также кризис. Сходство структурно-семантических элементов нарративов о коронавирусе и обрядов перехода подтверждается тем, что они основаны на действии одного и того же механизма: переживания смерти – возрождения архетипического (по К. Юнгу) или трансперсонального (по С. Гроффу). Активизация переживания смерти–возрождения возникает при ситуации, угрожающей самому существованию человека; наиболее полно эта коллизия отражается в телесных ощущениях.

Переживание смерти–возрождения приводит к реконструкции человеком образа мира в своем сознании, что, в первую очередь, радикально меняет отношение человека к смерти. С середины XX в. в западном индустриальном обществе почти полностью исчез интерес к вопросу смерти и умирания, произошло массовое психологическое отторжение

смерти. Люди старались не осознавать конечности жизни, не думать о смерти. Напротив, в традиционном социуме существовало иное отношение к смерти и умирающим. В обрядах перехода они не раз переживали опыт смерти – возрождения, что значительно облегчало реальный переход в мир иной.

И когда началась пандемия, когда начали массово умирать люди, и не «где-то там», а рядом – умирали друзья, родственники, отношение к смерти изменилось: «...речь идет о “страхе” не как о массовой панике, навязанной СМИ, а как о фундаментальном чувстве, что что-то обычное и привычное вдруг закончилось и началось что-то новое: непонятное, незнакомое, неконтролируемое» (Подвойский, Спиркина 2021: 329).

Особое отношение к смерти прежде всего характерно для людей, перенесших тяжелые формы ковида. Возможно, массовое переживание опыта смерти–возрождения во время новой коронавирусной инфекции будет способствовать исчезновению страха перед смертью, выработке иного отношения к ней, а также – переоценке ценности жизни.

Сходство нарративов о коронавирусе с обрядами перехода проявляется в том, что больной, как и участник обряда, приобретает новый статус. Основное различие между коронавирусом и обрядами инициации прежде всего заключается в направленности создания нового статуса – более низкого после болезни и более высокого – после прохождения обряда. В традиционных социумах также встречаются обряды перехода, после прохождения которых человек понижал статус, однако они носят единичный характер, а понижение статуса после коронавирусной инфекции носит характер массовый.

Телесные ощущения, деформация тела, изменение его структуры приводят к созданию нового статуса человека, «перенесшего ковид». В начальный период пандемии этот статус имел своего рода героический оттенок.

Анализ телесных состояний пациентов с новой коронавирусной инфекцией, во время и после болезни свидетельствует о том, что многие из них не могут вернуться к прежней жизни, они вынуждены изменить свой социальный статус: кто-то стал инвалидом, кто-то из-за осложнений не в состоянии справляться с прежней работой. Таким образом, ковид нередко отчуждает от человека способность к труду, в которой реализуются его продуктивные ценности (Франкл 1990: 83).

Вместе с тем у переболевших ковидом происходит переоценка ценностей. На первый план выступают ценности отношения (Франкл 1990) – семейные, дружественные, иное отношение к жизни и смерти, к окружающему миру, происходит изменение социокультурных характеристик людей.

Ковид, как и обряды, конструирует новую социальную реальность, а телесные ощущения людей, перенесших новую коронавирусную ин-

фекцию, участвуют в формировании этой новой реальности. Во времена пандемии люди старались ограничивать телесные контакты и, боясь массовых скоплений, стремились проводить больше времени с семьей, дистанционно работали, отдыхали в малолюдных местах, на природе, в экологически чистой среде. Происходило ослабление социальных связей, вместе с тем, увеличивались контакты онлайн.

Таким образом, новую коронавирусную инфекцию, изменившую поведение, статус людей, социальную реальность, можно в какой-то мере рассматривать как обряд перехода, однако требуются дополнительные исследования, чтобы сделать окончательные выводы.

Полевые материалы автора

ПМА 2004 – Карелия, Сегежский р-н.

ПМА 2021, 2022 – г. Санкт-Петербург, г. Выборг Ленинградская обл.

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 7. Оп. 1. № 1707. Архангельская обл., Пинежский р-н.

Список источников

- Асфандияров Ф.Р., Круглов В.А., Выборнов С.В., Сеидов К.С., Нерсесян А.Ю., Круглова Е.Ю. Постковидный транзитный гипогонадизм и эректильная дисфункция // Экспериментальная и клиническая урология. 2021. № 14 (3). С. 112–118.
- Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2004.
- «Башню рвало у всех»: как коронавирус действует на психику тяжелобольных людей // Новые известия. 22.06.2021. URL: <https://newizv.ru/news/society/22-06-2021/bashnyu-rvalo-u-vseh-kak-koronavirus-deystvuet-na-psihiku-tyazhelobolnyh-lyudey> (дата обращения: 24.05.2022)
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура: (Эволюц. и кросс-культур. основы неверб. коммуникации человека). М.: Науч. мир, 2004.
- Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.
- Галкин К.А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
- Из инфекционки в психушку: как коронавирус сводит людей с ума // Псковское агентство информации. 24.11.2021. URL: <https://informpskov.ru/news/372044.html> (дата обращения: 24.05.2022).
- Кабакова Г.И. Запах // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 266–269.
- Мосс М. Техники тела. Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М.: Вост. лит. РАН, 1996.
- «Ковид – это сплошной спецэффект». Переболевшие рассказывают о необычных симптомах болезни // Доктор Питер – сайт о здоровье и здоровом образе жизни. URL: <https://doctorpiter.ru/zdorove/and-laquokovid-e-to-splosnoi-spece-ffekt-and-raquo-perebolevsie-rasskazy-vayut-o-neoby-cny-x-simptomax-bolezni26933-id646954/> (дата обращения: 01.06.2022).

- Коронавирусная пневмония. Моя история. Матвей, 45 лет // Городская клиническая больница № 52 Департамента здравоохранения города Москвы. URL: <https://52gkb.ru/press-tsentr/besedy-s-patsientami/1466-koronavirusnaya-pnevmoniya-moya-istoriya-matvej-45-let> (дата обращения: 25.05.2022).
- Кузнецова В.П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 117–131.
- Лебедев В. Психозы при коронавирусной инфекции // Русский медицинский журнал. 04.08.2021. URL: https://www.rmj.ru/blog/Viktor_Lebedev/psikhozy-pri-koronavirusnoy-infektsii/ (дата обращения: 24.05.2022).
- Мазалова Н.Е. «Состав человеческий»: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение (МАЭ РАН), 2001.
- Мазалова Н.Е. Народно-медицинское «тайное знание»: семантика, статус, функции (конец XIX – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2019.
- Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего»: XIX – начало XXI в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зинovieв. Новосибирск: Наука, 1987. № 192.
- Ночные кошмары, анемия, жар. Что на самом деле испытывают больные коронавирусом // Новые известия. 22.06.2020. URL: <https://newizv.ru/news/2020-06-22/nochnye-koshmary-anemiya-zhar-cto-na-samom-dele-ispytyvayut-bolnye-koronavirusom-304153> (дата обращения: 18.05.2022).
- Ощущения больных, перенесших Ковид // b17.ru: Сайт профессиональных психологов. URL: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=341158&> (дата обращения: 14.05.2022).
- Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 315–339.
- «Просто как овощ». Почему люди продолжают болеть и через год после ковида // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210929/postkovid-1752219949.html> (дата обращения: 23.04.2022).
- Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
- «Слух потерян навсегда»: реальные истории о жизни после коронавируса // The Voice Mag. URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/stil-zhizni/sluh-poteryan-navsegda-realnye-istorii-o-zhizni-posle-koronavirusa/> (дата обращения: 06.06.2022).
- Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1977.
- Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и авт. предисл. В.А. Бейлис. М., 1983.
- Ухудшение обоняния назвали признаком скорой смерти // Naked Science – Новости науки. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/uhudshenie-obonyaniya-nazvali> (дата обращения: 01.06.2022).
- Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
- Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016.
- Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Т. 1, вып. 1 / материалы собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. СПб.: Имп. Акад. наук, 1900.
- Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice / Transl. R. Nice. Cambridge Univ. Press, 1986.
- Bury M. Illness narrative: fact or fiction // Sociology of Health & Illness. 2001. Vol. 23, No. 3. P. 263–285.
- Douglas M. Natural Symbols: Explorations in Cosmology. London: Barrie & Rockliff; The Cresset Press, 1970.

- Galkin K. "The Body Becomes Closed and Squeezed up in a Narrow Frame": Loneliness and Fears of Isolation in the Lives of Older People in Rural Areas in Karelia during COVID-19 // *Anthropology & Aging*, 2020. Vol 41, No. 2. P. 187–198.
- Kleinman A. *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley, Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980.
- Kleinman A. *The Illness Narratives. Suffering, Healing, and the Human Condition*. New York: Basic Books, 1988.
- Pela G., Goldoni M. Sex-Related Differences in Long-COVID-19 Syndrome // *Journal of Women's Health*. 2022. B. 31, No. 5. URL: <https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/jwh.2021.0411> (дата обращения: 14.05.2022).
- The COVID-19 Crisis. *Social Perspective* / ed. by D. Lupton and K. Willis. London; New York: Taylor & Fr. Gr, 2021.

References

- Asfandiurov F.R., Kruglov V.A., Vybornov S.V., Seidov K.S., Nersesian A.Iu., Kruglova E.Iu. (2021) Postkovidnyi tranzitorni gipogonadizm i erektil'naia disfunktsiia [Post-COVID-19 Transient Hypogonadism and Erectile Dysfunction], *Eksperimental'naia i klinicheskaia urologiia*, no. 14(3), pp. 112–118.
- Baiburin A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.
- Bart R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
- «Bashniu rvalo u vsekh»: kak koronavirus deistvuet na psikhiku tiazhelobol'nykh liudei [“Everybody were losing their mind”: how the coronavirus affects the psyche of seriously ill people], *Novye izvestiia*. 22.06.2021. Available at: <https://newizv.ru/news/society/22-06-2021/bashnyu-rvalo-u-vseh-kak-koronavirus-deystvuet-na-psihiku-tyazhelobolnyh-lyudey> (accessed 24 May 2022)
- Butovskaia M.L. (2004) *Iazyk tela: priroda i kul'tura: (Evoliuts. i kross-kul'tur. osnovy neverb. kommunikatsii cheloveka)* [Body Language: Nature and Culture: (Evolutionary and Cross-Cultural Foundations of Human Nonverbal Communication)]. Moscow: Nauch. mir.
- Wulf C. (2009) *K genezisu sotsial'nogo. Mimesis, performativnost', ritual* [Zur Genese des Sozialen. Mimesis, Performativität, Ritual]. St. Petersburg.
- Galkin K.A. (2021) Ogranichennoe prostranstvo: gorod v period pandemii v predstavleniiakh pozhiykh liudei [Limited Space: Elderly People's Meanings of The City in The Time of Pandemic], *Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia*, Vol. 13, no. 2, pp. 27–40.
- Gennep A., van. (1999) *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov* [The Rites of Passage]. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN.
- Iz infektsionki v psikhushku: kak koronavirus svodit liudei s uma [From an infectious disease hospital to a psychiatric hospital: how coronavirus drives people crazy], *Pskovskoe agentstvo informatsii*. 24.11.2021. Available at: <https://informpskov.ru/news/372044.html> (accessed 24 May 2022)
- Kabakova G.I. (1999) Zapakh [The Smell]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, Vol. 2, pp. 266–269.
- «Kovid – eto sploshnoi spetseffekt». Perebolevshie rasskazyvaiut o neobychnykh simptomakh bolezni [“Covid is a total special effect.” Recovered patients report unusual symptoms of the disease], *Doktor Piter – sait o zdorov'e i zdorovom obraze zhizni*. Available at: <https://doctorpiter.ru/zdorove/and-laquokovid-e-to-splsnnoi-spece-ffekt-and-raquo-perebolevsie-rasskazy-vayut-o-neoby-cny-x-simptomax-bolezni26933-id646954/> (accessed 01 June 2022)

- Koronavirusnaia pnevmonia. Moia istoriia. Matvei, 45 let [Coronavirus pneumonia. My story. Matvey, 45], *Gorodskaiia klinicheskaiia bol'nitsa № 52 Departamenta zdravookhraneniia goroda Moskv.* Available at: <https://52gkb.ru/press-tsentr/besedy-s-patsientami/1466-koronavirusnaya-pnevmoniya-moya-istoriya-matvej-45-let> (accessed 25 May 2022)
- Kuznetsova V.P. (1992) O funktsiiakh kolduna v russkom svadebnom obriade Zaonezh'ia [On the functions of a sorcerer in the Russian wedding ceremony of Zaonezh'ye]. In: *Zaonezhskii sb.* [Zaonezh'ye Collection]. Petrozavodsk, pp. 117-131.
- Mauss M. (1996) Tekhniki tela. Obshchestva, obmen, lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii [Les techniques du corps]. Moscow: Izd. firma «Vost. lit.» RAN.
- Mazalova N.E. (2001) «Sostav chelovecheskii»: chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniiakh russkikh [“Composition of the human”: a person in the traditional somatic representations of Russians]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (MAE RAN).
- Mazalova N.E. (2019) *Narodno-meditsinskoe «tainoe znanie»: semantika, status, funktsii (konets XIX — nachalo XXI vv.: diss. ... dokt. ist. nauk* [Folk medical “secret knowledge”: semantics, status, functions (late 19th – early 21st centuries). Dr.Sc. (History) dissertation]. Moscow: IEA RAN.
- Mazalova N.E. (2011) *Etnograficheskie aspekty izucheniia lichnosti «znaiushchego»: XIX — nachalo XXI v.* [Ethnographic aspects of the study of the personality of the “knower”: 19th – beginning of the 21st century.]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniia Vostochnoi Sibiri* (1987) / comp. V.P. Zinov'ev [Mythological tales of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. no. 192.
- Lebedev V. (2021) Psikhozy pri koronavirusnoi infektsii [Psychosis due to coronavirus infection], *Russkii meditsinskii zhurnal*. 04.08.2021. Available at: https://www.rmj.ru/blog/Viktor_Lebedev/psikhozy-pri-koronavirusnoy-infektsii/ (accessed 24 May 2022)
- Nochnye kosmary, anemiia, zhar. Chto na samom dele ispytyvaiut bol'nye koronavirusom [Nightmares, anaemia, fever. What are coronavirus patients really experiencing?], *Novye izvestiia*. 22.06.2020. Available at: <https://newizv.ru/news/2020-06-22/nochnye-kosmary-anemiya-zhar-cto-na-samom-dele-ispytyvayut-bolnye-koronavirusom-304153> (accessed 18 May 2022)
- Oshchushcheniia bol'nykh, perenessikh Kovid [Experience of patients who have undergone Covid], *b17.ru: Sait professional'nykh psikhologov*. Available at: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=341158&> (accessed 14 May 2022)
- Podvoiskii D.G., Spirkina A.K. (2021) Obshchestvo v maske i perchatkakh pod mikroskopom sotsiologii povsednevnosti: beglyi vzgliad [“Masked” And “Gloved” Society Under the Microscope of The Sociology of Everyday Life: A Quick Look], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 315–339.
- «Prosto kak ovoshch». Pochemu liudi prodolzhauiut bolet' i cherez god posle kovida [“Just like a cabbage”. Why do people keep getting sick a year after COVID], *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20210929/postkovid-1752219949.html> (accessed 23 April 2022)
- Propp V.Ia. (1986) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of a fairy tale]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- «Slukh poterian navsegda»: real'nye istorii o zhizni posle koronavirusa [“The hearing is lost forever”: real stories about life after coronavirus], *The Voice Mag*. Available at: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/stil-zhizni/sluh-poteryan-navsegda-realnye-istorii-o-zhizni-posle-koronavirusa/> (accessed 06 June 2022).
- Surkhasko Iu.Iu. (1977) *Karel'skaia svadebnaia obriadnost' (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian wedding rituals (late 19th – early 20th centuries)]. Petrozavodsk.
- Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Compiled and forward by V.A. Beilis. Moscow.

- Ukhudshenie obonianiia nazvali priznakom skoroi smerti [The deterioration of the sense of smell was called a sign of imminent death], *Naked Science – Novosti nauki*. Available at: <https://naked-science.ru/article/sci/uhudshenie-obonyaniya-nazvali> (accessed 1 June 2022).
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress.
- Foucault M. (1996) *Volia k istine. Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Courage of Truth. Beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Magisterium-Kastal'.
- Foucault M. (2016) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison]. Moscow: Ad Marginem.
- Shein P.V. (1900) *Velikoruss v svoikh pesniakh, obriadakh, obychaiakh, verovaniiah, skazkakh, legendakh i t.p.: T. 1, vyp. 1* [Velikoruss in his songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends, etc.: Vol. 1, no. 1]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
- Bourdieu P. (1986) Outline of a Theory of Practice / Transl. R. Nice. Cambridge Univ. Press.
- Bury M. (2001) Illness narrative: fact or fiction, *Sociology of Health & Illness*, Vol. 23, No 3, pp. 263-285.
- Douglas M. (1970) *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. London: Barrie & Rockliff, The Cresset Press.
- Galkin K. (2020) "The Body Becomes Closed and Squeezed up in a Narrow Frame": Loneliness and Fears of Isolation in the Lives of Older People in Rural Areas in Karelia during COVID-19, *Anthropology & Aging*, Vol 41, No 2, pp. 187-198.
- Kleinman A. (1980) *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press.
- Kleinman A. (1988) *The Illness Narratives. Suffering, Healing, and the Human Condition*. New York Basic Books.
- Pela G., Goldoni M. (2022) Sex-Related Differences in Long-COVID-19 Syndrome, *Journal of Women's Health*, Vol. 31, No. 5. Available at: <https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/jwh.2021.0411> (accessed 14. May 2022).
- The COVID-19 Crisis. Social Perspective* / Edited by D. Lupton and K. Willis. London, New York: Taylor & Fr. Gr, 2021.

Сведения об авторе:

МАЗАЛОВА Наталья Евгеньевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nataliya E. Mazalova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07 июня 2022 г.;
принята к публикации 03 июня 2023 г.

The article was submitted 07.06.2022;
accepted for publication 03.06.2023.

Научная статья
УДК 314.148
doi: 10.17223/2312461X/40/2

Пандемия «русского гриппа» 1889–1890 гг.: возникновение, распространение, демографические потери

Сергей Васильевич Рязанцев^{1, 2}
Алексей Викторович Смирнов³

¹ МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
^{2, 3} Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
^{1, 2} riazan@mail.ru
³ sofetel@mail.ru

Аннотация. «Русский грипп» 1889–1890 гг. – первая пандемия, которая получила ежедневное освещение в периодической печати Российской империи. На основе дореволюционного материала (отчеты русской армии, периодическая печать, статьи российских медицинских изданий) осуществлен обзор источников в отношении места и времени возникновения вируса, распространения, симптоматики, уровня заболеваемости и смертности. Во многих научных источниках, посвященных пандемии «русского гриппа», встречаются данные о том, что локализацией первичного очага инфекции была Бухара. Действительно, с середины мая 1889 г. в столице Бухарского эмирата была эпидемия, которая уносила по 300–600 человек в день. Однако данная версия недостаточно убедительна по ряду причин. Во-первых, проявление болезни не соответствовало основной симптоматике гриппа. Во-вторых, существующие торговые отношения Бухары с Россией, Афганистаном и Персией привели бы ко вспышкам гриппа в трех странах одновременно. В-третьих, грипп захватил бы в первую очередь соседние с Бухарой Сырдарьинскую и Самарскую области, но распространение инфекции там началось не раньше конца ноября – начала декабря. В начале октября 1889 г. вирус гриппа распространился в Томской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областях. В середине октября заболевание гриппом отмечается в крупных городах Российской Империи, расположенных на главных путях сообщения. Если эпидемия захватила Центральную часть Российской Империи и Сибирь осенью 1889 г., то в Приморской области и на острове Сахалин она распространилась в мае 1890 г. Мы предполагаем, что общая смертность от эпидемии «русского гриппа» на территории Российской империи могла составить от 60 до 90 тыс. человек. Эпидемии предшествовало повальное воспаление легких у крупного рогатого скота на территории Западной Сибири. Эти данные свидетельствуют в пользу версии, согласно которой «русский грипп» 1889 г. мог быть вызван коронавирусом, передающимся от крупного рогатого скота человеку. На сегодняшний день нет данных, какой вид вируса вызвал пандемию «русского гриппа».

Ключевые слова: «русский грипп» 1889–1890 гг., «русский грипп», пандемия гриппа, распространение гриппа, заболеваемость, эпидемия, миграция, смертность

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта No 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Для цитирования: Рязанцев С.В., Смирнов А.В. Пандемия «русского гриппа» 1889–1890 гг.: возникновение, распространение, демографические потери // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 27–54. doi: 10.17223/2312461X/40/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/2

The Pandemic of the “Russian Flu” of 1889–1890: Occurrence, Spread, Demographic Losses

Sergey Vasilievich Ryazantsev^{1,2}
Alexey Viktorovich Smirnov³

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

^{2,3} *Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *riazan@mail.ru*

³ *sofetel@mail.ru*

Abstract. The “Russian flu” of 1889–1890 was the first pandemic that received daily coverage in periodicals of the Russian Empire. This review is based on pre-revolutionary sources (Russian Army reports, printed media, articles in Russian medical literature) with regard to the place and time of the virus emergence, transmission, symptoms, morbidity and mortality rates. Many scientific sources on the “Russian flu” pandemic state that the infection originated in Bukhara. Indeed, in mid-May 1889, there was an epidemic in the capital of the Emirate of Bukhara, which claimed the lives of 300–600 people a day. However, this version is not convincing enough for a number of reasons. First, manifestations of the disease did not correspond to the main influenza symptoms. Second, Bukhara's then-existing trade relations with Russia, Afghanistan and Persia would have led to influenza outbreaks in the three countries at the same time. Third, the influenza would primarily have seized the Syrdarya and Samara Regions neighboring Bukhara, but the infection did not appear there until late November or early December. In early October 1889, the influenza virus spread among the population of the Tomsk Province, Akmola and Semipalatinsk Regions. In mid-October, influenza appeared in large cities of the Russian Empire located on the main transport routes. While the Central part of the Russian Empire and Siberia were seized by the flu in the fall of 1889, the virus spread in the Primorsky Region and Sakhalin Island in May 1890. We assume that the total mortality from the “Russian flu” epidemic in the territory of the Russian Empire could range from 60 to 90 thousand people. The epidemic was preceded by widespread pneumonia in cattle in Western Siberia. These facts support the version that the 1889 “Russian flu” could have been caused by a coronavirus transmitted from cattle to humans. To date, there is no data on what type of virus could cause the “Russian flu” pandemic.

Keywords: 1889–1890 «Russian flu», «Russian flu», influenza pandemic, spread of influenza, morbidity, epidemic, migration, mortality

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of a project supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No 075-15-2022-327, 22.04.2022).

For citation: Ryazantsev, S.V., Smirnov, A.V. (2023) The Pandemic of the “Russian Flu” of 1889–1890: Occurrence, Spread, Demographic Losses. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 27–54 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/2

Инфлуэнца – загадочная болезнь, эпидемически ходящая по Петербургу и похищающая свои жертвы на фабриках, как и в семьях, на чердаках, как и в богатых хоромах.

(Петербургская газета. 1889. 10 ноября)

Введение

«Русский грипп», возникший в 1889 г., стал первой пандемией¹ в мире, новости о которой в ежедневном формате освещались в периодической печати (Kempinska-Mirosławska, Wozniak-Kosek 2013). По некоторым оценкам, жертвами пандемии гриппа стал 1 млн человек из 1,5 млрд населения Земли (Brussow, Brussow 2021).

Предположительно, первая эпидемия гриппа была зафиксирована в России в 1173 г. и до пандемии «русского гриппа» 1889 г. возникала 90 раз (Герман 1889). Самой масштабной пандемией гриппа, до конца XIX в. стал грипп 1781–1782 гг., охвативший около 3/4 мирового населения, остановивший функционирование фабрик, школ, судов и других социальных объектов. Считается, что болезнь пришла из Китая через Сибирь в европейскую часть России, а оттуда распространилась на другое полушарие (Казанский листок 1889: 18 ноября; Видаль 1894).

Названная пандемия дала основание считать, что грипп возникает на востоке или северо-востоке Российской империи и идет на запад. Поэтому с конца XVIII в. грипп в странах Западной Европы стали именовать «русским гриппом», «русским катарром», «русской болезнью» или «русским кашлем». Итальянцы называли ее «il catarrh Russo», «il morbo detto russo» или «Tussis, quam Russam nominant» (Казанский листок 1889: 16 ноября; 18 ноября; Clemow 1894; Об «испанской» болезни 1919; Садов 1927). На территории Российской Империи, в медицинских изданиях и прессе, данную болезнь называли гриппом (фр. gripper – хватать; нем. greifen, griff – захватить) и инфлуэнцей (лат. influere – влиять) (Шатилов 1919).

Вирус гриппа с октября 1889 г. по май 1890 г. распространился по территории Российской империи «от Омска до Варшавы, от Омска до Владивостока» (Верекундов 1891: 272). Единичные случаи инфицирования гриппом фиксировались уже в августе 1889 г. в Казани, Оренбурге, Петропавловске, Саратове, Челябинске, но характер эпидемии грипп

приобрел только в октябре. Если эпидемия захватила центральную часть Российской империи и Сибирь осенью 1889 г., то в Приморской области и на острове Сахалин распространилась в мае 1890 г. (Верекундов 1891).

В качестве причин возникновения гриппа выдвигались самые разнообразные версии: астероид, влияние магнитных и электрических токов земли, «небрежное зарывание трупов крупного рогатого скота, умершего в период прошлогодней эпидемии». Предполагали опасное влияние атмосферы, которая переносит болезнь. Говорили даже, что грипп был «запущен» фармацевтами на проходившем фармацевтическом съезде в Петербурге, поскольку в аптеках было много хинина. Винили пыль от землетрясения на острове Ява, наводнение в Китае и др. (Петербургская газета 1889: 13 ноября; Сын Отечества 1889: 18 ноября; Флоринский 1890; Clemow 1894).

Эффективных лекарств от гриппа тогда не было. Считалось, что «...никакое лечение не укорачивает течение болезни и не изменяет характера температурной кривой» (Богоявленский 1890: 127). Но врачи прописывали обеспеченному населению хинин, морфий и салициловый спирт (Петербургская газета 1889: 20 дек.; 9 дек.). Крестьяне же лечились народными средствами: барсучьим салом, слабительными и потогонными средствами, холодными компрессами, русской баней (Самарская газета 1889: 28 ноября; Щербаков 1890). А некоторые предпочитали лечиться алкоголем. По этому поводу поднимался вопрос в газетах: «Куда стоит идти за лекарством – в аптеку или в винной погреб» (Сын отечества 1889: 22 ноября).

В конце XIX в. пути передачи вируса гриппа не были известны. Великий врач древности Гиппократ, живший в IV в. до н. э., объясняя возникновение эпидемий, видел их причину в свойствах воздуха, который вдыхал человек. «Во время эпидемий воздух... выделяет особое болезнетворное испарение...», называемое миазмами (Скороходов 1948: 8).

Некоторые врачи считали, что грипп имеет миазматическое происхождение, поскольку эпидемии вспыхивают на больших пространствах и не зависят от миграции населения (Флоринский 1890; Видаль 1894). «Быстрота распространения обыкновенно так велика и обширна, что не может допустить мысли о непосредственном переносе заразы от человека к человеку» (Флоринский 1890: 2).

Однако в конце XIX в. появилась парадигма, говорящая о контагиозных свойствах гриппа. Врачи обращали внимание на то, что в основном вспышки гриппа встречались в местах большого скопления людей и, напротив, болезнь редко проникала в тюрьмы или в психиатрические больницы (Видаль 1894).

После окончания пандемии «русского гриппа» 1889–1890 гг. в Германии были опрошены 2 643 врача. 58% высказались за то, что грипп –

«заразная» болезнь, а 43% были против (Шатилов 1919). Безусловно, распространению гриппа способствовала миграция населения.

Источники

Основными источниками информации для данного исследования послужили следующие документы: «Отчет о гриппозной эпидемии в русской армии в 1889 и 1890 гг.» (Верекундов 1891) и карты из атласа гриппозной эпидемии в русской армии 1889–1890 гг., а также статьи российских медицинских изданий («Врач», «Русская медицина», «Медицинское обозрение» и «Еженедельная клиническая газета») и газет («Петербургская газета», «Сын отечества», «Московский листок», «Восточное обозрение», «Оренбургский листок» и др.), опубликованные до революции 1917 г. Данные материалы представлены в Российской государственной и Российской национальной библиотеках. В условиях современной пандемии COVID-19 обращение к данным источникам информации представляет особый интерес, обусловленный необходимостью реконструкции ключевых закономерностей распространения вируса, вызвавшего пандемию «русского гриппа» в прошлом. Оригинальность исследования состоит в углублении знаний об истории «русского гриппа» 1889–1890 гг. благодаря введению в научный оборот новых источников, а также выявлению закономерностей распространения пандемий в обществе с учетом исторических аспектов.

Происхождение и место возникновения вируса «русского гриппа»

В ноябре 1891 г. немецкий ученый Ричард Пфайффер выделил из носоглотки человека неизвестный патоген, назвав его *Bacillus influenzae*, а в 1892 г. объявил, что открыл возбудителя гриппа (Eyler 2010; Berchy 2022). Палочка Пфайффера (сейчас называется *Haemophilus influenzae*), вызывающая гемофильную инфекцию, а не грипп, была в центре внимания исследователей до начала 1920-х гг. (Eyler 2010).

Только во время пандемии «испанского гриппа» возникли предположения, что возбудитель не является бациллой Пфайффера (Магат 1919; Шатилов 1919; Файншмидт 1919). Появились версии, что болезнь «...вызывается фильтрующимся, т.е. невидимым вирусом. Впервые такое предположение высказал Selter. Не найдя ни в одном из тридцати трех случаев испанки, несмотря на тщательные поиски пфайферской палочки, он профильтровал через беркофельдовский фильтр разведенную мокроту от больного испанкой... затем он и его ассистент... заболели испанским гриппом. Эти опыты, вначале оспаривавшиеся некоторыми, в дальнейшем были подтверждены многочисленными опытами... В дальнейших работах мысль о невидимом вирусе все более и

более укрепляется» (Архив Государственного клинического института... 1922: 128). Только в 1933 г. ученые из лондонского национального института медицинских исследований смогли выделить вирус гриппа (History of the influenza vaccine).

На сегодняшний день патоген, вызвавший пандемию «русского гриппа», не идентифицирован, как это было с возбудителем «испанки». После секвенирования генома вируса «испанского гриппа», изъятых из останков человека, умершего в 1918 г., был сделан вывод, что возбудителем был вирус гриппа H1N1 (Морозова и др. 2021; Berche 2022).

Существует две версии относительно вида патогена вызвавшего пандемию «русского гриппа». Ряд исследователей считают, что это мог быть вирус гриппа *Muxovirus influenzae*, другие придерживаются точки зрения коронавирусного происхождения патогена, поскольку пандемия COVID-19 показала эпидемический потенциал коронавирусов (Vijgen et al. 2005; Морозова и др. 2021; Berchy 2022).

Согласно первой версии, пандемию 1889 г. мог вызвать вирус *Muxovirus influenzae*, обеспечивающий в дальнейшем иммунную защиту от вируса «испанки» тем, кто перенес заболевание. «Люди старше 30 лет менее часто заболевают и реже умирают в настоящую эпидемию от того, что они болели уже в эпидемию 1889/90 гг. и стали невосприимчивы; если же они заражаются теперь вновь, то заболевание у них протекает более легко» (Мейер 1919: 190). Этот факт объясняет высокую смертность от гриппа в 1918 г. людей молодого и среднего возраста. (Шатилов 1919; Биргер 1920; Садов 1927; Советская Сибирь 1927: 12 фев.; Кричевский, Шоттер 1927; Morgens, Fauci 2007; Gagnon et al. 2013; Морозова и др. 2021; Berche 2022). По данным врача харьковской городской больницы, 90% всех случаев испанского гриппа были зафиксированы у людей в возрасте до 35 лет. Доля заболевших до 15-летнего возраста составила 4%, от 15 до 25 лет – 60%, от 25 до 35 – 26%, старше 35 лет – 10% (Воловник 1919).

Данная версия вызывает сомнения после генетического анализа вируса «испанского гриппа», который показывает время возникновения вируса – около 1915 г. (Морозова и др. 2021).

По другой версии, выдвинутой в 2005 г. (задолго до массового интереса к семейству коронавирусов), пандемию гриппа в 1889–1890 гг. мог вызвать коронавирус, который, по данным метода молекулярных часов (накопление со временем различий аминокислотной последовательности в геноме), мог быть передан от крупного рогатого скота около 1889 г. человеку (Vijgen et al. 2005; Berche 2022). Анализ геномов коронавирусов человеческого OC43 (HCoV-JC43) и бычьего (BCoV) показал антигенное и генетическое сходство. Эти данные привели к выводам, что люди могли заразиться коронавирусом после контактов с крупным рогатым скотом (Vijgen et al. 2005).

Ряд исследователей обратили внимание на схожесть симптомов после перенесенного «русского гриппа» и коронавирусной инфекции COVID-19. Эта схожесть наблюдается в тенденциях болезни к рецидивам и неврологическим осложнениям, в особенности проявившимся в невралгии, неврастении и затяжном процессе восстановления после перенесенной болезни (Honigsbaum, Krishnan 2020; Berche 2022).

Современники пандемии 1889–1890 гг. предлагали несколько версий относительно места возникновения первой эпидемической вспышки вируса «русского гриппа» – Бухара, Сибирь, Персия, Туркестан, Китай, пустыня Гоби в северной части Монголии и др. (Видаль 1894; Clemow 1894). Встречались предположения, что грипп возник в киргизских степях, с точными координатами колыбели возникновения инфекции: 60° и 70° в.д., 55° и 56° с.ш. (Лион 1894).

Дискуссии вокруг географической локализации очага эпидемии не происходили. «Мало интересного в том, что начинается ли болезнь в Сибири, Персии, Туркестане или Бухаре...» (Видаль 1894: 3).

В большинстве современных источников, посвященных пандемии гриппа 1889 г., можно найти информацию, что грипп появился в Бухаре летом и распространился по всей планете (Kempinska-Miroslawska, Wozniak-Kosek 2013; Brussow, Brussow 2021; Berche 2022).

Действительно, начиная с середины мая 1889 г. в столице Бухарского эмирата свирепствовала эпидемия, которая уносила по 300–600 человек (пиковые значения) в день. Люди заболевали лихорадкой. Инкубационный период болезни составлял от 7 до 14 дней (Новости и биржевая газета 1889: 17 ноября). Бухарский Эмир из-за боязни заболеть переехал в Чарджуй (Каспий 1889: 18 августа). Генерал Б.В. Анненков приехал в Бухару контролировать борьбу с эпидемией. Он убедил бухарского эмира издать указ о санитарной очистке города, раздаче хинина населению и надзоре за погребением мертвых (Восточное обозрение 1889: 17 декабря). За май, июнь, июль и август умерло примерно 7 тыс. человек, что составило около 5% от населения города (Туркестанская туземная газета 1889: 19 сентября).

Данную версию можно считать недостаточно убедительной по ряду причин. Во-первых, инкубационный период у гриппа составлял 1–3 дня, а у бухарской болезни 7–14 дней. Во-вторых, поскольку Бухара имела торговые отношения не только с Россией, но и с Афганистаном и Персией, то следовало ожидать одновременных вспышек гриппа во всех трех странах. Но этого не произошло (Туркестанская туземная газета 1889: 14 июня). В-третьих, грипп захватил бы в первую очередь территории, близко расположенные к источнику возникновения, но инфекция в Сырдарьинской и Самаркандской областях оказалась не раньше конца ноября – начала декабря (Верекундов 1891).

Подтверждением теории бельгийских ученых могут служить факты эпизоотии у скота, встречающиеся в периодической печати за 1889 г.

Так, с 31 марта 1889 г. в Кокчетавском городском поселении появилось воспаление легких среди крупного рогатого скота (Акмолинские областные ведомости 1889: 14 июня). А в городе Петропавловске с 6 мая 1889 г. было зафиксировано повальное воспаление легких у животных. Из 263 заболевших голов умерло 218 (13 сентября).

Жители Сибири надеялись, что с понижением температуры эпизоотия пойдет на спад. «Сибиряки покорно ждали наступления холодов, с появлением которых, однако, эпизоотия еще более усилилась, да, в придачу к ней пожаловала и несносная инфлюэнца» (Новости и биржевая газета 1889: 24 ноября). Заметки о взаимосвязи между гриппом и болезнями животных встречались в газете «Врач» 1889 г.: «...несомненна связь гриппа с эпизоотиями на лошадях, собаках и кошках; эпизоотии эти имеют с гриппом много общего...» (№ 47: 247).

Каждый год с июня по ноябрь в Томск на бойню пригоняли до 13 тыс. голов крупного рогатого скота, в основном из Кулундинских степей, Барнаульского округа и Семипалатинской области. Осенью 1889 г. воспаление легких было зафиксировано среди поголовья крупного рогатого скота в Томске (Сибирский вестник... 1889: 4 октября; 27 октября). Но, несмотря на возникшую вспышку болезни, скот не был изолирован и свободно передвигался по улицам города (Сибирский вестник... 1889: 17 октября). Цены на мясо снизились до 1 рубля за пуд. Из-за возникшего заболевания томичи либо забивали скот, либо продавали животных очень дешево (за корову просили от 5 до 8 рублей) (Восточное обозрение 1889: 5 ноября; 19 ноября).

Более правдоподобной представляется версия, что вирус мог быть передан от домашнего скота человеку в пределах Томской губернии или завезен туда из соседних регионов. Отчеты о гриппозной эпидемии в русской армии были представлены картограммами помесячного распространения гриппа в России. Наиболее пораженной оказалась Томская губерния – более 200‰ (промилле (‰) на 1000 человек населения). В соседних Тобольской губернии и Акмолинской области распространенность гриппа составила 120–150‰ (Карты из атласа... 1891) (рис. 1).

Как только случаи заболевания гриппом появились в населенных пунктах на Самаро-Златоустовской и Оренбургской железных дорогах, вирус стал активно распространяться. Этому способствовал ряд факторов: достаточно плотная система железных дорог в европейской части России, почтовые дороги, пароходные сообщения и внутренние водные пути (Карта Европейской России... 1892). Стоит отметить, что дорога из центра Сибири до Москвы или Петербурга в среднем занимала около 17 дней (Сибирский вестник... 1889: 18 августа). Если в октябре в Вятке, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Саратове, Ярославле распространенность гриппа была от 60–90‰, то в Воронеже, Тамбове,

Рязани, Туле, Санкт-Петербурге, Варшаве данный показатель составлял от 0,1 до 5‰ (Карты из атласа... 1891).

Рис. 1. Распространение гриппа по территории Российской империи в октябре 1889 г. (Карты из атласа... 1891)

В ноябре «инфлюэнца явление повсеместное. Она и в Сибири, и на Кавказе, и внутри России» (Петербургская газета 1889: 16 ноября). Врачи не помнили в своей практике такого количества больных с пневмонией, которая началась с заболевания гриппом (Сын отечества 1889: 27 ноября). Заболеваемость выше 200‰ была зафиксирована в Иркутской, Пензенской, Лифляндской, Санкт-Петербургской губерниях. Около 150–200‰ наблюдалось в Семипалатинской, Саратовской, Воронежской, Выборгской губерниях и Тургайской области. Около 120–150‰ было зафиксировано в Енисейской, Архангельской, Вологодской, Владимирской, Рязанской и Бессарабской губерниях, Уральской и Акмолинской областях. На всей остальной части империи, западнее Уральских гор, данный показатель составлял от 0,1 до 30‰ (Карты из атласа... 1891).

В декабре 1889 г. грипп уходит из центральной части Российской империи. Наибольшая заболеваемость (200‰ и более) наблюдается в Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Сырдарьинской областях, Архангельской и Бакинской губерниях. Заболеваемость на уровне 150–200‰ сохранялась в Иркутской и Елизаветпольской губерниях. В Енисейской, Симбурской губерниях и на территории Закавказья (кроме Бакинской губернии) грипп был распространен на уровне 90–

150‰. Заболеваемость гриппом в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах Центральной России снижается до уровня 5–15‰.

В январе 1890 г. только в Семиреченской области заболеваемость находилась на уровне 150–200‰. В Забайкальской области, Архангельской, Астраханской, Ставропольской, Могилевской губерниях грипп поразил население на уровне 60–90‰. На остальной территории империи заболеваемости гриппом либо не наблюдалось, либо она находилась на уровне 0,1–5‰.

В феврале 1890 г. грипп охватил всю Якутскую область (150–200‰) – такое большое опоздание определяется плохой транспортной доступностью и небольшой плотностью населения (Карты из атласа... 1891). Грипп также распространился по почтовому тракту с юга на север и по реке Лена. Переболело примерно 30% населения Якутии (около 6 300 человек) (Верекундов 1891).

В марте грипп появляется в Амурской области (0,1–5‰), фиксируется в Забайкальской области, Ковенской, Гродненской губерниях (рис. 2).

Рис. 2. Распространение гриппа по территории Российской империи с октября 1889 г. по март 1890 г. (Карты из атласа... 1891)

В апреле грипп исчезает, а в мае 1890 г. появляется снова в Приморской области и на острове Сахалин (0,1–5‰) (Верекундов 1891).

Карты распространения гриппа были составлены по данным, предоставленным войсковыми частями. Численный состав армии был более 800 тыс. человек и, как было указано в отчете, эти данные «представляют материал точный, строго проверенный... регистрированный по одному и тому же плану нозологической группировки...» (Верекундов 1891: 378).

Статистические данные из военных отчетов кажутся наиболее правдоподобными, в отличие от данных, предоставленных статистическими государственными службами. Например, в Отчете Московской городской управы по санитарной части за 1889 г. говорилось: «...весьма немногие дома в городе были пощажены гриппозной эпидемией. Между тем, по карточным сведениям, общее число заболевших гриппом за год было всего 3 665... весьма значительное число заболевших гриппом оставалось без всякого лечения, и таким образом все подобные случаи и не могли быть зарегистрированы» (1890: 62). Чтобы попасть в статистику инфекционных болезней, необходимо было, чтобы доктора больниц или «вольнопрактикующие» врачи заполнили карточку, напечатанную городской управой, и отправили ее во врачебное управление. Но некоторые больные не обращались в больницы и к частным врачам, не попадая, таким образом, в статистику, а частные врачи, по сообщениям прессы, не отправляли данные о больных (Русские ведомости 1889: 23 ноября).

Эпидемия гриппа в регионах Российской Империи

В *Томске* врачи именовали грипп «сибирской горячкой», которая в начале эпидемии легко переносилась, но была «ужасна в своем распространении» (Петербургская газета 1889: 16 ноября). На середину октября 1889 г. пришелся наибольший разгар эпидемии (Флоринский 1890). Почти во всех общественных заведениях переболели гриппом сотрудники: солдаты, студенты, чиновники. Свечной завод женского монастыря перестал работать, так как одновременно заболело 40 человек. Занятия в учительской семинарии и женской гимназии на время были приостановлены (Восточное обозрение 1889: 26 ноября). К концу месяца врачи стали обращать внимание, что грипп у некоторых заболевших заканчивался воспалением легких (19 ноября). Нередки были смертельные случаи (Сибирский вестник 1889: 5 ноября). К 16 декабря «томская болезнь» распространилась на сельское население Сибири (Восточное обозрение 1889: 17 дек.).

В *Красноярске* наблюдалось много больных брюшным и сыпным тифом, тифоидальной лихорадкой, крупозным воспалением легких. Доктора «измучались», разъезжая по больным, в аптеке каждый день выдавалось лекарств более чем на 100 рецептов. Явление, по мнению провизора аптеки, «небывалое» (Восточное обозрение 1889: 12 ноября).

В *Барнауле* с 24 октября 1889 г. установилась зимняя дорога по реке Обь, которая принесла в город тиф и «новую эпидемическую болезнь – горячку с кашлем». К концу месяца переболели практически все семьи, врачи «работали без отдыха» (Восточное обозрение 1889: 26 ноября).

В *Иркутске* на экстренном заседании городской думы с участием врачей по вопросу о принятии мер по предотвращению эпидемии грип-

па было решено выделить 5 тыс. рублей в распоряжение управы и поручено пригласить 6 врачей, которые обошли бы бедных больных (Восточное обозрение 1889: 10 декабря). Было разрешено также всем практикующим врачам Иркутска прописывать лекарства бедным слоям населения бесплатно – за счет города (3 декабря).

В *Санкт-Петербурге* вспышка гриппа произошла в 20-х числах октября 1889 г. Болезнь за короткое время очень сильно распространилась. Заболевали сотнями солдаты в полках, рабочие в мастерских, на фабриках и заводах. Часть предприятий вынуждена была на короткое время приостановить работу из-за отсутствия людей. В некоторых учебных заведениях приостановились занятия по этой же причине. Гриппом заболевали все, без различий по полу и социальному положению, среди неимущего населения и обеспеченного (Сын отечества 1889: 10 ноября).

Больницы стали быстро заполняться, и появилось опасение, что скоро свободных коек не будет (Петербургская газета 1889: 1 декабря). В ноябре 1889 г. городское управление Петербурга провело заседание, где поднимался вопрос об увеличении числа думских врачей для лечения больных на дому, чтобы не занимать койки в больнице (Сын отечества 1889: 10 ноября). Для борьбы с гриппом городская дума наняла для врачей помощников. Ежемесячная оплата их труда составляла 50 рублей, включая 30 копеек за каждый визит к больному (Казанский листок 1889: 24 ноября). К середине месяца в больницах перестали принимать больных гриппом, если у них не было диагностировано воспаление легких, брюшной тиф или какая-нибудь другая «тяжелая болезнь» (Сын отечества 1889: 27 ноября).

Спрос на лекарства в аптеках вырос в 2–3 раза (Сын отечества. 1889: 27 ноября). В газетах писали: «Для врачей настал «праздник – с раннего утра до поздней ночи ходят к пациентам и “загребают деньги”» (10 ноября). В столице даже была открыта клиника для собак и кошек, больных гриппом (27 ноября).

Из-за болезни актеров и зрителей закрылось большинство театров (Сын отечества 1889: 11 ноября). Правда в Александринском театре актеры «играли в бреду (актриса С. падала в обмороки, другая еле ходила по сцене, а актера А. обливали холодной водой)» (15 ноября).

С 10 ноября 1889 г. заболевание юнкеров Михайловского артиллерийского училища стало усиливаться, несмотря на хорошие санитарные условия. К 18 числу заболела половина училища – 80 человек (Сын отечества 1889: 23 ноября).

К концу ноября 1889 г. заболеваемость сильно уменьшилась, приглашенные к городским врачам помощники «уже остаются без дела» (Петербургская газета 1889: 30 ноября).

По мнению газет, фактом затухания эпидемии «недовольны не только врачи и аптекари, так как к их услугам стало обращаться меньше

граждан, но и чиновники, которые могли во всем винить эпидемию» (Сын отечества 1889: 30 ноября).

В декабре грипп стал вызывать осложнения со стороны органов дыхания. Число смертельных случаев от воспаления легких и бронхита резко увеличилось. В одной из больниц в октябре умерло от крупозного воспаления легких 52 человека, от чахотки легких – 293, от катарального воспаления легких – 116. А в ноябре от крупозного воспаления легких умерло 279 чел., от чахотки легких – 573, от катарального воспаления легких – 211 (Петербургская газета 1889: 17 декабря).

В *Москве* в ноябре 1889 г. был зафиксирован самый высокий показатель заболевших по месяцам за год. Это было максимальное значение для данного месяца за 7 лет, начиная с 1883 г. (Отчет Московской городской управы... 1890). В сентябре 1889 г. было несколько единичных случаев гриппа, а с 18 октября появляется большое количество больных, особенно в ночлежных домах, где была высокая плотность проживающих (Шнауберт 1890). Болели на фабриках, в учебных и ремесленных заведениях (Русские ведомости 1889: 15 ноября).

С конца ноября по первую половину декабря 1889 г. эпидемия пошла на спад. «Практические врачи предполагают, что за это время не менее 1/3 населения переболело гриппом» (Шнауберт 1890: 109). Если учесть, что население Москвы в 1889 г. составляло 863 тыс. человек, то получается, что примерно 300 тыс. москвичей переболели гриппом (Куркин 1927). При этом от крупозной пневмонии и болезней дыхательных органов в 1889 г. умерло 5 713 человек (Таблицы о движении населения в г. Москве в 1889 г. 1890).

Пандемия «русского гриппа»

Вirus гриппа, распространившись по многим странам и континентам, вызвал эпидемию мирового масштаба – пандемию (Покровский и др. 2009). К концу ноября 1889 г. вирус поразил население столиц европейских государств

В *Париже* появились слухи о заболевании служащих в магазинах «Лувр». В газетах «Eclair» и «Petit National» писали, что заболевших насчитывается более 400 чел. (Московский листок 1889: 28 ноября). В опубликованном рапорте врачей говорилось, что средняя цифра заболевших за день в магазине du Louvre со 120 человек увеличилась до 670 человек. Но это был «лишь легкий грипп, продолжавшийся не более четырех суток и не сопровождающийся никакими осложнениями». В многолюдных местах города фиксировались случаи заболевания гриппом, которые «не внушают никаких опасений и не требуют никаких особенных предупредительных мер» (Петербургская газета 1889: 1 декабря). Газета «Le Temps» сообщала, что из тысячи служащих в

центрального управлении почты и телеграфов около 130 человек больны гриппом (Московский листок 1889: 30 ноября).

В декабре в печати писали, что «болезнь не опасная, но очень надоедливая и обессиливающая». Приводили пример, как лечат от гриппа в России: дают больному выпить 2 бутылки коньяка, укрывают шубами или другими теплыми вещами, и на утро пациент здоров (Сын отечества 1889: 11 декабря). 10 декабря газеты сообщали, что гриппом больны Президент Карно, а также министры Тирар, Спюллер, Фрейсине и Фэ (Петербургская газета 1889: 11 декабря). Через четыре дня Президент выздоровел и смог присутствовать на совете министров (16 декабря).

В середине декабря грипп вызвал панику среди населения. Французские газеты стали сообщать, что эпидемия инфлюэнцы нередко переходит в воспаление легких. В больницах не хватало мест для всех больных, поэтому вынуждены были открывать новые помещения. Ритуальные службы не успевали хоронить, поскольку число умерших увеличивалось, а персонал похоронных бюро отсутствовал из-за болезни (Русские ведомости 1889: 21 дек.).

Заболел чрезвычайный и полномочный посол России во Франции А.П. Моренгейм, вследствие чего не смог присутствовать на приеме Президента Республики (Петербургская газета 1889: 24 дек.).

Берлин. В конце ноября в берлинских газетах писали, что грипп сильно распространяется, но болезнь «вообще не представляет ничего опасного» (Петербургская газета 1889: 1 декабря). В начале декабря, по мнению профессора Лейдене, болеет гриппом более 1/3 населения города (3 декабря). В медицинском журнале «*Klinische Wochenschrift*» было написано, что распространение инфекции нельзя отрицать, но «трудно определить, какие она приняла размеры» (Петербургская газета 1889: 3 декабря). 23 декабря заболела гриппом вдовствующая Императрица Августа, 26 декабря в 9 утра «затруднение дыхания усиливалось и силы ослабевали». Августейшая особа скончалась днем 26 декабря 1889 г. (Московский листок 1889: 27 декабря). На домах в Берлине были вывешены траурные флаги. В прессе писали, что императрица Августа «лежит под белым покровом и держит в правой руке букет ландышей». 30 декабря в 12 ч 15 мин при колокольном звоне выступила траурная процессия (Петербургская газета 1889: 31 декабря).

Мадрид. 19 декабря заболела Королева-регентша, из-за чего не смогла присутствовать на освящении нового госпиталя. У Короля Испании появилась лихорадка, весь день температура была 38°C (Московский листок 1889: 27 декабря). Состояние стало ухудшаться, врачи были собраны во дворце в 4 утра на совещание и пришли к выводам, что необходимо увеличить питание (30 декабря). Председатель Совета министров Сагаста созвал совет, на котором рассматривался вопрос о наследовании престола. Было принято решение, что в случае кончины

короля корона перейдет к принцессе Марии Мерседес при регентстве Христины. Через день состояние короля улучшилось, «вожди всех партий выразили преданность монархии» (31 декабря). 2 января газеты сообщали о «заметном улучшении» здоровья короля (Московский листок 1890: 4 января).

Вена. В конце ноября заболевание гриппом среди населения встречается часто (Петербургская газета 1889: 28 ноября). 3 декабря инфлюэнца приняла широкие размеры, особенно в казармах (Московский листок 1889: 4 декабря). Эрцгерцог Альбрехт болен, а министр Дунаевский «уже три недели прикован к постели инфлюэнцей» (30 декабря).

Афины. К концу декабря грипп распространился на весь город, охватив все слои общества. В армии очень много больных. (Московский листок 1889: 31 декабря). В начале января вся королевская семья заболела гриппом (Московский листок 1890: 4 января). К 18 января эпидемия прекратилась, но «в последние дни смертность увеличилась в 6 раз» (20 января).

Турин. 5 января врачи Бруно и Гамба обнародовали первый бюллетень о здоровье герцога Аотского: у герцога воспаление легких. Доктора Баччели вызвали на консультацию из Рима (Московский листок 1890: 6 января). 6 января герцог приобщился к святой Тайне в окружении своей семьи (7 января). В субботу 7 января в 7 часов вечера герцог скончался. Турин «облекся в траур» (8 января).

28 ноября в окрестностях *Лондона* было два случая заболевания инфлюэнцей (Петербургская газета 1889: 29 ноября). К 20-м числам декабря в Лондоне заболело почти 400 почтовых и телеграфных чиновников, многие полицейские и банковские служащие не в состоянии были выполнять свою работу (Московский листок 1889: 23 декабря). 2 января скончался от гриппа фельдмаршал Лорд Нэйпир (Московский листок 1890: 4 января). Одно из лондонских страховых агентств пришло к выводам, что убытки, принесенные стране гриппом, составили около 2 млн фунтов стерлингов (Insurance losses from the influenza 1890).

Тифлис. К концу ноября инфлюэнцей болеет весь город, во всех типографиях большинство служащих больны. Театр не работает из-за болезни артистов (Московский листок 1889: 30 ноября). В начале декабря грипп стал вызывать осложнения в виде пневмонии (6 декабря). К середине декабря заболеваемость стала снижаться (13 декабря).

23 декабря грипп регистрируется в *Северо-Американских Штатах, Канаде и Мексике* (Московский листок 1889: 23 декабря). В Нью-Йорке 27 декабря было 235 смертельных случаев против 146, имевших место в понедельник. Из них 130 вызваны инфлюэнцей или, вернее, болезнями, которыми она осложнилась. Увеличение смертности «изумляла врачей» (29 декабря).

Симптомы «русского гриппа»

Инкубационный период длился в среднем один-три дня (Верекундов 1891). Болезнь начиналась с озноба и сильной слабости, головной боли, боли в конечностях, в спине. Боль была настолько сильная, что «заставляла иногда стонать людей, далеко не изнеженных, например рабочих, умеющих терпеливо переносить всякую боль» (Еженедельная клиническая газета 1889: 6 декабря: 688). Нередко к описанным симптомам присоединялся насморк, сухой и судорожный кашель, иногда боль в желудке и понос.

Кашель был не всегда. У некоторых больных, преимущественно в молодом возрасте, он даже не появлялся. Температура поднималась до 39–40°C. В среднем болезнь длилась 8,5 дня, из них лихорадочное состояние держалось 4,6 дня. Некоторые больные чувствовали только легкое недомогание, иногда боль в горле, насморк и кашель, но в среднем в течение трех-четырех дней данные симптомы проходили и человек выздоравливал (Еженедельная клиническая газета 1889: 6 декабря).

Грипп часто сопровождался осложнениями со стороны нервной системы, которые проявлялись в невралгиях и поражениях зрительных нервов (Браунштейн 1891; Макнамара (Macnamara) 1891). Наиболее подвержены гриппу были люди среднего и пожилого возраста (Сын отечества 1889: 17 ноября). Дети практически не болели или переносили болезнь очень легко (Восточное обозрение 1889: 3 декабря; Богоявленский 1890; Корсаков 1890). Заболевших мужчин было больше, чем женщин (Шнауберт 1890; Щербаков 1890). По показаниям врача, «число заболевших мужчин в два раза больше числа заболевших женщин, а численность заболевших женщин в полтора раза превышает число заболевших детей» (Гачковский 1890: 51).

Перенесенное заболевание не предохраняло от повторной болезни (Загорский 1889; Богоявленский 1890; Корсаков 1890; Смоличев 1890). У людей, имеющих хронические заболевания, грипп протекал в особенно тяжелой форме, обостряя состояние больного (Гачковский 1890).

Одним из самых серьезных осложнений гриппа была пневмония, которая нередко заканчивалась смертью. Главврач Обуховской больницы (Санкт-Петербург) приходит к выводу, что количество больных пневмонией в ноябре 1889 г. было в три раза больше, чем в ноябре 1888 г. А за период с 1869 по 1880 г. доля больных пневмонией от всех поступивших за год в больницу не превышала 5–6%. В 1889 г. данный показатель составил 11% (Герман 1889).

Грипп увеличивал смертность больных туберкулезом легких (Янсон 1890). В отчете Московской городской управы написано: «...чахотка легких в прошлом году отступила от своего обычного хода; самая большая смертность от нее выпала не на весенние месяцы, что обычно-

венно бывает, а на зимний – ноябрь, когда от нее умерло 405 человек» (Отчет Московской городской управы... 1890: 338). В Москве в ноябре 1889 г. смертность от туберкулеза легких по сравнению с аналогичным месяцем 1888 г. выросла на 42%, в декабре – на 35% (Таблицы о движении населения в г. Москве в 1888 г. 1889; Таблицы о движении населения в г. Москве в 1889 г. 1890). В Петербурге умерло от чахотки в ноябре по сравнению со средней смертностью от туберкулеза за период с 1886 по 1888 г. на 82% больше, а в декабре – на 46% (Янсон 1890).

Помимо воспаления легких грипп приводил к следующим осложнениям: болезнь затягивалась до 2–4 недель, после болезни наблюдалась продолжительная слабость, оставалась сильная головная боль, от которой люди падали в обморок, часто возникали ларингиты, отиты, бронхиты, осложнения сердечно-сосудистой и лимфатической систем, которые проявлялись через несколько месяцев после перенесенной болезни (Восточное обозрение 1889: 3 декабря; Богоявленский 1890; Шнауберт 1890; Верекундов 1891).

Показатель летальности, исходя из данных отчета русской армии за 1889 г., вполне соответствует показателю сезонного гриппа – 0,2% (Верекундов 1891; Taubenberger, Mogens 2006). Учитывая тот факт, что в армии служили люди преимущественно молодого и среднего возраста, показатель летальности населения мог быть выше. Высокая смертность с таким показателем летальности может быть только при высокой контагиозности вируса. По другим оценкам, показатель летальности от вируса составлял 0,1–0,28%, а заболеваемость могла достигать до 60% среди городского населения (Berche 2022).

Смертность от «русского гриппа»

Ю.Э. Янсон, российский экономист и статистик, заведующий статистическим отделением Санкт-Петербургской городской Управы (который также перенес грипп в 1889 г.), оценил влияние гриппа на смертность населения Санкт-Петербурга и ряда крупных европейских городов (Врач 1889: № 47). За 10 лет (1879–1888 гг.) в столице империи (без пригородов) в среднем смертность составляла 31,7 на 1 000 человек. В 1889 г. общий коэффициент смертности составил 29,4‰. «От болезней заразных, эпидемических и миазматических» умерло в 1889 г. – 9,7‰ (9 045 человек), в 1888 г. – 10,6‰ (9 579 человек), в 1887 г. – 9,6‰, а в 1886 г. – 11,8‰ (Янсон 1890: 2). Получается, 1889 г. был одним из благоприятных по сравнению с предыдущими годами с точки зрения смертности населения. Смертность снизилась за целый год, т.е. была ниже в месяцах, в которых не было эпидемии гриппа.

Грипп в октябре 1889 г. не вызывал осложнений, а в ноябре 1889 г. стал заканчиваться осложнениями дыхательной системы, иногда при-

водящими к смерти больного. Так, в ноябре 1889 г. коэффициент смертности составил 32,5 на 1 000 человек, в то время как годом ранее этот показатель равнялся 22,7‰, а средний показатель за ноябрь с 1884 по 1888 г. составлял 22,8‰ (Янсон 1890).

Статистика повышения смертности характеризовалась внезапностью и по прошествии обычно 2–4 недель медленно убывала (в течение 3–4 недель). Но затем смертность возвращалась к своим средним значениям. Данная закономерность была отмечена авторами в отчете о гриппозной эпидемии в русской армии 1889–1890 гг.: «В начале число заболеваний ежедневно быстро нарастает; достигнув же высшей точки, оно начинает медленно и постепенно уменьшаться; затем появляются случаи отдельных заболеваний, как будто отголоски эпидемии» (Верекунов 1891: 232). Максимальная смертность от гриппа наблюдалась в течение двух недель в Варшаве, Стокгольме, Кельне, Праге, Эдинбурге, в течение трех – в Берлине, Вене, Копенгагене, Брюсселе, Пеште, в течение четырех – в Петербурге, Лондоне, Дублине, в течение пяти – в Париже (Янсон 1890).

В Кракове во время пандемии смертность поднялась до 66‰ (обычно 25–28‰), в Амстердаме – до 62,1‰ (обычно 20‰), в Париже – 61,7‰ (20–22‰), Брюсселе – до 52,4‰ (18–19‰), Берлине – до 37,7‰ (22‰), Лондоне – до 32,4‰ (18–19‰) (рис. 3).

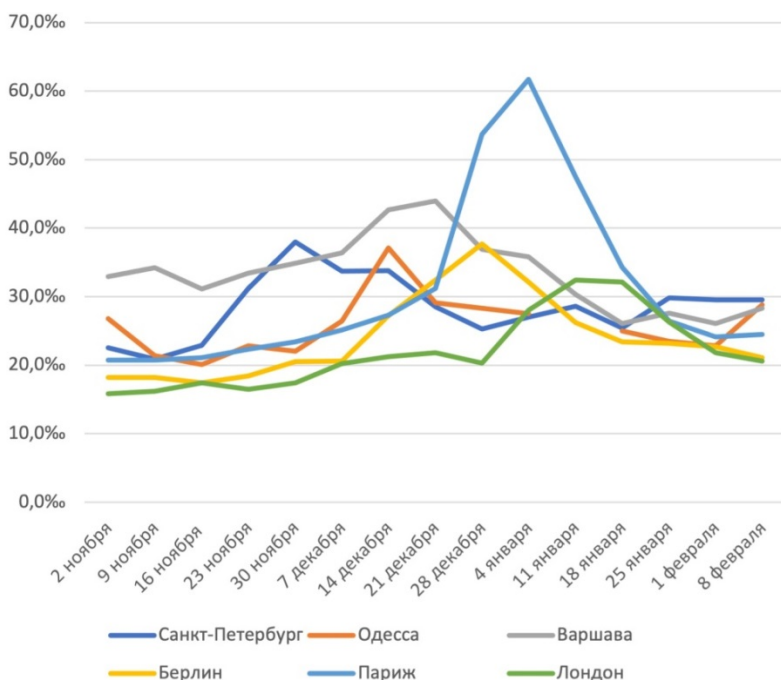

Рис. 3. Еженедельный коэффициент смертности в городах Российской Империи и Европы со 2 ноября 1889 г. по 8 февраля 1890 г., промилле (‰) (Янсон 1890)

Такое резкое повышение смертности наблюдалось во всех крупных городах, где фиксировался вирус гриппа. При сравнении городов Российской империи (Петербург, Варшава, Одесса) с другими крупными европейскими городами обращает на себя внимание тот факт, что там грипп значительно меньше приводил к смертельному исходу, чем в других городах Европы. Данный факт можно объяснить разницей в структуре населения российских и европейских городов, поскольку грипп преимущественно вызывал смертность в старших возрастах. Либо можно предположить появление в Европе нового, более смертоносного штамма, поскольку для РНК-содержащих вирусов (к которым относится как вирус гриппа, так и коронавирусы) характерны частые мутации (Возникновение пандемического гриппа Б. д.).

Скорее всего, на территории России со временем штамм тоже изменился. Исходя из данных Виленского окружного военно-медицинского управления, которое собирало отчеты с гарнизонов о посуточном движении больных гриппом, видно, что в декабре больные в 1,5 раза дольше (8,47 дня) находились под наблюдением врача, чем в ноябре (3,51 дня). А в марте больные провели в больнице почти в три раза больше дней (10,4), чем в ноябре (Верекундов 1891).

У беременных и инфицированных вирусом гриппа женщин при тяжелых формах болезни беременность прерывалась, либо наблюдались преждевременные роды (Врач 1890. № 12; № 18; Соколов 1918). Данный факт оказывал негативное влияние на демографическую ситуацию в стране.

Во Франции пришли к выводу, что рождаемость в 1890 г. по сравнению с 1891 г. была меньше на 42,5 тыс. человек из-за эпидемии гриппа. Поскольку резкое снижение числа родившихся приходилось на месяцы, которые соответствуют зачатиям во время эпидемии (Врач 1891. № 45).

Используя метод ретроспективного прогноза, показатели заболеваемости в сельской и городской местности, уровень летальности, мы предполагаем, что общая смертность от эпидемии «русского» гриппа на территории Российской империи могла составить от 60 до 90 тыс. человек (Общий свод по Империи... 1905; Рашин 1956).

Пандемия «испанского гриппа»

В 1918–1919 гг. мир пережил пандемию «испанского гриппа». Свидетели «испанки», основываясь на симптоматике заболевания и на осложнениях, часто заканчивающихся пневмонией, считали, что имеют дело с повторением «русского гриппа» 1889–1890 гг. (Биргер 1920; Шатилов 1919; Хмельницкий 1921). Но «испанский грипп» унес «несравненно больше жертв», чем пандемия 1889 г. (Шатилов 1919: 166). Считается, что во всем мире 1/3 населения была инфицирована

вирусом (≈ 500 млн человек). Общая смертность составила от 50 до 100 млн человек (Taubenberger, Morens 2006). Данные носят примерный характер, поскольку в большинстве стран отсутствовало документальное освещение пандемии из-за политических событий. В России статистика по движению эпидемии также очень ограничена (Морозова и др. 2021). «Следует прямо и открыто сказать, что ни количество заболевших от гриппа ни число умерших от него в пандемию 1918–1919 годов на территории Союза неизвестны» (Кричевский, Шоттер 1927: 64–65). В России, «по весьма неполным сведениям», переболело «испанкой» около 1,5 млн человек (Добрейцер 1927: 9).

Вторая волна «испанского гриппа» (считается, что всего было три волны) была самой смертоносной. Летальность составляла около 2,5%, у людей, попавших в больницу, – 27%, а у служащих в армии – 2,3% (Морозова и др. 2021; Соколов 1918; Taubenberger, Morens 2006).

Ко времени возникновения эпидемии «испанки» врачи имели знания о контагиозных свойствах гриппа и распространения вирусов воздушно-капельным путем. В целях профилактики советовали мыть руки и стараться держать дистанцию от людей, имеющих симптомы болезни (Файншмидт 1919; Шатилов 1919).

Дискуссионным вопросом является влияние голода на смертность от «испанки». Ряд исследователей считают, что голод, вызванный политической ситуацией, должен был снизить сопротивляемость человеческого организма: «...невероятно нервное напряжение в связи с четырехлетней войной, ужасающие условия современного существования, состояние хронического недоедания и т.д., несомненно должны были понижать сопротивляемость человеческого организма» (Шатилов 1919: 165; Добрейцер 1927). Но были и альтернативные данные: «...в Тверской губернии повальные заболевания наблюдались среди крестьян, усиленно питавшихся мясом из-за боязни реквизиции скота и имевших достаточные запасы хлеба. Данные Московских больниц также не свидетельствуют о преимущественном заболевании ослабленных, а, скорее, наоборот» (Соколов 1918: 90).

Главной отличительной чертой пандемии 1889–1890 гг. от пандемии 1918–1919 гг. стала смертность заболевших разных возрастов. Если от вируса «русского гриппа» умирали преимущественно в среднем и пожилом возрасте, то беспрецедентная смертность, вызванная «испанкой», поражала больных в возрасте 20–40 лет (Морозова и др. 2021). Сопоставление данных Готского страхового общества на основании общего числа 130 154 застрахованных представлено в таблице (Кричевский, Шоттер 1927: 66).

Аналогичные цифры приводило и Норвежское страховое общество «Идуза». В Гамбурге при эпидемии «испанки» на возраст меньше 40 лет пришлось до 81% смертей, а на возраст 41 год и старше – 19% (Кричевский, Шоттер 1927).

**Смертность населения по возрастным группам, %
(число умерших на 1000 человек соответствующей возрастной группы)**

Возраст, лет	Пандемия 1889–1890 гг.	Пандемия 1918–1919 гг.
15–30	–	4,87
31–40	1,01	3,59
41–50	1,53	2,08
51–60	2,76	1,82
61–70	4,42	2,86
71–80	10,80	4,32
81–90	27,13	7

Если во время пандемии 1889 г. мужчин болело больше, чем женщин, то при пандемии 1918 г. заболеваемость мужчин и женщин была примерно одинаковой (50,5 и 49,5%) (Соколов 1918).

Заболевание гриппом 1889 г. тяжело протекало у больных туберкулезом, заканчиваясь часто тяжелыми осложнениями или смертью больного. Но при пандемии «испанки» наблюдался обратный эффект: «...восприимчивость к заболеванию гриппом у туберкулезных больных гораздо меньше, чем у здоровых людей... Подавляющее большинство авторов отмечают или легкое течение гриппа у туберкулезных больных, или, по крайней мере, ничем не отличающееся от течения заболевания у здоровых субъектов» (Хмельницкий 1921: 87).

У женщин во время болезни как «русским гриппом», так и «испанкой» (попавших в больничный стационар) наблюдались невынашивание беременности и самопроизвольные выкидыши (Соколов 1918). Учитывая высокую летальность в фертильных возрастах, снижение уровня рождаемости населения в годы Первой мировой войны примерно на 45%, диспропорцию мужского и женского населения, можно сделать вывод, что «испанка» внесла свой негативный вклад в демографический кризис в стране (Морозов 2014).

Заключение

Первая вспышка «русского гриппа» предположительно произошла на территории Российской империи, скорее всего, в Западной Сибири. Вспышка инфекции в начале октября 1889 г. приняла размеры эпидемии на территориях Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области. Активные процессы внутренней миграции способствовали распространению вируса по всей территории страны. С октября по май грипп постепенно захватывал территории, но пик заболеваемости пришелся на конец октября, ноябрь и первую середину декабря 1889 г. В мае 1890 г. грипп добрался до восточной точки империи – Приморской области и острова Сахалин.

Об уровне заражения населения достоверных статистических данных по Российской империи нет, поскольку к врачам практически ни-

кто не обращался, а медико-санитарные службы не собирали данные должным образом. Однако, судя по косвенным данным из различных источников, минимум 1/3 населения страны переболела гриппом. Летальность гриппа мы оцениваем в 0,2%, а общая смертность на территории Российской империи могла составить от 60 до 90 тыс. человек.

Смертность от гриппа в европейских столицах выросла в несколько раз, чего нельзя сказать о российских городах. Данный факт можно объяснить разницей в структуре населения российских и европейских городов, поскольку грипп преимущественно вызывал смертность в старших возрастах. Или в европейские страны пришел иной, более агрессивный штамм вируса, отличный от того, который был на территории России. К сожалению, на данный момент нет возможности идентифицировать данный вид вируса, как это было с возбудителем «испанки».

Вызывает интерес предположение бельгийских вирусологов, что вирус, вызвавший пандемию, мог быть коронавирусом. Проведенное нами исследование, подтверждает тот факт, что на территориях где произошла первая вспышка «русского гриппа» наблюдалась эпизоотия, вызвавшая воспаление легких у крупного рогатого скота.

Примечание

¹ В данном исследовании мы руководствовались определениями «пандемия» и «эпидемия», которые были даны некоторыми авторами ранее (Покровский и др. 2009). В настоящей статье мы предлагаем следующие определения ключевых терминов:

1) *эпидемическая вспышка* – это групповые заболевания, связанные с общим источником, а также путями и факторами передачи инфекции, но при этом не выходящие за пределы семьи, коллектива или населенного пункта;

2) *эпидемия* – это более интенсивное и широкое распространение инфекционной болезни, охватывающее население региона страны или нескольких стран. Как правило, эпидемия представляет совокупность эпидемических вспышек, возникающих на больших территориях;

3) *пандемия* – это широкомасштабная эпидемия, которая быстро и интенсивно распространяется в нескольких странах или на континентах.

Список источников

- Асмолинские областные ведомости. Омск, 1889.
Архив Государственного клинического института для усовершенствования врачей (Б. Еленинского). Пб., 1922. Т. 1.
Биргер О.Г. К этиологии эпидемического гриппа // Врачебное дело. 1920. № 21–26. С. 571–574.
Богоявленский Н. О характере эпидемии, господствовавшей в Москве в ноябре 1889 года // Медицинское обозрение. 1890. № 2. С. 120–127.
Браунштейн Е.П. Заболевание глаз при influenza // Медицинское обозрение. 1891. Т. 35, № 12. С. 1164.
Верекундов С.П. Отчет о гриппозной эпидемии в русской армии в 1889 и 1890 г. СПб.: «Владим.» типо-лит. Л. Мордуховской, 1891.
Видаль Ф. Заразные болезни человека. Грипп. Денге. Холера. Желтая лихорадка. Чума. СПб.: Типография В.С. Эттингера, 1894.

- Возникновение пандемического гриппа // Сайт Всемирной организации здравоохранения. Б.д. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/pandemic-influenza/how-pandemic-influenza-emerges>
- Воловник Б. Материалы к эпидемии гриппа по данным Харьковской городской Александровской больницы // Врачебное дело. 1919. № 7–8. С. 180–182.
- Восточное обозрение. Иркутск, 1889.
- Врач / под ред. проф. В.А. Манассеина. 1889.
- Врач / под ред. проф. В.А. Манассеина. 1890.
- Врач / под ред. проф. В.А. Манассеина. 1891.
- Гачковский Г.И. Инфлюэнца в Рыбинске в 1889 году и несколько критических замечаний по поводу этой болезни // Русская медицина. 1890. № 4. С. 51–52.
- Герман Ф. Инфлюэнция в Петербурге в 1889 г. // Русская медицина. 1889. № 47. С. 727–729.
- Добрейцер И.А. Эпидемический грипп и борьба с ним. М.: НАРКОМЗДРАВ РСФСР, 1927.
- Еженедельная клиническая газета. СПб., 1889.
- Загорский В. Эпидемия гриппа в Челябинске осенью 1889 г. // Русская медицина. 1889. № 43. С. 663–664.
- Казанский листок. Казань, 1889.
- Карта Европейской России с показанием железных дорог и пароходных сообщений. СПб.: Воен. типография, 1892.
- Карты из атласа гриппозной эпидемии в Русской армии 1889–1890 гг. Атлас Российской империи. СПб.: Воен. типография, 1891.
- Каспий. Баку, 1889.
- Корсаков В.В. Эпидемия гриппа в октябре – ноябре 1889 года по линии Московско-Нижегородской дороги // Медицинское обозрение. 1890. № 2. С. 128–130.
- Кричевский И.Л., Шоттер Г.Ф. Эпидемический грипп. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.
- Куркин П.И. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М.: Мосздравотд, 1927.
- Лион М.Е. Справочная книга для врачей. Выпуск первый. СПб.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1894.
- Магат И.С. К характеристике пандемии гриппа 1918 года в гор. Харьков // Врачебное дело. 1919. № 7–8. С. 170–178.
- Макнамара Н.С. (Macnamara N.C.) Грипп и зрительный неврит // Медицинское обозрение. 1891. Т. 36, № 24. С. 1090.
- Мейер В.Р. К патологической анатомии пандемических заболеваний инфлуэнцей в 1918 году // Врачебное дело. 1919. № 7–8. С. 190–196.
- Морозов С.Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 10–20.
- Морозова О.М., Трошина Т.И., Морозова Е.Н., Морозов А.Н. Пандемия испанки 1918 года в России. Вопросы сто лет спустя // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2021. № 98 (1). С. 113–124.
- Московский листок. М., 1889.
- Московский листок. М., 1890.
- Новости и биржевая газета. СПб., 1889.
- Об «испанской» болезни // Известия народного комиссариата здравоохранения. 1919. № 1. С. 8–14.
- Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905.

- Отчет Московской городской управы по санитарной части за 1889 год. М.: Московская городская типография, 1890.
- Петербургская газета. СПб., 1889.
- Петербургская газета. СПб., 1890.
- Покровский В.И., Пак С.Г., Брико Н.И., Данилкин Б.К. Инфекционные болезни и эпидемиология: учебник. 2-е изд., испр. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М.: Госстатиздат, 1956.
- Русские ведомости. М., 1889.
- Садов А.А. Эпидемический грипп (этиология, эпидемиология, профилактика). Л.: Издание ленинград. мед. журн., 1927.
- Самарская газета. Самара, 1889.
- Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1889.
- Скорыходов Л.Я. Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948.
- Смоличев П.Ф. Об инфлюэнце, ее течение, осложнениях, исходах, лечении // Русская медицина. 1890. № 10. С. 149–151.
- Советская Сибирь. Новосибирск, 1927.
- Соколов В.И. Так называемая испанская болезнь 1918 года // Врачебно-санитарная хроника Москвы. Октябрь. 1918. № 4. С. 88–104.
- Сын отечества. СПб., 1889.
- Таблицы о движении населения в г. Москве в 1888 г. М.: Московская городская типография, 1889.
- Таблицы о движении населения в г. Москве в 1889 г. М.: Московская городская типография, 1890.
- Туркестанская туземная газета. Ташкент, 1889.
- Файншмидт И.И. Из наблюдений над эпидемией инфлюэнцы в Харькове в 1918 году // Врачебное дело. 1919. № 7–8. С. 166–170.
- Флоринский В.М. Заметка об инфлюэнце. Томск: Типо-Литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890.
- Хмельницкий Б.М. Грипп и туберкулез // Врачебное дело. 1921. № 7–10. С. 86–87.
- Шатилов П.И. Грипп // Врачебное дело. 1919. № 7–8. С. 162–165.
- Шнауберт В.Н. О гриппе в Москве осенью // Медицинское обозрение. 1890. № 2. С. 109–120.
- Щербаков А.С. Материалы к характеристике гриппозной эпидемии, наблюдаемой в Ростове-на-Дону в 1889 г. // Русская медицина. 1890. № 6. С. 84–85.
- Янсон Ю.Э. Смертность в Петербурге за 1889 год: Влияние эпидемии гриппа на осеннее повышение смертности. СПб.: Тип. Я. Трей, 1890.
- Berche P. The enigma of the 1889 Russian flu pandemic: A coronavirus? // Presse Med. 2022. Vol. 51, No. 3. P. 104111.
- Brussow H., Brussow L. Clinical evidence that the pandemic from 1889 to 1891 commonly called the Russian flu might have been an earlier coronavirus pandemic // Microb. Biotechnol. 2021. No. 14. P. 1860–1870.
- Clemow F. The recent pandemic of influenza its place of origin and mode of spread // The Lancet. 1894. M 143. P. 329–331.
- Eyler J.M. The state of science, microbiology, and vaccines circa 1918 // Public Health Rep. 2010. M 3. P. 27–36.
- Gagnon A., Miller M.S., Hallman S.A., Bourbeau R., Herring D.A., Earn D., Madrenas J. Age-Specific Mortality During the 1918 Influenza Pandemic: Unravelling the Mystery of High Young Adult Mortality // PLoS ONE. 2013. M 8. P. 1–9.
- History of the influenza vaccine // World Health Organization. б.д. URL: <https://www.who.int/news-room/spotlight/history-of-vaccination/history-of-influenza-vaccination>

- Honigsbaum M., Krishnan L. Taking pandemic sequelae seriously: from the Russian influenza to COVID-19 long-haulers // *The Lancet*. 2020. No. 396. P. 1389–1391.
- Insurance losses from the influenza // *The Medical News*. 1890. Vol. 56, No. 15. P. 407.
- Kempinska-Mirosławska B., Wozniak-Kosek A. The influenza epidemic of 1889–90 in selected European cities—a picture based on the reports of two Poznań daily newspapers from the second half of the nineteenth century // *Med Sci Monit*. 2013. No. 10; 19. P. 1131–1141.
- Morens D.M., Fauci A.S. The 1918 influenza pandemic: insights for the 21st century // *The Journal of Infectious Diseases*. 2007. Vol. 195, № 7. P. 1018–1028.
- Taubenberger J.K., Morens D.M. 1918 influenza: the mother of all pandemics // *Emerg. Infect. Dis*. 2006. No. 12 (1). P. 15–22.
- Vijgen L., Keyaerts E., Moës E., Thoelen I., Wollants E., Lemey P., Vandamme A.M., Van Ranst M. Complete genomic sequence of human coronavirus OC43: molecular clock analysis suggests a relatively recent zoonotic coronavirus transmission event // *J. Virol*. 2005. No. 79 (3). P. 1595–1604.

References

- Akmolinskie oblastnye vedomosti*. Omsk, 1889.
- Arhiv Gosudarstvennogo klinicheskogo instituta dlja usovershenstvovaniya vrachej (B. Eleninskogo) [Archive of the State Clinical Institute for Advanced Training of Doctors (B. Eleninskogo)]*. T 1. Peterburg, 1922.
- Berche P. (2022) The enigma of the 1889 Russian flu pandemic: A coronavirus? *Presse Med*, vol. 51, no 3. 104111.
- Birger O.G. (1920) K jetiologii jepidemicheskogo grippa [To the etiology of epidemic influenza], *Vrachebnoe delo*, no. 21–26, pp. 571–574.
- Bogoyavlenskij N. (1890) O kharaktere epidemii, gospodstvovavshey v Moskve v noyabre 1889 goda [On the nature of the epidemic that prevailed in Moscow in November 1889], *Meditsinskoye obozreniy*, no. 2, pp. 120–127.
- Braunshcheyn Ye.P. (1891) Zabolevaniye glaz pri influenza [Eye disease with influenza], *Meditsinskoye obozreniye*, vol. 35, no. 12, p. 1164.
- Brussow H., Brussow L. (2021) Clinical evidence that the pandemic from 1889 to 1891 commonly called the Russian flu might have been an earlier coronavirus pandemic, *Microb. Biotechnol*, no. 14, pp. 1860–1870.
- Clemow F. (1894) The recent pandemic of influenza its place of origin and mode of spread, *The Lancet*, no. 143, pp. 329–331.
- Dobrejcer I.A. (1927) *Jepidemicheskij gripp i bor'ba s nim* [Epidemic flu and the fight against it]. Moscow: NARKOMZDRAV RSFSR.
- Eyler J.M. (2010) The state of science, microbiology, and vaccines circa 1918, *Public Health Rep*, no. 3, pp. 27–36.
- Ezhenedel'naia klinicheskaja gazeta*. Sankt-Peterburg, 1889.
- Fajnshtmidt I.I. (1919) Iz nabljudenij nad jepidemiej influjency v Har'kove v 1918 godu [From observations on the influenza epidemic in Kharkov in 1918], *Vrachebnoe delo*, no. 7–8, pp. 166–170.
- Florinskij V.M. (1890) *Zametka ob influjentsie* [A note on influenza]. Tomsk: Tipo-Litografiya V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina.
- Gachkovskij G.I. (1890) Influyentsa v Rybinske v 1889 godu i neskol'ko kriticheskikh zamechaniy po povodu etoy bolezni [Influenza in Rybinsk in 1889 and several critical remarks about this disease], *Russkaya meditsina*, no. 4, pp. 51–52.
- Gagnon A., Miller M.S., Hallman S.A., Bourbeau R., Herring D.A., Earn D., Madrenas J. (2013) Age-Specific Mortality During the 1918 Influenza Pandemic: Unravelling the Mystery of High Young Adult Mortality, *PLoS ONE*, no. 8. pp. 1–9.
- German F. (1889) Influyentsiya v Peterburge v 1889 g. [Influenza in Petersburg in 1889], *Russkaya meditsina*, no. 47, pp. 727–729.

- History of the influenza vaccine, *World Health Organization website*. Available at: <https://www.who.int/news-room/spotlight/history-of-vaccination/history-of-influenza-vaccination>
- Hmel'nickij B.M. (1921) Gripp i tuberkulez [Influenza and tuberculosis], *Vrachebnoe delo*, no.7-10, pp. 86-87.
- Honigsbaum M, Krishnan L. (2020) Taking pandemic sequelae seriously: from the Russian influenza to COVID-19 long-haulers, *The Lancet*, no. 396, pp. 1389-1391.
- Insurance losses from the influenza, *The Medical News*, 1890. vol 56, no. 15. p. 407.
- Karta Yevropeyskoy Rossii s pokazaniyem zheleznykh dorog i parokhodnykh soobshcheniy [Map of European Russia showing railroads and shipping communications] Saint Petersburg: Voen. tipografiya, 1892.
- Karty iz atlasa grippoznoy epidemii v Russkoy armii 1889-1890 gg. [Maps from the Atlas of the Influenza Epidemic in the Russian Army in 1889-1890.] Atlas Rossiyskoy imperii. Saint Petersburg: Voen. tipografiya, 1891.
- Kaspil. Baku, 1889.
- Kazanskii listok. Kazan', 1889.
- Kempinska-Miroslawska B., Wozniak-Kosek A. (2013) The influenza epidemic of 1889-90 in selected European cities—a picture based on the reports of two Poznan daily newspapers from the second half of the nineteenth century, *Med Sci Monit*, no. 10;19, pp. 1131-1141.
- Korsakov V.V. (1890) Epidemiya grippa v oktyabre – noyabre 1889 goda po linii Moskovsko-Nizhegorodskoy dorogi [Influenza epidemic in October - November 1889 along the Moscow-Nizhny Novgorod Road], *Meditsinskoye obozreniye*, no. 2. pp.128–130.
- Krichevskij I.L., Shotter G.F. (1927) *Jepidemieskij gripp* [Epidemic flu]. Moscow – Lenin-grad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Kurkin P.I. (1927) Yestestvennoye dvizheniye naseleniya g. Moskvy i Moskovskoy gubernii [The natural movement of the population of Moscow and the Moscow province.]. Moscow: Moszdravotd.
- Lion M.Ye. (1894) *Spravochnaya kniga dlya vrachey. Vypusk pervyy* [Reference book for doctors. Issue one] Saint Petersburg: Tipo-litografiya t-va I.N. Kushnerev i K.
- Magat I.S. (1919) K karakteristike pandemii grippa 1918 goda v gor. Har'kov [On the characteristics of the 1918 flu pandemic in the city of Kharkiv], *Vrachebnoe delo*, no. 7-8, pp. 170–178.
- Maknamara N.S. (1891) Gripp i zritel'nyy nevrit [Flu and optic neuritis], *Meditsinskoye obozreniye*, vol. 36, no. 24, pp. 1090.
- Mejer V.R. (1919) K patologicheskoy anatomii pandemicheskikh zabolevaniy influjencej v 1918 godu [On the pathological anatomy of pandemic influenza diseases in 1918], *Vrachebnoe delo*, no. 7-8, pp. 190–196.
- Morens DM, Fauci AS. (2007) The 1918 influenza pandemic: insights for the 21st century, *The Journal of Infectious Diseases*, vol. 195, no. 7, pp. 1018–1028.
- Morozov S.D. (2014) Muzhchiny i zhenshhiny Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny: demograficheskij krizis i poteri naseleniya [Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses], *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, no. 3, pp. 10-20.
- Morozova O.M., Troshina T.I., Morozova Ye.N., Morozov A.N. (2021) Pandemiya ispanki 1918 goda v Rossii. Voprosy sto let spustya [1918 Spanish flu pandemic in Russia. Questions a hundred years later], *Zhurnal mikrobiologii, epidemiologii i immunobiologii*, no. 98(1), pp. 113–124.
- Moskovskii listok. Moskva, 1889.
- Moskovskii listok. Moskva, 1890.
- Novosti i birzhevaia gazeta. Sankt-Peterburg, 1889.
- Ob «ispanskoj» bolezni [About the "Spanish" disease], *Izvestiya narodnogo komissariata zdrazooхранeniya*, 1919, no. 1, pp. 8-14.

- Obshhij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh pervoj vseobshhej perepisi naselenija, proizvedennoj 28 janvarja 1897 goda. T.2.* [The general summary of the Empire results of the development of data of the first general population census, conducted on January 28, 1897. Vol. 2.]. Saint-Petersburg: parovaja tipo-lit. N.L. Nyrkina, 1905.
- Peterburgskaia gazeta.* Sankt-Peterburg, 1889.
- Peterburgskaia gazeta.* Sankt-Peterburg, 1890
- Pokrovskij V.I., Pak S.G., Briko N.I., Danilkin B.K. (2009) *Infekcionnye bolezni i jepidemiologija: uchebnik - 2-e izd., ispr.* [Infectious Diseases and Epidemiology: Textbook - 2nd edition, revised]. Moscow: GJeOTAR-Media.
- Rashin A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913)* [The population of Russia for 100 years (1811-1913)]. Moscow: Gosstatizdat.
- Report of the Moscow city government on the sanitary unit for 1889* [Report of the Moscow city government on the sanitary unit for 1889]. Moscow: Moscow City Printing House, 1890.
- Russkie vedomosti.* Moskva, 1889.
- Sadov A.A. (1927) *Jepidemicheskij gripp (jetiologija, jepidemiologija, profilaktika)* [Epidemic influenza (etiology, epidemiology, prevention)]. Leningrad: Izdanie leningradskogo medicinskogo zhurnala.
- Samarskaia gazeta.* Samara, 1889.
- Shatilov P.I. (1919) Gripp [Flu], *Vrachebnoe delo*, no 7-8, pp. 162-165.
- Shcherbakov A.S. (1890) Materialy k kharakteristike grippoznoy epidemii, nablyudayemoy v Rostove-na-Donu v 1889 g. [Materials for the characteristics of the influenza epidemic observed in Rostov-on-Don in 1889], *Russkaya meditsina*, no. 6, pp. 84-85.
- Shnaubert V.N. (1890) O grippe v Moskve osen'yu [About the flu in Moscow in autumn], *Meditsinskoye obozreniye*, no. 2, pp. 109-120.
- Sibirskii vestnik politiki, literatury i obshchestvennoi zhizni.* Tomsk, 1889.
- Skorohodov L.Ja. (1948) *Materialy po istorii medicinskoj mikrobiologii v dorevoljucionnoj Rossii* [Materials on the history of medical microbiology in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Medgiz.
- Smolichev P.F. (1890) Ob influentse, yeye techeniye, oslozhneniyakh, iskhodakh, lechenii [About influenza, its course, complications, outcomes, treatment], *Russkaya meditsina*, no. 10, pp. 149-151.
- Sokolov V.I. (1918) Tak nazyvaemaja ispanskaja bolezni' 1918 goda [The so-called Spanish disease of 1918], *Vrachebno-sanitarnaja hronika Moskv. Oktjabr'*, no. 4, pp. 88-104.
- Sovetskaia Sibir'.* Novosibirsk, 1927
- Syn otechestva.* Sankt-Peterburg, 1889.
- Tablitsy o dvizhenii naseleniya v g. Moskve v 1888 g.* [Tables on the movement of the population in Moscow in 1888]. Moscow: Moskovskaya gorodskaya tipografiya, 1889.
- Tablitsy o dvizhenii naseleniya v g. Moskve v 1889 g.* [Tables on the movement of the population in Moscow in 1889]. Moscow: Moskovskaya gorodskaya tipografiya, 1890.
- Taubenberger J.K., Morens D.M. (2006) 1918 influenza: the mother of all pandemics. *Emerg. Infect. Dis.*, no. 12(1), pp. 15-22.
- Turkestanskaia tuzemnaia gazeta.* Tashkent, 1889.
- Verekundov S.P. (1891) *Otchet o grippoznoy epidemii v russkoy armii v 1889 i 1890 g.* [Report on the influenza epidemic in the Russian army in 1889 and 1890]. Saint Petersburg: "Vladim." tipo-lit. L. Mordukhovskoy.
- Vidal' F. (1894) *Zaraznyye bolezni cheloveka. Gripp. Denge. Kholera. Zheltaya likhoradka. Chuma.* [Infectious human diseases. Flu. Dengue. Cholera. Yellow fever. Plague.] Saint Petersburg: Tipografiya V.S. Ettingera.
- Vijgen L, Keyaerts E, Moës E, Thoelen I, Wollants E, Lemey P, Vandamme AM, Van Ranst M. (2005) Complete genomic sequence of human coronavirus OC43: molecular clock analysis suggests a relatively recent zoonotic coronavirus transmission event, *J Virol*, no. 79(3), pp. 1595-1604.

- Volovnik B. (1919) Materialy k jepidemii grippa po dannym Har'kovskoj gorodskoj Aleksandrovskej bol'nicy [Materials for the flu epidemic according to the Kharkiv City Alexander Hospital], *Vrachebnoe delo*, no. 7-8, pp. 180-182.
- Vostochnoe obozrenie*. Irkutsk, 1889.
- Vozniknovenie pandemicheskogo grippa [How pandemic influenza emerges], *World Health Organization website*. Available at: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/pandemic-influenza/how-pandemic-influenza-emerges>
- Vrach*. Pod. red. prof. V.A. Manasseina. 1889.
- Vrach*. Pod. red. prof. V.A. Manasseina. 1890.
- Vrach*. Pod. red. prof. V.A. Manasseina. 1891.
- Yanson Y.E. (1890) *Smertnost' v Peterburge za 1889 god: Vliyanie epidemii grippa na osenneye. povysheniye smertnosti* [Mortality in St. Petersburg for 1889: The impact of the influenza epidemic on the autumn. increase in mortality]. Saint Petersburg: tip. YA. Trey.
- Zagorskiy V. (1889) Epidemiya grippa v Chelyabinske osen'yu 1889 g. [Influenza epidemic in Chelyabinsk in autumn 1889], *Russkaya meditsina*, no. 43, pp. 663–664.

Сведения об авторах:

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ (Москва, Россия); главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: riazan@mail.ru

СМИРНОВ Алексей Викторович – аспирант, младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: sofetel@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sergey V. Ryazantsev, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: riazan@mail.ru

Alexey V. Smirnov, Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sofetel@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 07 февраля 2022 г.;
принята к публикации 27 декабря 2022 г.*

*The article was submitted 07.02.2022;
accepted for publication 27.12.2022.*

Научная статья
УДК 394.9, 613.87
doi: 10.17223/2312461X/40/3

Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19

Валентина Николаевна Буркова¹,
Марина Львовна Бутовская²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *burkovav@gmail.com*
² *marina.butovskaya@gmail.com*

Аннотация. Вспышка COVID-19 принесла много неясности и страха в жизнь людей по всей планете. Во многих странах на основе боязни заражения новым вирусом и неопределенности последствий инфицирования, множества фейков и отсутствия достоверной информации, недоверия к правительству или принимаемым мерам уровень тревожности сильно повысился. В статье представлен обзор исследований, посвященных сопутствующей распространению COVID-19 инфодемии и коронафобии, с привлечением собственных полевых данных по разным странам. Нарастание страха и паники, движимых предубеждениями или ошибочной информацией, спровоцировало дискриминацию и стигматизацию болезни, а также привело к препятствиям в реализации политики быстрого реагирования со стороны органов здравоохранения и социальной политики. Ученые пытаются противостоять этому наплыву дезинформации, связанной с пандемией COVID-19. Подготовка людей к дезинформации и предоставление им точной информации и контраргументов против ложных сообщений до того, как они столкнутся с теориями заговора и фальшивыми новостями, может помочь справиться с фобиями и страхами и сохранить психическое здоровье.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, тревожность, инфодемия, коронафобия, фейки

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19 // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 55–75. doi: 10.17223/2312461X/40/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/3

Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19

Valentina Nikolaevna Burkova¹, Marina Lvovna Butovskaya²

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

¹ *burkovav@gmail.com*

² *marina.butovskaya@gmail.com*

Abstract. The COVID-19 outbreak has brought a lot of uncertainty and fear into the lives of people around the world. In many countries the level of anxiety has increased greatly, based on the fear of contracting a new virus and the uncertainty of the consequences of infection, the many fakes and the lack of reliable information, distrust of the government or the measures taken. This article provides an overview of studies on the infodemic and coronaphobia associated with the spread of COVID-19, using our own data from different countries. An increase in fear and panic driven by prejudice or misinformation has provoked discrimination and stigmatization of the disease, as well as led to obstacles to the implementation of rapid response policies by health authorities and social policy. Scientists are trying to counter this influx of misinformation related to the COVID-19 pandemic. Preparing people for disinformation and providing them with accurate information and counterarguments against false reports before they are exposed to conspiracy theories, fake news, or other forms of disinformation can help manage phobias and fears and maintain mental health.

Keywords: COVID-19, pandemic, anxiety, infodemic, coronaphobia, fakes

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Burkova, V.N. & Butovskaya, M.L. (2023) Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 55–75. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/3

Введение

Вспышка COVID-19 принесла много неясности и страха в жизнь людей по всей планете. Во многих странах из-за боязни заражения новым вирусом и неопределенности последствий инфицирования, множества фейков и отсутствия достоверной информации, недоверия к правительству или принимаемым мерам уровень тревожности сильно повысился. Систематический обзор и метаанализ исследований страха из-за пандемии COVID-19 по 44 изученным статьям с общей выборкой 52 462 человека показал, что средний уровень страха перед COVID-19 во всем мире был крайне высок (Luo et al. 2021).

На фоне пандемии во многих странах вырос уровень недоверия к государственным системам здравоохранения. Так, в исследовании

1354 взрослых канадцев, проведенном в начале февраля 2020 г., 33% участников не были уверены, что система здравоохранения в их регионе готова справиться с новыми случаями коронавируса¹. Схожие данные были показаны и во время предыдущих эпидемий и пандемий (Taylor 2019). Около четверти (26%) респондентов из опроса 808 взрослых жителей США, проведенного с 31 января по 1 февраля 2020 г., считали, что правительство США делает недостаточно для предотвращения распространения инфекции². Уровень доверия к власти как в России, так и за рубежом являлся значимым предиктором того, насколько люди готовы и сознательны в исполнении предписаний на фоне коронавирусной пандемии (Феденок, Буркова 2020; Burkova et al. 2022). В нашей недавней работе, проведенной среди респондентов из 23 стран мира, было показано, что высокий уровень тревожности достоверно коррелировал с высоким уровнем личной осведомленности об угрозе COVID-19 для большинства исследованных стран (Burkova et al. 2022). Предыдущие исследования влияния эпидемий на психологическое здоровье также показывали, что боязнь инфекции является хорошим предиктором повышенного стресса (Brooks et al. 2020; Luo et al. 2021). Например, в Иордании страх перед вспышкой COVID-19 коррелировал с количеством загруженных приложений для отслеживания случаев заболевания, и многие респонденты упомянули, что они очень боялись вируса COVID-19 и чувствовали себя некомфортно, думая об этом или просматривая новости и истории, связанные с пандемией, в социальных сетях (Abuhammad, Alzoubi, Khabour 2021).

В определенный момент на фоне повышенной тревожности проявилась настоящая коронафобия. Фобия – это тревожное расстройство, определяемое постоянным, экстремальным и нереалистичным страхом перед человеком, деятельностью, животным или ситуацией. Фобия удерживает людей от факторов, вызывающих страх, однако, когда такое избегание невозможно, это вызывает беспокойство и дистресс (Agora et al. 2020). В случае коронафобии люди могут проявлять преувеличенный страх и ненормальное поведение из-за чрезмерного внимания к пандемии COVID-19 и способам защиты от вируса.

Исследования психологических реакций на предыдущие эпидемии и пандемии показывают, что различные факторы психологической уязвимости могут играть большую роль в развитии коронафобии, включая переменные индивидуальных различий, такие как склонность к тревоге (беспокойству), нетерпимость к неопределенности, предполагаемая уязвимость к болезням (Taylor 2019). Кроме того, недостаток информации и дезинформация, часто подкрепленные сенсационными заголовками в средствах массовой информации, подпитывают страхи и фобии, связанные со здоровьем (Taylor, Asmundson 2004; Asmundson, Taylor 2020). Нарастание страха и паники на фоне коронавирусной пандемии,

движимой предубеждениями или ошибочной информацией, спровоцировало дискриминацию и стигматизацию болезни и также привело к препятствиям в реализации политики быстрого реагирования должностных лиц здравоохранения и политики (Shigemura et al. 2020). Более ранние исследования показывали, что во время вспышек сыпного тифа и холеры среди еврейских иммигрантов из России, бубонной чумы в общине Чайна-таун, хантавирусной инфекции среди коренных американцев, вспышек тяжелого острого респираторного синдрома среди китайского населения отчетливо проявилась стигматизация и дискриминация в отношении определенных этнических групп (Person et al. 2004; Patel, Kute, Agarwal 2020). Страх и стигматизация болезни обычно идут рука об руку – страх подгоняет к ненависти и травле определенной группы населения, которая может быть связана с расой, регионом, происхождением или даже страной, где началось заболевание, и может распространиться за пределы страны и даже континента (Person et al. 2004; Patel et al. 2020). Более того, сами эти подгруппы, на которые направлена дискриминация, подвергаются еще большей опасности ненависти и стигматизации, вплоть до того, что они начинают избегать проходить обследование и лечение (Person et al. 2004; Feyissa et al. 2019).

Учитывая, что COVID-19 является новым заболеванием и имеет высокую скорость передачи, коронафобия также распространяется интенсивно. Ранее сообщалось, что чем более распространенными становятся инфекции в обществе, тем более распространенными, вероятно, будут фобии (Asmundson, Taylor 2020). Коронафобия включает в себя социально-профессиональную и личную сферы, а общая тревожность в свою очередь воздействует на личность и общество (Agora et al. 2020). С повышением тревожности нарастают и другие виды психологических реакций, включая посттравматический стресс, зачастую наблюдаемый сразу после болезни и в более долгосрочной перспективе (Буркова, Бутовская, Ермаков 2023).

Хотя природу и влияние COVID-19 на психическое здоровье еще предстоит определить, в существующей научной литературе накоплено значительное количество исследований, которые могут помочь нам понять, чего ожидать. Последние данные свидетельствуют о том, что точное восприятие опасности со стороны общества имеет решающее значение для эффективного управления рисками для здоровья населения (Dryhurst et al. 2020). Фактор осознания реальной опасности пандемии связан с другими значимыми факторами, например, с доверием к официальным источникам (правительство, официальные СМИ, законы и ограничения), с реакцией на принимаемые меры и личным опытом столкновения с COVID-19.

Инфодемия в мире

В феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции³ представители Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) назвали наплыв недостоверной и избыточной информации о вирусе инфодемией и призвали всех бороться с ней (Архипова и др. 2020; Zarocostas 2020). В целом под данным понятием подразумевалась любая ложная информация, противоречащая официально подтвержденным или научным данным⁴. Такая неконтролируемая информация может быть опасной, так как из-за нее усложняется политика, реализуемая для борьбы с пандемией. Таким образом, важным фактором в нынешней пандемии является предоставление достоверной информации из надежных источников. Однако, несмотря на очевидный отрицательный эффект, передача и распространение подобных фейков и слухов может выполнять и психотерапевтическую функцию, возвращая людям утраченное чувство контроля над ситуацией.

В попытке сдержать пандемию ВОЗ и другие национальные органы здравоохранения рекомендовали изолировать уже заболевших людей, помещать в карантин тех, кто был в контакте, отменять поездки и т.д. Все эти меры сдерживали и помогали контролировать распространение заболевания, но также вызывали страх, дискриминацию и подозрительное поведение среди людей. Это также привело к развитию не только навязчивых идей и множественных соматических жалоб, но и к возникновению бессонницы, вялости, потери концентрации, гнева и депрессии (Person et al. 2004; Feyissa et al. 2019; Patel et al. 2020). Кроме того, наблюдалась агрессивная реакция населения, например, жители сел не пускали в свои деревни горожан, полагая, что коронавирус – это «городская зараза, которая не должна проникать в сельскую местность» (Dore 2020; The Lancet 2020). Отдельные лица и группы могли спроецировать опасность заражения и смерти на «другого», дабы уменьшить собственную тревогу и ощущение бессилия, испытываемые во время эпидемий (Crawford 1994; Joffe 1999; Крюкова, Адам 2022).

Большое значение в распространении инфодемии и стигматизации играют различные СМИ и социальные сети. Они используют знакомые символы и упрощают научную трактовку, делают абстрактный риск новых инфекций реальным, по сути, обвиняя заболевших в том, что они подвергают риску других (Eichelberger 2007; Крюкова, Адам 2022). Дискриминация и расизм в определенный момент достигли пика в отношении лиц азиатского происхождения после сообщений в социальных сетях, обвиняющих страну в использовании вируса в качестве биологического оружия, что породило множество теорий и заговоров⁵ (Dore 2020). В Великобритании группа психологов провела опрос в апреле 2020 г. (2 501 респондент), согласно которому сторонники кон-

спирологических теорий не только не доверяют правительству, но и отказываются от мер предосторожности – масок, карантина, социальной дистанции и будущей вакцинации (Архипова и др. 2020; Freeman et al. 2020). Фальшивые новости о COVID-19 представляют собой очень серьезную проблему, так как могут заставить людей принимать крайние меры, полагая, что новости правдивы. Например, фейковые новости («Алкоголь – лекарство от COVID-19») привели к множеству смертей и госпитализаций в Иране⁶.

Ученые пытаются противостоять наплыву дезинформации, связанной с пандемией COVID-19. Так, одна группа исследователей создала многоязычный междоменный набор данных из 5 182 проверенных новостных статей о COVID-19 (Shahi, Nandini 2020). Другая команда предложила модель с дополнительными данными, извлеченными из Twitter, для выявления поддельных твитов, связанных с COVID-19 (Kar et al. 2020). Третья группа исследователей разработала автоматизированный конвейер для обнаружения фальшивых новостей о COVID-19 с использованием алгоритмов проверки фактов и текстов (Vijjali et al. 2020). Четвертая описала и опубликовала набор данных для обнаружения фейковых новостей, содержащий 10 700 фальшивых и реальных новостей, связанных с COVID-19 (Patwa et al. 2021). В одном из последних кросс-культурных исследований по изучению степени использования социальных сетей в качестве источника информации о COVID-19 и его связи с последствиями, вызванными пандемией, показана ассоциация с использованием социальных сетей и симптомами стресса (Brailovskaia et al. 2022). Из общего числа (8 302) участников (Франция, Германия, Польша, Россия, Испания, Швеция, Великобритания, США) 48,1% часто использовали социальные сети в качестве источника информации о COVID-19 (диапазон: от 31,8% в Германии до 65,4% в Польше). Данные результаты еще раз подчеркнули, что имеется значимая связь между использованием соцсетей в качестве источника информации, индивидуальным эмоциональным состоянием и поведением во время пандемии, а также указали на важность сознательного и точного использования источников информации во время вспышки COVID-19 (Brailovskaia et al. 2022).

Анализ наших данных во время первой волны коронавируса в России и в мире с участием 23 стран мира показал, что наиболее «недоверчивыми» в отношении опасности коронавируса являлась Беларусь (67% ответивших указали, что считают ситуацию с COVID-19 фейком), далее следовала Иордания (37%, соответственно), Венгрия (19%) и Россия (18%) (рис. 1). При этом в ответах на вопрос относительно доверия к официальной информации в случае Беларуси мы получили перевернутый результат – 79% ответивших доверяли официальной информации относительно коронавируса, далее следовала Венгрия (65%) и Россия (61%) (рис. 2). Таким образом, ситуация с восприятием официаль-

ной информации и веры в «фейковость» коронавирусной инфекции показывала зеркальную ситуацию. По всей видимости, те, кто верит в реальную угрозу COVID-19, больше доверяют официальным источникам, соответственно, в рядах недоверяющих предпринимаемым на государственном уровне мерам находятся те, кто считает, что коронавирус – это фейк. Отдельно стоит отметить общий высокий уровень недоверия официальной информации во всех странах (рис. 2).

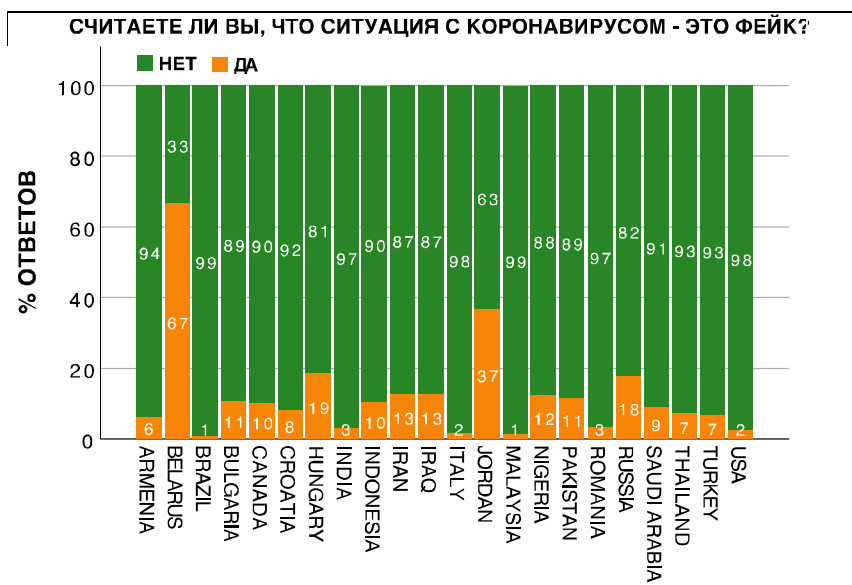

Рис. 1. Восприятие реальности угрозы коронавируса в 23 странах

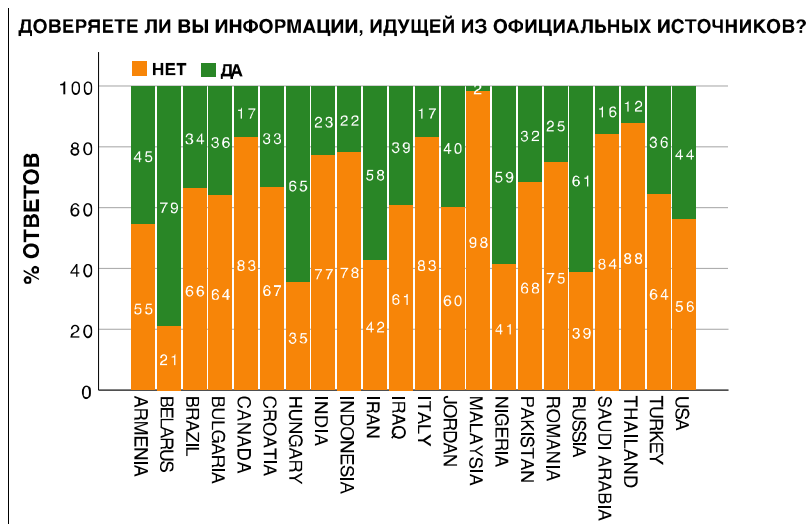

Рис. 2. Уровень доверия официальной информации в 23 странах

Данный фактор (доверие к власти и принимаемым мерам) непосредственно влияет на их исполнение – при наличии доверия люди лучше осведомлены о предписанной дистанции общения и сами ее придерживаются при коммуникации с другими людьми, т.е. фактически исполняют предписания (Феденок, Буркова 2020). В одном из исследований российских социологов было показано, что россияне, столкнувшись с новой угрозой, предпочитают рассчитывать на себя (40%) или на коллективную ответственность (37%), которая может уберечь от заражения, тогда как на государство в борьбе с пандемией надеются только 9% опрошенных, а на медицину – 12% (данные на 27–29 марта 2020 г.) (Архипова и др. 2020; Степанцов, Вилейкис 2020). В середине апреля 2020 г. в другом исследовании было показано, что 29% опрошенных считают, что реальное количество заболевших и сложность ситуации занижаются, а 27%, наоборот, считают, что ситуация сильно нагнетается и представляется хуже, чем есть. Однако и те и другие респонденты уверены, что официальной информации доверять нельзя (Архипова и др. 2020; Макушева, Орлова и др. 2020). Опросы показывают, что доверие к официальным институтам власти в течение марта и апреля упало у 61% россиян (Макушева, Нестик и др. 2020).

Согласно кросс-культурным данным, полученным в Бразилии, Колумбии, Германии, Израиле, Норвегии и США, более обеспокоенные и находящиеся в состоянии стресса люди меньше доверяли властям и выражали сильный пессимизм в отношении способности правительства контролировать вспышку (Mækelæ et al. 2020). Наше кросс-культурное исследование, проведенное в 23 странах мира, показало, что уровень тревожности на фоне COVID-19 имеет более высокие оценки в странах с низким уровнем дистанции от власти, например в Канаде и Италии (Burkova et al., 2021, 2022). По всей видимости, в категорию уровня доверия официальным источникам, в частности уровня доверия правительству и власти в целом, входит данное измерение (дистанция к власти как степень, в которой менее влиятельные члены организаций и институтов (таких как семья) принимают и ожидают, что власть распределяется неравномерно; это представляет собой неравенство (большее против меньшего), но определяемое снизу, а не сверху) (Hofstede 2011).

Инфодемия в России

В 2020 г. группа российских ученых в составе научной группы «Мониторинг актуального фольклора» изучали в России особенности инфодемии – волны слухов, псевдомедицинских советов, конспирологии и отрицания опасности, связанных с эпидемией COVID-19 в России (Архипова и др. 2020). На основе материала, отобранного с помощью сервиса «Медialogия» из российских социальных сетей, и случаев уго-

ловного и административного преследования граждан за распространение «недостоверной информации» (слухов) о самом коронавирусе и мерах борьбы с ним, было описано, как «устроена» инфодемия, какие сюжеты наиболее популярны и почему; что влияет на появление «волн» инфодемии; какие тексты из циркулирующих по неформальным каналам коммуникации опасны в медицинском смысле, а какие признаны «опасными» в судах. Всего с 1 февраля по 11 августа 2020 г. было найдено 167 микросюжетов, которые делились на восемь тематических групп: 1) 33% составляла группа «Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах» (например, посты о том, что врачи фальсифицируют диагноз «коронавирус», чтобы получить выплаты, а изобретение вакцины от несуществующей болезни – это манипуляция ВОЗ для получения денег); 2) 31% сообщений составляли псевдомедицинские советы и народные рецепты лечения от нового вируса; 3) 12% – истории о том, что коронавирус создан внешними врагами как биологическое оружие; 4) 10% – нарративы о вакцинах, тестах, масках как способе чипирования или убийства; 5) 7% – группа сообщений о распространении вируса через продукты, вещи, сотовую связь, в том числе в результате их намеренного заражения врагами; 6) 4% – власти скрывают реальную информацию об эпидемии и ее последствиях; 7) 2% – представители власти манипулируют информацией об эпидемии и ее последствиях; 8) 1% – слухи о вредительских действиях мошенников и мигрантов во время пандемии (Архипова и др., 2020). Распространителями слухов, сообщений и фейковых новостей в социальных сетях чаще становились женщины (63% женщин против 37% мужчин в исследованных данных), при этом 43% респондентов были в возрасте от 40 до 60 лет, из указавших образование «авторов» инфодемических сообщений 73% имели высшее образование. Распространение инфодемии по России также было неравномерным, и наибольшее количество таких сообщений наблюдалось в двух крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге (Архипова и др. 2020). Интересно, что лавинообразный скачок слухов пришелся на период неопределенности (конец февраля – март 2020 г.), а не на время, когда заболеваемость в России начала быстро расти и больницы были переполнены (максимальное число заражений в день пришлось на 10 мая 2020 г.). Другие исследователи отмечают, что взлет и пик информационной активности связаны с объявлением 25 марта нерабочим днем, а также с введением режима самоизоляции для москвичей 30 марта 2020 г. (Крюкова, Адам 2022).

Наши данные по России, полученные в течение трех волн пандемии коронавируса, совпадающие с датировками, установленными Роспотребнадзором, показали, что восприятие угрозы и опасности COVID-19 также меняется: если во время первого карантина и ограничений вес-

ной 2020 г. 17,87% респондентов в России считали, что коронавирус – это фейк, ко второй волне (осень–зима 2020 г.) данная цифра уменьшилась вдвое, до 7,22%, к третьей волне (весна 2021 года) немного выросла – до 9,63%. При этом по мере приобретения коронавирусного опыта ко второй волне существенно увеличилось количество тех, кто считает пандемию COVID-19 реальной угрозой (от 82,13% во время первой волны к 92,78% респондентов ко второй) (рис. 3).

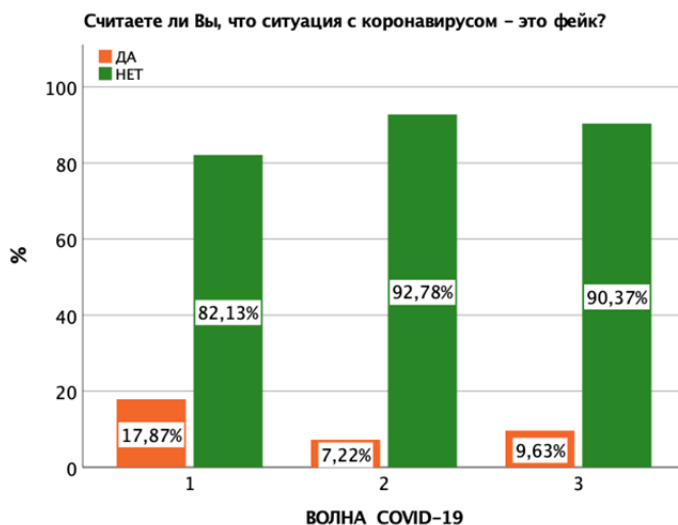

Рис. 3. Восприятие реальности угрозы коронавируса в России в течение трех волн COVID-19

Не прошло стороной российское общество и возрастание уровня стигматизации определенных слоев населения, которых наделяли качествами распространителей нового вируса. Так, в работе Н.В. Крюковой и Ю.И. Адам было показано, что одной из таких групп стал собирательный образ москвичей (Крюкова, Адам 2022). Взрыв возмущения и раздражения и, как следствие, развитие дискурса очуждения Москвы и «москвичей» вызвали решения о закрытии города на въезд и одновременно разрешение на выезд (Крюкова, Адам 2022) (рис. 4).

В нашем недавнем исследовании в 23 странах, высокий уровень тревожности достоверно коррелировал с низким уровнем личностной реакции на официально предпринимаемые меры и отношения к иностранцам (те, кто имел более высокие оценки тревожности, были более враждебно и подозрительно настроены по отношению к иностранцам) (Burkova et al. 2022). Такая реакция наблюдалась в том числе и в России, что возможно интерпретировать с точки зрения высокого уровня дистанции власти в РФ, с одной стороны, и пространственной близости к Китаю и общей границы – с другой.

жительную связь между освещением пандемии в СМИ и предубеждением против четырех иностранных гражданств (Sorokowski et al. 2020). Такая же ярко выраженная негативная реакция наблюдалась в отношении итальянцев в Европе, т.е. в стране, которая на момент исследования боролась с самой сильной вспышкой COVID-19 (Sorokowski et al. 2020).

Вслед за такими странами, как Бангладеш, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланка, Россия ввела юридическую ответственность за распространение недостоверной информации и создала Коммуникативный центр при Правительстве РФ, одной из задач которого являлась борьба с недостоверной информацией и фейками⁷; в марте 2020 г. при Следственном комитете РФ была создана специальная группа, в чьи обязанности входило выявление распространения недостоверной информации в социальных сетях (Архипова и др. 2020). Наиболее преследуемыми были сообщения о том, что власти скрывают истинный размер заболеваемости. При этом с увеличением количества наказаний уровень инфодемии снижался, в том числе благодаря уходу фейков и сообщений в анонимное поле.

Однако по мере внедрения вакцинации против COVID-19 на территории России произошел новый всплеск инфодемии и противостояния в обществе. «Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению „холодной гражданской войны“» (Архипова 2021: 97). Традиционные антиваксеры вступили в новую борьбу, отстаивая свою точку зрения по поводу нового вируса. Справедливости ради стоит сказать, что подобные тенденции наблюдались и в западных странах (Germani, Biller-Andorno 2021). Страх перед вакцинацией связан как с искренней верой в опасность вакцины, так и с опасениями «перестраховщиков» (люди, которые плохо понимают, как устроены вакцины, и переживают, как прививки повлияют на состояние их здоровья и иммунитета) и недоверием к производителям вакцин (в целом связанным с недоверием к российской медицине и действиям правительства) (Архипова 2021), что снова возвращает нас к глобальной проблеме зависимости эффективности принимаемых профилактических мер от уровня доверия к органам здравоохранения (в частности) и государственной власти (в целом).

Заключение

Всестороннее внимание было уделено тому, готовы ли системы здравоохранения во всем мире справиться с большим количеством заболевших коронавирусной инфекцией. Однако совсем не обсуждалось, готовы ли они к серьезному наплыву пациентов с псевдосимптомами, в том числе вызванными не коронавирусом, а коронафобией.

Предоставление людям точной информации и контраргументов против ложной информации до того, как они столкнутся с теориями заговора, фальшивыми новостями или другими формами дезинформации, могут помочь им «привиться» от ложных сообщений (van Bavel et al. 2020). Исследования показывают, что развитие аналитических навыков и наличие инструментов для самостоятельного анализа текста способны замедлять распространение фейковых новостей среди населения (Nygren, Guath 2018; Pennycook et al. 2020; Архипова и др. 2020). Важно мотивировать людей к профилактическим мерам, таким как мытье рук, использование масок и социальное дистанцирование в общественных местах, с помощью образовательных и просветительских кампаний. Для борьбы с инфодемией COVID-19 ВОЗ запустила информационную платформу под названием «Информационная сеть ВОЗ по эпидемиям» (Information Network for Epidemics – EPI-WIN), которая предоставляет советы и рекомендации различным специалистам, а также разнообразную информацию (Zarocostas 2020).

Самым эффективным методом предотвращения вирусных пандемий являются вакцины (Rémy et al. 2015; Şahin, Demir 2020; Turan et al. 2022). Вакцина против COVID-19 – это медицинский препарат, который вводится с целью приобретения иммунитета против данного заболевания. К середине декабря 2020 г. сообщалось о 57 вакцинах-кандидатах против COVID-19⁸. В декабре 2020 г. Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США объявило, что оно дало разрешение на экстренное использование вакцины Pfizer/BioNTech COVID-19 и вакцины Moderna COVID-19⁹. Во многих странах было дано разрешение на использование вакцины CoronaVac/Sinovac COVID-19, AstraZeneca и Janssen. В России во время пандемии коронавируса были разработаны четыре вакцины¹⁰: Гам-КОВИД-Вак (торговая марка «Спутник V», разработана Национальным исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи Минздрава России); ЭпиВакКорона – вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 (разработана ФБУН ГНИЦ ВБ «Вектор» Роспотребнадзора); КовиВак (разработана Федеральным научным центром исследований и разработки иммунобиологических препаратов им. М.П. Чумакова РАН); «Конвасэл» (разработана Санкт-Петербургским научно-исследовательским институтом вакцин и сывороток и предприятием по производству бактериальных препаратов ФМБА России). Кроме того, в России получено разрешение Минздрава РФ на участие в масштабном международном исследовании III фазы по оценке эффективности и иммуногенности китайской вакцины Ad5-nCoV (CanSino Biologics Inc., Китай)¹¹. Для контроля COVID-19 порог общего иммунитета должен составлять от 50 до 67% (Omer, Yildirim, Forman 2020). Кроме того, эффективность вакцин зависит от

таких факторов, как возможность распределения и доставки вакцины в очаги пандемии и готовность населения принять вакцину (Şahin, Demir 2020; Turan et al. 2022).

В своей антиковидной кампании активисты против вакцинации полностью отвергают существование COVID-19 и выступают против вакцинации. Дезинформация в социальных сетях (например, неверные сведения о скорости разработки вакцины или ее действенности) также оказывает существенное негативное влияние на отношение к вакцине против COVID-19 (Cornwall 2020). Все это только усиливает беспокойство среди населения и оказывает негативное влияние на психическое здоровье общества, усиливая существующий пандемический кризис. Однако по мере усиления коронафобии растет и положительное отношение к вакцине против COVID-19 (Turan et al. 2022).

С другой стороны, страх и тревога на фоне пандемии усиливают положительное отношение к вакцине. Современные исследования все же показывают, что, несмотря на огромное количество недостоверной информации, положительное отношение людей к вакцине в большинстве западных стран колеблется в пределах 59–75% (Lazarus et al. 2020; Turan et al. 2022). В одном из глобальных опросов Всемирного экономического форума, в котором приняли участие около 20 000 взрослых из 27 стран, 74% участников заявили, что они получают вакцину против COVID-19, когда она будет доступна (Dai 2020). Однако Россия по готовности прививаться будущей вакциной, согласно опросу в июне 2020 г. оказалась лидером по количеству не желающих вакцинироваться (Lazarus et al. 2021). Наши данные, собранные в России в мае–июне 2021 г., показывали, что 17,61% опрошенных относятся негативно к проходящей в стране вакцинации, 19,68% – скорее негативно, чем позитивно, 28,53% не смогли определиться, 18,16% относятся скорее позитивно, и 16,03% – однозначно позитивно. При этом 18,27% из этих респондентов уже вакцинировались и 14,69% собирались это сделать в ближайшее время, тогда как 29,94% сказали, что вакцинироваться не собираются, а 37,11% – обдумывают это решение и не определились. Таким образом, количество отрицательных ответов на момент проведения исследования было больше, чем положительно настроенных по отношению к вакцинации. На 10 ноября 2022 г. в России 74,1% взрослого населения было привито хотя бы одним компонентом вакцины, 67,2% привито полностью¹².

Поскольку пандемия COVID-19 до сих пор не контролируется полностью и на сегодняшний день нет абсолютно эффективной вакцинации, важно выявлять фобию COVID-19, чтобы оказывать своевременную психологическую поддержку лицам с более высоким уровнем коронафобии и предотвращать более сложные психические расстройства.

Примечания

- ¹ Angus Reid Institute (2020). Half of Canadians taking extra precautions as coronavirus continues to spread around the globe. Retrieved February 6, 2020. URL: http://angusreid.org/wp-content/uploads/2020/02/2020.02.04_Coronavirus.pdf (date of application: 20.02.2022).
- ² National Public Radio (2020). Poll: Most Americans say U. S. “doing enough” to prevent coronavirus spread. Retrieved February 6, 2020. URL: <https://www.npr.org/sections/health-shots/2020/02/04/802387025/poll-most-americans-say-u-s-doing-enough-to-prevent-coronavirus-spread> (date of application: 20.02.2022).
- ³ URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/munich-security-conference>
- ⁴ The Wall Street Journal: ‘Infodemic’ When Unreliable Information Spreads Far and Wide. URL: <https://www.wsj.com/articles/infodemic-when-unreliable-information-spreads-far-and-wide-11583430244> (date of application: 12.05.2020).
- ⁵ Global Opinions. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/17/us-china-coronavirus-blame-game-conspiracies-are-getting-dangerous/> (date of application: 12.05.2022).
- ⁶ Karimi N., Gambrell J. Hundreds die of poisoning in Iran as fake news suggests methanol cure for virus // Times of Israel. 2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/hundreds-die-of-poisoning-in-iran-as-fake-news-suggests-methanol-cure-for-virus/> (date of application: 12.05.2022).
- ⁷ Правительство создало центр по борьбе с фейками о коронавирусе // Коммерсантъ. 2020. 30 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308770> (дата обращения: 18.11.2020).
- ⁸ CDC. Coronavirus disease 2019 (COVID-19). February 11. Centers for disease control and prevention; 2020.
- ⁹ U. S. Food and Drug Administration. 2020.
- ¹⁰ URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф>.
- ¹¹ URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф/ad5-ncov.html>.
- ¹² URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>.

Список источников

- Архипова А.С. Берегись покемонов: символическое сопротивление новой медицинской реальности в российских социальных сетях // Неприкосновенный запас. 2021. № 06 (140). С. 97–125.
- Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 4–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М. От первой к третьей волне COVID-19: динамика тревожного поведения в крупных городах России (Москва и Ростов-на-Дону) // Этнографическое обозрение, 2023 (в печати).
- Крюкова Н.В., Адам Ю.И. Очуждение и очуждаемые в Рунете в первую «волну» пандемии COVID-19 // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 187–210.
- Макушева М., Нестик Т., Орлова Е., Фирсов А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19 // Сводка № 12. URL: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (дата обращения: 26.05.2020).
- Макушева М., Орлова Е., Фирсов А., Шаикин А. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19 // Сводка № 6. URL: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (дата обращения: 17.04.2020).
- Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 2020. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 01.04.2020).

- Феденюк Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40. doi: 10.17223/2312461X/28/1
- Abuhammad S., Alzoubi K.H., Khabour O. Fear of COVID-19 and stigmatization towards infected people among Jordanian people // Int. J. Clin. Pract. 2021. Vol. 75, No. e13899.
- Arora A., Jha A.K., Alat P., Das S.S. Understanding coronaphobia // Asian J Psychiatr. 2020. Vol. 54, No. 102384.
- Asmundson G.J.G., Taylor S. Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak // Journal of Anxiety Disorders. 2020. Vol. 70, No. 102196. doi: 10.1016/j.janxdis.2020.102196
- Brailovskaia J., Margraf J., Schneider S. SocialMedia as Source of Information, Stress Symptoms, and Burden Caused by Coronavirus (COVID-19) // European Psychologist. 2022. Vol. 26 (4). P. 373–386. doi: 10.1027/1016-9040/a000452
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20) 30460-8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. Vol. 13, No. 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K. et al. Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13, No. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Chui A. Trump has no Qualms about Calling Coronavirus the 'Chinese Virus'. That's a Dangerous Attitude, Experts Say // The Washington Post. Washington, D.C, 2020.
- Cornwall W. Officials gird for a war on vaccine misinformation // Science. 2020. Vol. 369. P. 14–15. doi: 10.1126/science.369.6499.14
- Crawford R. The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other' Reflections on Health, Culture and AIDS // Social Science & Medicine. 1994. Vol. 38, No. 10. P. 1347–1365.
- Dai D. Three in four adults globally say they'd get a vaccine for COVID-19 – but is this enough? // WEF. 2020.
- Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G. et al. Risk perceptions of COVID-19 around the world // J. Risk Res. 2020. P. 1–13. doi: 10.1080/13669877.2020.1758193
- Dore B. Covid-19: Collateral damage of lockdown in India // BMJ. 2020. Vol. 369, No. m1711.
- Eichelberger L. SARS and New York's Chinatown: The Politics of Risk and Blame During an Epidemic of Fear // Social Science & Medicine. 2007. Vol. 65. P. 1284–1295.
- Feyissa G.T., Lockwood C., Woldie M., Munn Z. Reducing HIV-related stigma and discrimination in healthcare settings: A systematic review of quantitative evidence // PLoS One. 2019. Vol. 14, No. e0211298.
- Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A. Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance with Government Guidelines in England // Psychological Medicine. 2020. Vol. 52 (2). P. 251–263. doi: 10.1017/s0033291720001890
- Germani F., Biller-Andorno N. The Anti-Vaccination Infodemic on SocialMedia: A Behavioral Analysis // PLoS ONE. 2021. Vol. 16, No. 3. doi: 10.1371/journal.pone.0247642
- Han P.K., Zikmund-Fisher B.J., Duarte C.W., Knaus M., Black A. et al. Communication of scientific uncertainty about a novel pandemic health threat: ambiguity aversion and its mechanisms // J. Health Commun. 2018. Vol. 23. P. 435–444. doi: 10.1080/10810730.2018.1461961
- Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. Online Read // Psychol. Cult. (ORPC). 2011. Vol. 2. P. 3–26.
- Joffe H. Risk and 'the Other'. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1999.
- Kar D., Bhardwaj M., Samanta S., Azad A.P. No rumours please! A multi-indic-lingual approach for covid fake-tweet detection // arXiv. 2010. No. 06906 (2020).

- Lazarus J.V., Ratzan S.C., Palayew A., Gostin L.O., Larson H.J., Rabin K. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine // *Nature medicine*. 2020. Vol. 27. P. 225–228. doi: 10.1038/s41591-020-1124-9
- Lazarus J., Ratzan S., Palayew A. et al. A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine // *Nature Medicine*. 2021. Vol. 27, No. 2. P. 225–228.
- Luo F., Ghanei Gheshlagh R., Dalvand S., Saedmoucheshi S., Li Q. Systematic Review and Meta-Analysis of Fear of COVID-19 // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12, No. 661078. doi: 10.3389/fpsyg.2021.661078
- McCauley M., Minsky S., Viswanath K. The H1N1 pandemic: media frames, stigmatization and coping // *BMC Public Health*. 2013. Vol. 13, No. 1116. doi: 10.1186/1471-2458-13-1116
- Monson S. Ebola as African: American media discourses of panic and otherization // *Afr. Today*. 2017. Vol. 63. P. 3–27. doi: 10.2979/africatoday.63.3.02
- Mækelæ M.J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A. et al. Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries // *R. Soc. Open Sci*. 2020. Vol. 7, No. 200644. doi: 10.1098/rsos.200644
- Nygren T., Guath M. Mixed Digital Messages: The Ability to Determine News Credibility among Swedish Teenagers // Sampson D.G., Ifenthaler D., Isaías P. (eds.) *Proceedings of the 15th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA 2018)*. 2018. Vol. 15. P. 375–378.
- Omer S.B., Yildirim I., Forman H.P. Herd immunity and implications for SARS-CoV-2 control // *JAMA*. 2020. Vol. 324. P. 2095–2096.
- Patel M.P., Kute V.B., Agarwal S.K. COVID-19 Working Group of Indian Society of Nephrology. “Infodemic” COVID-19: More Pandemic than the Virus // *Indian J Nephrol*. 2020. Vol. 30 (3). P. 188–191. doi: 10.4103/ijn.IJN_216_20
- Patwa P. et al. Fighting an Infodemic: COVID-19 Fake News Dataset // Chakraborty T., Shu K., Bernard H.R., Liu H., Akhtar M.S. (eds) *Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situation. CONSTRAINT 2021. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1402. Springer, Cham., 2021. doi: 10.1007/978-3-030-73696-5_3
- Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention // *Psychological science*. 2020. Vol. 31 (7). P. 770–780.
- Person B., Sy F., Holton K., Govert B., Liang A. National Center for Infectious Diseases / SARS Community Outreach Team. Fear and stigma: The epidemic within the SARS outbreak // *Emerg Infect Dis*. 2004. Vol. 10. P. 358–363.
- Rémy V., Largeron N., Quilici S., Carroll S. The economic value of vaccination: why prevention is wealth // *J Mark Access Health Policy*. 2015. Vol. 3, No. 29284.
- Ren S.Y., Gao R.D., Chen Y.L. Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic // *World J. Clin. Cases*. 2020. Vol. 8. P. 652–657. doi: 10.12998/wjcc.v8.i4.652
- Sahin F., Demir S. Virüsler, Viral Pandemileri Etkileyen Faktörler ve Sonuçları // Muzaffer S. eker, Ali Özer ve Cem Korkut *Türkiye Bilimler Akademisi*. 2020. P. 55–76.
- Shahi G., Nandini D. Fakecovid – a multilingual cross-domain factcheck news dataset for COVID-19 // *ArXiv*. June 2020. doi: 10.48550/arXiv.2006.11343
- Shigemura J., Ursano R.J., Morganstein J.C., Kurosawa M., Benedek D.M. Public responses to the novel 2019 Coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations // *Psychiatry Clin Neurosci*. 2020. Vol. 74 (4). P. 281–282.
- Sorokowski P., Groyecka A., Kowal M., Sorokowska A., Bialek M., et al. Can information about pandemics increase negative attitudes toward foreign groups? a case of COVID-19 outbreak // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, No. 4912. doi: 10.3390/su12124912

- Taylor S. The psychology of pandemics: Preparing for the next global outbreak of infectious disease. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Taylor S., Asmundson G.J.G. Treating health anxiety: A cognitive-behavioral approach. New York: Guilford, 2004.
- The Lancet. COVID-19: Fighting panic with information. 2020. Vol. 395, No. 537.
- Turan G.B., Aksoy M., Özer Z., Demir C. The association between coronaphobia and attitude towards COVID-19 Vaccine: A sample in the east of Turkey // *L'encephale*. 2022. Vol. 1; 48 (1). P. 38–42.
- Usher K., Durkin J., Bhullar N. The COVID-19 pandemic and mental health impacts // *Int. J. Ment. Health Nurs*. 2020. Vol. 29, No. 315. doi: 10.1111/inm.12726
- Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A. et al. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // *Nature Human Behavior*. 2020. Vol. 4. P. 460–471. doi: 10.1038/s41562-020-0884-z
- Vijali R., Potluri P., Kumar S., Sundeeep T. Two stage transformer model for COVID-19 fake news detection and fact checking // *Proceedings of the Workshop on NLP for Internet Freedom*. 2020.
- Zarocostas J. How to fight an infodemic // *Lancet*. 2020. Vol. 395, No. 676.

References

- Arkhipova A.S. (2021) Beregis' pokemonov: simvolicheskoe soprotivlenie novoi meditsinskoj real'nosti v rossiiskikh sotsial'nykh setiakh [Beware of Pokémon: Symbolic Resistance to the New Medical Reality on Russian Social Media], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 06(140), pp. 97–125.
- Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Peigin B.S., GavriloVA M.V., Petrov N.V. (2020) Puti rossiiskoi infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From Whatsapp to the Investigative Committee], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 4–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Burkova V.N., Butovskaia M.L., Ermakov A.M. (2023) Ot pervoi k tre'tei volne COVID-19: dinamika trevozhnogo povedeniia v krupnykh gorodakh Rossii (Moskva i Rostov-na-Donu) [From the first to the third wave of COVID-19: dynamics of anxious behavior in large Russian cities (Moscow and Rostov-on-Don)], *Etnograficheskoe obozrenie* (in print).
- Kriukova N.V., Adam Iu.I. (2022) Ochuzhdenie i ochuzhdaemye v Runete v pervuiu «volnu» pandemii COVID-19 [Othering in Runet in the First Wave of the COVID-19 Pandemic], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 187–210.
- Makusheva M., Nestik T., Orlova E., Firsov A. (2020) Issledovanie sotsial'nykh effektiv pandemii COVID-19 [Study on the social effects of the COVID-19 pandemic], *Svodka № 12*. Available at: <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/05/svodka-12.pdf> (accessed 26 May 2020).
- Makusheva M., Orlova E., Firsov A., Shashkin A. (2020) Issledovanie sotsial'nykh effektiv pandemii COVID-19 [Study on the social effects of the COVID-19 pandemic] *Svodka № 6*. Available at: <https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/> (accessed 17 April 2020).
- Stepantsov P., Vileikis A. (2020) Koronavirus i obshchestvo. Kak rossiiane reagiruiut na epidemiui [Coronavirus and the society. How Russian citizens react to the pandemic], *Knife.Media*. Available at: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (accessed 01 April 2020).
- Fedenok Iu.N., Burkova V.N. (2020) Sotsial'noe distantsirovanie kak al'truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social Distancing as Altruism in The Context of The Coronavirus Pandemic: A Cross-Cultural Study], *Sibirskie Istoriches-*

- kie *Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 6-40. DOI: 10.17223/2312461X/28/1
- Abuhammad S., Alzoubi K. H., Khabour O. (2021) Fear of COVID-19 and stigmatization towards infected people among Jordanian people, *Int. J. Clin. Pract.* Vol. 75. No e13899.
- Arora A., Jha A.K., Alat P., Das S.S. (2020) Understanding coronaphobia, *Asian J Psychiatr.* Vol. 54. No. 102384.
- Asmundson G.J.G., Taylor S. (2020) Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak, *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 70. No. 102196. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102196>.
- Brailovskaia J., Margraf J., Schneider S. (2022) Social Media as Source of Information, Stress Symptoms, and Burden Caused by Coronavirus (COVID-19), *European Psychologist*. Vol. 26 (4). Pp. 373–386. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000452>.
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., et al. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence, *Lancet*. Vol. 395. Pp. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20) 30460- 8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. (2021) Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries, *Sustainability*. Vol. 13. No. 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K. et al. (2022) Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries, *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. No. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.805586.
- Chui A. (2020) Trump has no Qualms about Calling Coronavirus the 'Chinese Virus'. That's a Dangerous Attitude, Experts Say, *The Washington Post*. Washington, D.C.
- Cornwall W. (2020) Officials gird for a war on vaccine misinformation, *Science*. Vol. 369. Pp. 14–15. doi: 10.1126/science.369.6499.14.
- Crawford R. (1994) The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other'' Reflections on Health, Culture and AIDS, *Social Science & Medicine*. Vol. 38. No. 10. Pp. 1347–1365.
- Dai D. (2020) Three in four adults globally say they'd get a vaccine for COVID-19 – but is this enough? *WEF*.
- Dryhurst S., Schneider C. R., Kerr J., Freeman A. L. J., Recchia G., et al. (2020) Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res.* Pp. 1–13. doi: 10.1080/13669877.2020.1758193
- Dore B. (2020) Covid-19: Collateral damage of lockdown in India, *BMJ*. Vol. 369. No. m1711.
- Eichelberger L. (2007) SARS and New York's Chinatown: The Politics of Risk and Blame During an Epidemic of Fear, *Social Science & Medicine*. Vol. 65. Pp. 1284–1295.
- Feyissa G.T., Lockwood C., Woldie M., Munn Z. (2019) Reducing HIV-related stigma and discrimination in healthcare settings: A systematic review of quantitative evidence, *PLoS One*. Vol. 14. No. e0211298.
- Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A. (2020) Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance with Government Guidelines in England, *Psychological Medicine*. Vol. 52 (2). Pp. 251–263. <https://doi.org/10.1017/s0033291720001890>.
- Germani F., Biller-Andorno N. (2021) The Anti-Vaccination Infodemic on SocialMedia: A Behavioral Analysis, *PLoS One*. Vol. 16. No. 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247642>.
- Han P.K., Zikmund-Fisher B.J., Duarte C.W., Knaus M., Black A., et al. (2018) Communication of scientific uncertainty about a novel pandemic health threat: ambiguity aversion and its mechanisms, *J. Health Commun.* Vol. 23. Pp. 435–444. doi: 10.1080/10810730.2018.1461961
- Hofstede G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. Online Read, *Psychol. Cult. (ORPC)*. Vol. 2. Pp. 3–26.
- Joffe H. (1999) Risk and 'the Other'. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press.

- Kar D., Bhardwaj M., Samanta S., Azad A.P. (2020) No rumours please! A multi-lingual approach for covid fake-tweet detection, *arXiv*: 2010. No. 06906
- Lazarus J.V., Ratzan S.C., Palayew A., Gostin L.O., Larson H.J., Rabin K. (2020) A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine, *Nature medicine*. Vol. 27. Pp. 225–228. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-1124-9>
- Lazarus J., Ratzan S., Palayew A. et al. (2021) A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine, *Nature Medicine*. Vol. 27. No. 2. P. 225–228.
- Luo F., Ghanei Gheshlagh R., Dalvand S., Saedmoucheshi S., Li Q. (2021) Systematic Review and Meta-Analysis of Fear of COVID-19, *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. No 661078. doi: 10.3389/fpsyg.2021.661078
- McCauley M., Minsky S., Viswanath K. (2013) The H1N1 pandemic: media frames, stigmatization and coping, *BMC Public Health*. Vol.13. No. 1116. doi: 10.1186/1471-2458-13-1116
- Monson S. (2017) Ebola as African: American media discourses of panic and otherization, *Afr. Today*. Vol. 63. Pp. 3–27. doi: 10.2979/africatoday.63.3.02
- Mækelæ M. J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A., et al. (2020) Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries, *R. Soc. Open Sci*. Vol. 7. No 200644. doi: 10.1098/rsos.200644
- Nygren T., Guath M. (2018) Mixed Digital Messages: The Ability to Determine News Credibility among Swedish Teenagers. In: Sampson D. G., Ifenthaler D., Isaías P. (eds.) *Proceedings of the 15th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA 2018)*. Vol. 15. P. 375–378.
- Omer S.B., Yildirim I., Forman H.P. (2020) Herd immunity and implications for SARS-CoV-2 control, *JAMA*. Vol. 324. Pp. 2095–2096.
- Patel M.P., Kute V.B., Agarwal S.K. (2020) COVID-19 Working Group of Indian Society of Nephrology. “Infodemic” COVID-19: More Pandemic than the Virus, *Indian J Nephrol*. Vol. 30 (3). Pp. 188–191. doi: 10.4103/ijn.IJN_216_20.
- Patwa P. et al. (2021) Fighting an Infodemic: COVID-19 Fake News Dataset. In: Chakraborty T., Shu K., Bernard H.R., Liu H., Akhtar M.S. (eds) *Combating Online Hostile Posts in Regional Languages during Emergency Situation. CONSTRAINT 2021*. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1402. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73696-5_3.
- Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. (2020) Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention, *Psychological science*. Vol. 31 (7). Pp. 770–780.
- Person B., Sy F., Holton K., Govert B., Liang A. National Center for Infectious Diseases / SARS Community Outreach Team. (2004) Fear and stigma: The epidemic within the SARS outbreak, *Emerg Infect Dis*. Vol. 10. Pp. 358–363.
- Rémy V., Langeron N., Quilici S., Carroll S. (2015) The economic value of vaccination: why prevention is wealth, *J Mark Access Health Policy*. Vol. 3. No. 29284.
- Ren S.Y., Gao R.D., Chen Y.L. (2020) Fear can be more harmful than the severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 in controlling the corona virus disease 2019 epidemic, *World J. Clin. Cases*. Vol. 8. Pp. 652–657. doi: 10.12998/wjcc.v8.i4.652
- Sahin F., Demir S. (2020) Virüsler, Viral Pandemileri Etkileyen Faktörler ve Sonuçları, In: *Muzafer S eker, Ali Özer ve Cem Korkut Türkiye Bilimler Akademisi*. Pp. 55–76.
- Shahi G., Nandini D. (2020) Fakecovid — a multilingual cross-domain factcheck news dataset for COVID-19, *ArXiv*, June 2020. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.11343>.
- Shigemura J., Ursano R.J., Morganstein J.C., Kurosawa M., Benedek D.M. (2020) Public responses to the novel 2019 Coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations, *Psychiatry Clin Neurosci*. Vol. 74(4). Pp. 281–282.
- Sorokowski P., Groyecka A., Kowal M., Sorokowska A., Bialek M., et al. (2020) Can information about pandemics increase negative attitudes toward foreign groups? a case of COVID-19 outbreak, *Sustainability*. Vol. 12. No. 4912. doi: 10.3390/su12124912

- Taylor S. (2019) *The psychology of pandemics: Preparing for the next global outbreak of infectious disease*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Taylor S., Asmundson G.J.G. (2004) *Treating health anxiety: A cognitive-behavioral approach*. New York: Guilford.
- The Lancet (2020) *COVID-19: Fighting panic with information*. 2020. Vol. 395. No. 537.
- Turan G.B., Aksoy M., Özer Z., Demir C. (2022) The association between coronaphobia and attitude towards COVID-19 Vaccine: A sample in the east of Turkey, *L'encephale*. Vol. 1;48 (1). Pp. 38–42.
- Usher K., Durkin J., Bhullar N. (2020) The COVID-19 pandemic and mental health impacts, *Int. J. Ment. Health Nurs*. Vol. 29. No. 315. doi: 10.1111/inm.12726
- van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A. et al. (2020) Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response, *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. Pp. 460–471. doi: 10.1038/s41562-020-0884-z.
- Vijjali R., Potluri P., Kumar S., Sundeep T. (2020) Two stage transformer model for COVID-19 fake news detection and fact checking. In: *Proceedings of the Workshop on NLP for Internet Freedom*.
- Zarocostas J. (2020) How to fight an infodemic, *Lancet*. Vol. 395. No. 676.

Сведения об авторе:

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) (Москва, Россия); главный научный сотрудник, профессор Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва, Россия). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Corresponding Member RAS, Dr.Habil. (history), Head of the Center of Cross-cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology (IEA RAS) (Moscow, Russian Federation); Main Research Scientist, Professor International Centre of Anthropology, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 17 ноября 2022 г.;
принята к публикации 12 марта 2023 г.*

*The article was submitted 17.11.2022;
accepted for publication 12.03.2023.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 903.01(571.53)
doi: 10.17223/2312461X/40/4

Костяная и роговая индустрия раннего голоцена Северного Приангарья (по материалам местонахождения Остров Лиственичный)

Алексей Михайлович Кузнецов¹
Евгений Олегович Роговской²

^{1, 2} Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

¹ goslos_siberia@list.ru
² eor127@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются результаты изучения костяных и роговых орудий, зафиксированных в раннеголоценовых культуросодержащих горизонтах двух пунктов местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье). Пункт 1 интерпретируется как базовый лагерь, где происходила основная часть производственной, хозяйственной и резидентной деятельности, Пункт 2 – как стоянка-сателлит, на территории которой осуществлялись хозяйственные операции, связанные с рыболовным промыслом. Коллекция костяного и рогового инструментария, в совокупности состоящая из 124 артефактов, проанализирована с позиции морфотипологического подхода: выделены типы орудий, проведены хронологически близкие аналогии. Рассмотрены основные технологические аспекты обработки рога и кости. Предложено обоснование различий в костяном и роговом наборе территориально и хронологически близких стоянок, основанное на организации орудийного производства в условиях дефицита органического ресурса на острове.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Северное Приангарье, ранний голоцен, костяная индустрия, орудия из рога, морфотипологический анализ, обработка рога и кости

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90006.

Для цитирования: Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Костяная и роговая индустрия раннего голоцена Северного Приангарья (по материалам местонахождения Остров Лиственичный) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 76–105. doi: 10.17223/2312461X/40/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/4

Bone and antler industry of the Early Holocene in North Angara (based on assemblages of the Ostrov Listvenichnyi site)

Alexey Mikhailovich Kuznetsov¹
Evgeniy Olegovich Rogovskoi²

^{1, 2} Scientific Research Centre “Baikal region”, Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation

¹ goslos_siberia@list.ru

² eor127@yandex.ru

Abstract. This paper examines the investigation of bone and antler tools in Early Holocene cultural layers at Ostrov Listvenichnyi Point 1 and 2 (North Angara). Point 1 was likely a satellite “logistical” fishing site, while Point 2 was a relatively stable, well-structured residential camp with multiple activities represented in the archaeological record. Organic raw material tool-kits (n = 184) are analyzed by using morphotypological approach: artifacts are divided in different types, the counterparts of these types are identified in the industries of similar age at the neighboring territories. Some aspects of bone and antler carving are examined. The difference between raw material tool-kits of the locations with similar chronological and spatial positions is explained by the organization of bone carving under raw material deficit at the island.

Keywords: Baikal Siberia, North Angara, Early Holocene, organic raw material industry, morphotypological approach, bone and antler carving

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90006.

For citation: Kuznetsov, A.M. & Rogovskoi, E.O. (2023) Bone and antler industry of the Early Holocene in North Angara (based on assemblages of the Ostrov Listvenichnyi site). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 76–105 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/4

Введение и методика

Комплексы, содержащие наборы орудий из органических материалов, являются одними из главных маркеров культурно-исторических трансформаций в археологии отдельных регионов. Так как кость и рог обладают схожими физическими свойствами, имеют единую морфологию преформ в рамках скелетной номенклатуры, требуют простых технологических операций по обработке, культурные традиции в морфотипах из таких материалов фиксируются, вероятно, наиболее устойчиво (Савченко 2017: 216).

В южной части Байкальской Сибири в ряду местонахождений с выраженными наборами костяных и роговых орудий можно назвать финальносартанские комплексы стоянок Мальта и Буреть с всемирно из-

вестными образцами палеолитического искусства, индустрии беллингаллередая стоянок Усть-Бельского археологического района, могильники китойской и серово-глазковской погребальной традиции, датируемые средним голоценом (Окладников 1950, 1960; Герасимов 1958; Мезолит Верхнего... 1971 и др.). Северное Приангарье как менее изученная территория до недавнего времени в аспекте костяного производства было ярко представлено палеолитическими коллекциями из бивня мамонта стоянки Усть-Кова (Васильевский, Дроздов, Бурилов 1988). Широкомасштабные спасательные работы на Северной Ангаре в 2008–2012 гг. позволили дополнительно выявить ряд комплексов с выразительной индустрией из кости и рога (Богучанская археологическая... 2015). Одним из таких объектов является стоянка Остров Лиственичный.

Остров Лиственичный расположен на правом борту одноименного острова на территории Като-Едарминского расширения нижнего течения р. Ангары. Географические координаты острова N 58°45', E 102°35'. В 2014 г. он был полностью затоплен водами Богучанского водохранилища.

Исходя из первичных представлений на начальном этапе полевых работ, Остров Лиственичный был введен в научный оборот как единый комплекс (Роговской, Кузнецов, Попов 2012), хотя по факту представлял собой два дифференцированных объекта – многослойный Пункт 1 на приверхе острова и двухслойный Пункт 2, расположенный ниже по течению. Однако оба комплекса имеют раннеголоценовый компонент с датировками около 9,3–8,5 тыс. некал. л. н.: 2-й культуросодержащий горизонт (далее – к. г.) на Пункте 1 и к. г. 5 на Пункте 2 (Кузнецов, Роговской 2019). В ходе работы над материалами местонахождения в научный оборот введены данные по техноморфологии каменной индустрии, планиграфии, археозоологическим особенностям раннеголоценовых горизонтов (Клементьев, Кузнецов, Роговской 2017; Кузнецов, Роговской 2018; Кузнецов, Роговской 2019 и др.). На современном этапе исследования Пункт 1 интерпретируется как базовый лагерь, где происходила основная часть производственной, хозяйственной и резидентной деятельности, Пункт 2 – как стоянка-сателлит, на территории которой осуществлялись хозяйственные операции, связанные с промыслом ихтиофауны (Kuznetsov et al. 2022).

Основная цель настоящей статьи – введение в научный оборот данных по костяной и роговой раннеголоценовой индустрии Острова Лиственичный, включая описание, морфотипологический анализ артефактов и поиск хронологически и территориально близких аналогий, анализ технологических особенностей изготовления орудий, сырьевой базы, организации производства в пределах острова. Хотя некоторые артефакты уже фигурировали ранее в работах по отдельным аспектам производственной и хозяйственной деятельности ранне- и среднеголоценовых обитателей острова (Роговской, Кузнецов 2013, 2014; Кузне-

цов, Роговской, Таракановский 2017; Кузнецов и др. 2020), основная часть материала представлена впервые. Часть опубликованных артефактов представлена с более расширенными комментариями.

Методика работы с костяным и роговым инвентарем имеет свою специфику. Она исходит из различных физических характеристик органического и каменного сырья, его происхождения и дальнейшей утилизации (Сорокин 2014: 41). Типологическая номенклатура здесь зависима, в первую очередь, от характера заготовки. Некоторые категории скелетных остатков – трубчатая кость, роговые сегменты, зубы, когти – определяют морфологию будущего изделия и требуют минимальной степени модификации. Исключением являются специализированные типы артефактов сложносоставной формы. К ним относятся: зубчатые наконечники, кинжалы, стреловидные обоймы, рыбки-приманка, элементы составного рыболовного крючка, игольчатые наконечники, шилья, пуговицы, труднодиагностируемые изделия. Если каменный инвентарь «докерамической» эпохи чаще всего рассматривается с позиции теоретической морфологии (Волосова 1994), то этнографические аналоги некоторых типов артефактов из органических материалов дают гносеологическую возможность предположить их функциональное узнавание, что позволяет применять наряду с теоретической и функциональную морфологию.

Стоит отметить также некоторую условность типологизации изделий из кости и рога, так как граница между «костью со следами обработки» и «орудиями – изделиями» размывается вследствие высокой восприимчивости последних к фрагментации, вызванной физическими характеристиками сырья. Сравнительная легкость в обработке приводила к тому, что сломанная вещь чаще всего выбрасывалось или переформлялась в другой тип. Материалы исследуемых стоянок, а именно количество целых и сломанных зубчатых наконечников, подтверждают последний тезис. В настоящей работе авторы относят к «орудиям – изделиям» все остеологические остатки со значительной степенью модификации первоначальной формы. Следы ретуши, пиления и резки рассматриваются как первичные приемы обработки сырья.

Типологическая характеристика

Остров Лиственичный Пункт 1 (к. г. 2). Коллекция костяных и роговых артефактов насчитывает 29 артефактов и состоит из 15 орудий, шести обломков и восьми фрагментов кости со следами обработки.

Острия из рога представлены в количестве 3 ед.

Острие № 1 представлено обломанной дистальной частью (см. рис. 1, 2). На одном фасе фиксируются следы губчатого вещества. Изделие изготовлено, судя по всему, на роговой пластине. Этим объясня-

ется его уплощенная форма. Кончик заострен шлифовкой. Линейные размеры орудия – 68×19×10 мм.

Острие № 2 изготовлено из рога (рис. 1, 1). Заостренный кончик обломан. Дистальная часть обработана шлифовкой, частично до губчатой массы. Проксимальная часть уплощена, в абрисе имеет прямоугольную форму. Длина изделия – 210 мм, max ширина – 26 мм, толщина в уплощенной части – 7–10 мм.

Предположительно, согласно морфологии, вышеописанные артефакты могли исполнять функции ложила. Аналогичные орудия встречаются в комплексах китойской погребальной традиции (Базалийский и др. 2016: 89).

Острие № 3 представляет собой предположительно законченное орудие – изогнутый рог с приостренным кончиком (рис. 1, 4). Дистальная и медиальная части несут следы шлифовки. На проксимальной части видны рудименты первоначальной бугорчатой структуры рога. На боку фиксируется неглубокий паз, возможно, для дальнейшего переоформления орудия в роговую заготовку. На проксимальной части губчатое вещество выбрано, образуя коническую воронку. Диаметр рога – около 30 мм, длина – 128 мм. Орудие может представлять собой отжимник в стадии изготовления.

Острия из кости представлены в количестве 2 ед. Общим признаком для выделения типа послужило наличие заостренного шиловидного дистального окончания.

Острие № 1 представлено дистальным фрагментом длиной 104 мм (рис. 1, 6). Заготовкой послужила грифельная кость. Заострено шлифовкой.

Острие № 2 представлено дистальным фрагментом длиной 118 мм (рис. 1, 5). Заготовкой послужил фрагмент трубчатой кости. Заострено шлифовкой. Один край, ближе к обломанной части, несет нечеткие следы ретуши.

Составной рыболовный крючок представлен в одном экземпляре (рис. 1, 9, 10). Его части планиграфически разнесены. Морфометрическое описание изделия приводилось ранее в публикациях (Кузнецов и др. 2020). Судя по сохранившимся иллюстрациям, вполне вероятно, что жальце крючка аналогично артефакту, найденному в «объединенном» мезолитическом горизонте стоянки Усть-Белая в Южном Приангарье (Мезолит Верхнего... 1971: 189). Учитывая финальноплейстоценовый возраст усть-бельского артефакта, можно предположить, что крючок с Острова Лиственичный представляет собой один из этапов развития составной «крючковой» технологии в Байкальской Сибири. Интересно отметить также отличие формы стерженька от типичных китойских аналогов, представляющих собой обычно каменные формы с оформленными дистальным и проксимальным концами полулунной формы.

Заготовка костяной подвески представляет собой каплевидный по форме фрагмент трубчатой кости, выгнутый в поперечном сечении по форме первоначальной заготовки (рис. 1, 7). С дорсального фаса фиксируются следы разнонаправленной шлифовки. С вентрального – остатки губчатого вещества. Дистальный кончик изделия приострен. На проксимале фиксируются следы симметричной обработки, интерпретируемые как оформление головки. Длина изделия – 35 мм, ширина – 15 мм.

Фрагмент проксимальной части костяной иголки имеет длину 18 мм, диаметр 1 мм (рис. 1, 8). Кончик ушка обломан, однако часть его хорошо читается.

Стреловидные костяные обоймы представлены в количестве 4 ед. Подробное метрическое и морфологическое описание артефактов было ранее опубликовано (Кузнецов и др. 2017), поэтому здесь необходимо остановиться только на общих конструктивных особенностях изделий. Все они имеют продольный U-образный паз, расположенный по оси симметрии изделия и немного выступающий с противоположной стороны, уплощенный, сужающийся насад, кососрезанный под острым углом, практически одинаковые показатели толщины и ширины тела в пределах 4,6–7 мм (рис. 1, 3). Метрические показатели пазов и длина обойм несколько варьируют, что, очевидно, объясняется разными размерами применяемых вкладышей. Костяные обоймы отнесены к составным частям наконечников стрел, где жалом выступает каменный наконечник с асимметричной боковой выемкой.

Полных аналогов стреловидных костяных обойм в околосинхронных по возрасту комплексах Байкальской Сибири не обнаружено, однако общий технологический принцип, выраженный в разнокомпонентном по сырью составном вооружении, вполне вписывается в концепцию постплейстоценовой адаптации, где ремонтпригодность инвентаря выступала одним из решающих факторов в производстве (Bettinger 2007: 158).

Труднодиагностируемые изделия представлены в количестве 2 ед. Этнографические параллели и отсутствие подобных предметов в археологических коллекциях не дают сколько-нибудь достоверных ассоциаций о функционале либо морфологическом типе.

Изделие № 1 представляет собой овальный в сечении фрагмент кости, уплощенный разнонаправленной шлифовкой (рис. 1, 11). Длина – 36 мм, ширина – 8 мм, толщина – 5 мм. С обеих сторон фрагмент обломан. На одном конце фиксируется прорезанный косой зубец. Расстояние от крайней точки зубца до продольной оси симметрии орудия составляет 4 мм, угол – 20°. Ниже него параллельно расположена неглубокая прорезь – предположительно документирующая начало оформления следующего зубца.

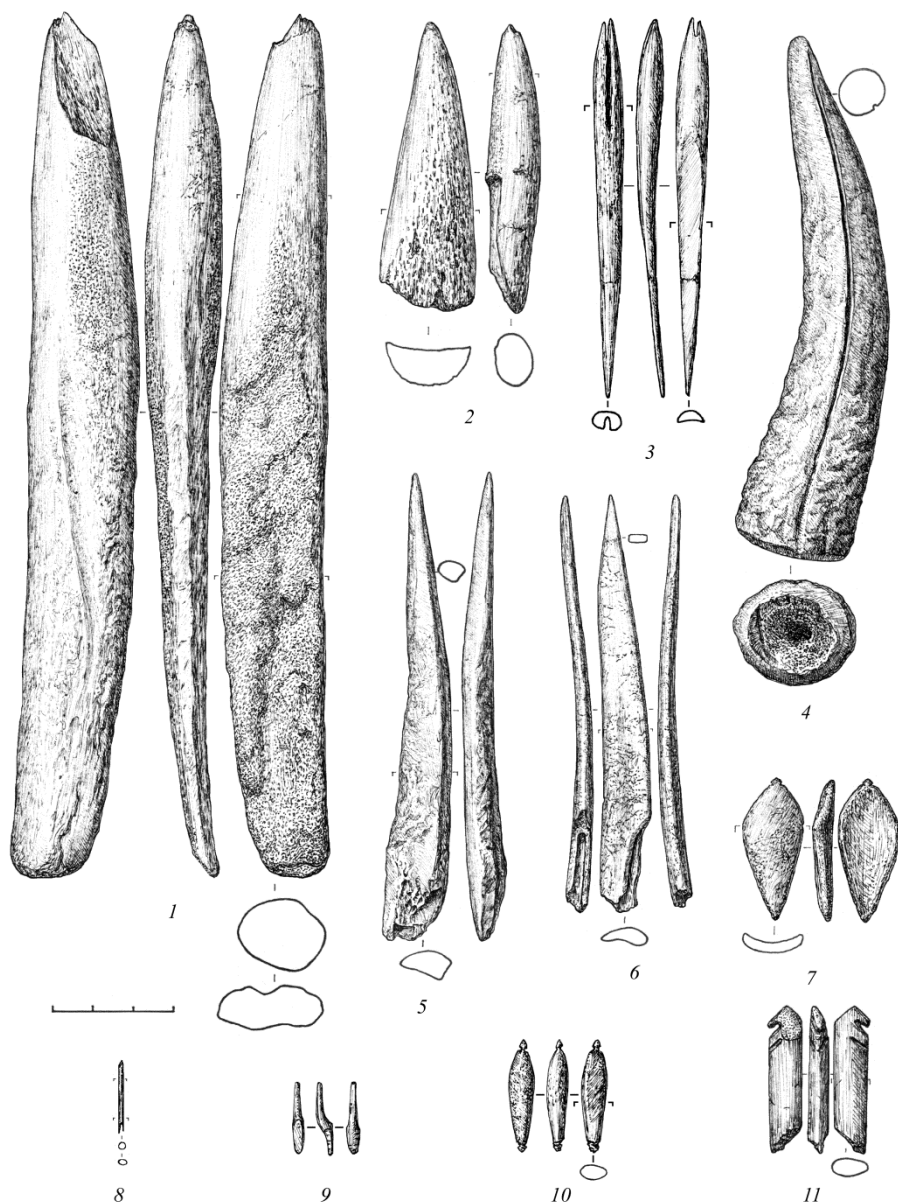

Рис. 1. Костяные и роговые орудия Пункта 1 (к. г. 2): 1, 2, 4 – роговые острия; 3 – стреловидная костяная обойма (по: Кузнецов и др. 2017: 209); 5, 6 – костяные острия; 7 – подвеска; 8 – иголка; 9, 10 – жальце и стерженек (по Кузнецов и др. 2020: 55); 11 – труднодиагностируемое изделие

Изделие № 2 представлено фрагментом мелкой кости длиной 39 мм. В поперечном сечении овальное. Диаметр – около 4 мм. С одной сторо-

ны срезано под углом около 30°, с другой – фиксируется плавное уплощение в той же плоскости. Возможно, изделие представляет собой вариант стерженька рыболовного крючка.

Кость со следами обработки представлена в основном мелкими фрагментами трубчатых костей длиной 50–80 мм со следами резки и шлифовки. Среди них выделяются два проксимальных фрагмента грифельных костей лося со следами шлифовки.

Остров Лиственичный Пункт 2 (к. г. 5). Коллекция костяных и роговых артефактов насчитывает 95 артефактов и состоит из 69 ед. изделий, 2 ед. обломков изделий и 24 ед. фрагментов кости со следами обработки.

Зубчатые наконечники зафиксированы в количестве 15 ед. Артефакты изготовлены из кости, представлены как целыми, так и фрагментированными изделиями с односторонним расположением зубцов. Их подробное описание и рисунки ранее публиковались в рамках исследований рыболовной активности раннеголоценового населения Северной Ангары (Роговской, Кузнецов 2013; Кузнецов и др. 2020).

Аналоги зубчатым наконечникам с асимметричной П- и М-образной боковой выемкой имеются в вышележащем неолитическом горизонте стоянки; они также фиксируются в среднеголоценовых горизонтах стоянки Усть-Хайта в Южном Приангарье (Роговской, Кузнецов 2013). Предположительно морфология проксимальной части наконечников несет кросс-культурный характер, исходя из того, что односторонние орудия с плоской базой и П-образной боковой выемкой имеют большее распространение в Европе, а точнее – в раннеголоценовых прибалтийских местонахождениях Кунда и Нарва-Рийгикюла (Янитс 1991), в льяловской культуре (около 6 тыс. некал. л. н.), в поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой (Крайнов 1991).

Отжимники (посредники) представлены в количестве 9 ед. Все изделия изготовлены из фрагментов рога копытных. По морфологии они подразделяются на цилиндрический и конический подтипы.

Цилиндрические отжимники (5 ед.).

Все артефакта имеют цилиндрическую, слегка изогнутую форму. Боковые поверхности обработаны продольным строганием и последующей шлифовкой. Рабочий конец плоский, в одном случае на нем фиксируется небольшое коническое углубление (см. рис. 2, 3). На одном изделие рабочий конец клиновидно уплощен (рис. 2, 6). На всех орудиях читаются идущие от рабочего конца негативы линейных плоских боковых сколов со ступенчатыми окончаниями. Они интерпретируются как следы зацепов орудий за каменный карниз нуклеусов (Жилин 2012: 227). Размеры подобных негативов – 3–15 мм. Противолежащий конец закруглен шлифовкой и заполирован. В двух случаях на нем фиксируются забитости (рис. 2, 4). Эти следы могут свидетельствовать об ис-

пользовании артефактов также в качестве посредников. Диаметр орудий – 25–30 мм, длина – 90–137 мм.

На двух артефактах негативов линейных сколов на них не зафиксировано. Рабочий конец на одном изделии (длина – 123 мм, диаметр – 32 мм) немного уплощен и обломан с одной стороны (рис. 2, 5). На другом (длина – 84 мм, диаметр – 30 мм) рабочий конец имеет конусообразное углубление. Эти изделия можно интерпретировать как орудия в стадии подновления либо крайней степени утилизации.

Конические отжимники (4 ед.).

Первый экземпляр имеет конусовидную форму и изготовлен на фрагменте естественно изогнутого рога (рис. 2, 2). На остром конце фиксируются следы редукции перпендикулярной продольной оси, придавшей дистальному участку рога реберчатый рельеф. Протяженность этого участка – 25 мм. Предположительно подобное переоформление было призвано предохранить рабочую часть орудия от образования линейных сколов. На противоположном конце фиксируется клинообразный паз, предположительно оформленный для упора деревянного костыля. Длина орудия – 126 мм, диаметр у проксимального конца – 30 мм.

На единственном орудии со следами утилизации они выражены в наличии забитости на узком конце и двух глубоких царапин на боковой поверхности, идущих от него (рис. 2, 1). Длина царапин – 11–24 мм.

Два конических отжимника имеют схожую морфологию и не несут следов утилизации (Роговской, Кузнецов 2014: 96). Они изготовлены из роговых отростков с тщательно зашлифованным и отполированным узким концом. Последний на всех экземплярах срезан, а затем обломан. Противолежащий конец не подвергался какой-либо модифицирующей обработке, кроме легкой шлифовки. Помимо этого, на узком конце одного из этих артефактов зафиксировано коническое углубление глубиной 24 мм и диаметром на входе 6 мм. Длина орудий – 208–220 мм.

Можно предположить, что тщательная шлифовка боковых поверхностей на рабочем конце была вызвана необходимостью укрепления рабочей части орудия. Втулка же на одном из экземпляров, наталкивает на мысль об использовании артефакта также в качестве посредника. Эти артефакты возможно интерпретировать и как рукоятя.

Роговые обоймы представлены в количестве 3 ед. Все орудия изготовлены на крупных частях оленьего рога. Первое выполнено на роговом стволе с отпиленными отростками (рис. 3, 4), второе – на надглазничном отростке с сохранившейся розеткой (рис. 3, 2), третье – на отростке, широкий конец которого соструган на клин (рис. 3, 3). Сохранены естественный изгиб и рельеф заготовок. Пазы во всех случаях расположены на выпуклой стороне медиального сегмента и в контуре имеют линзовидную форму. Глубина пазов – 3–5 мм, длина – 6–13 мм, ширина – 2–3 мм.

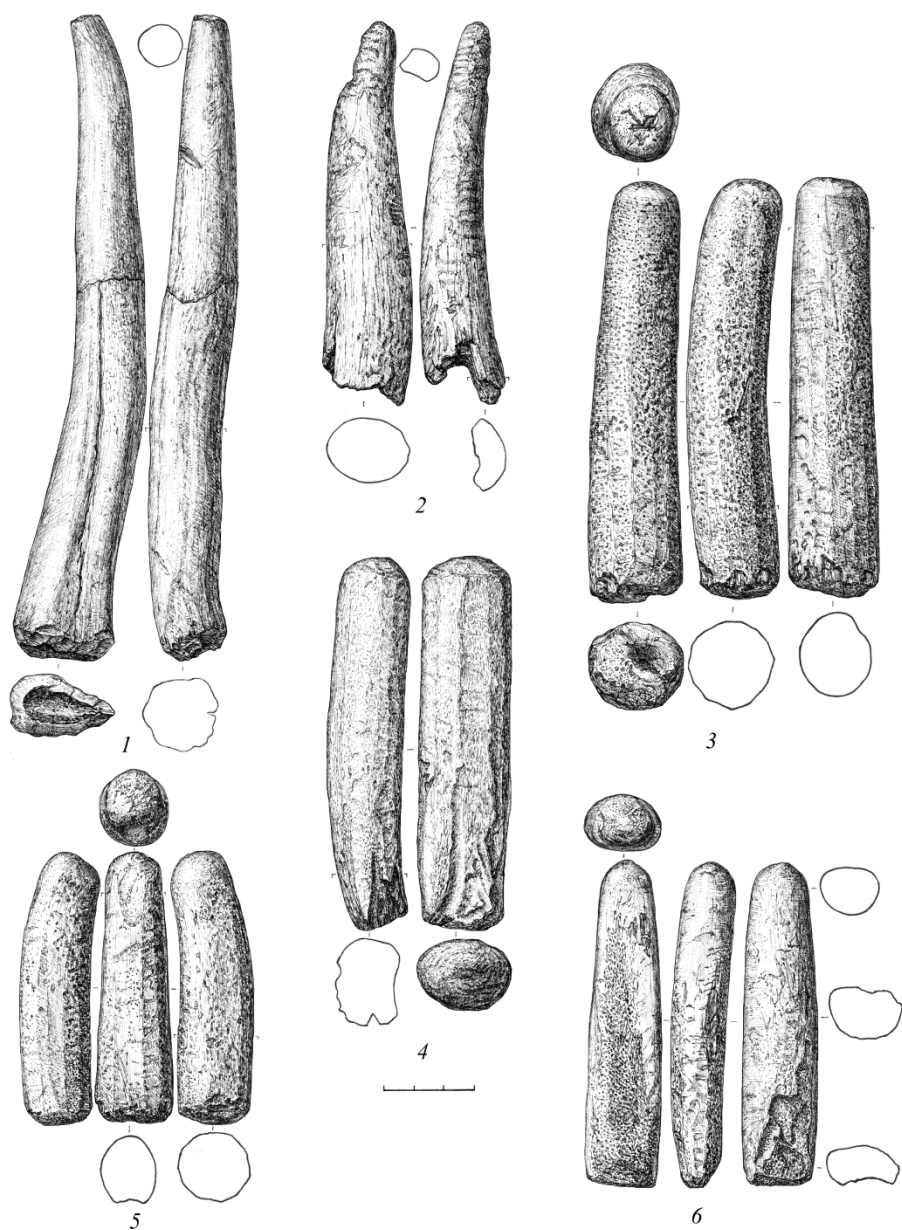

Рис. 2. Отжимники и посредники Пункта 2 (к. г. 5):
1, 2 – конические; 3–6 – цилиндрические

Противолежащая пазам боковая поверхность рога обработана шлифовкой. Длина изделий составляет от 200 до 300 мм. Метрическая дифференциация пазов может указывать на различное функциональное

назначение вкладышевых орудий. Так, изделие на надглазничном отростке могло быть режущим, а два других могли относиться к группе скобелей.

Втульчатое орудие представлено одним экземпляром (рис. 3, 1). Экземпляр представляет собой крупный, фрагментированный пилением и обломом ствол рога оленя с редуцированным боковым отростком, на котором выполнена втулка. На одном конце сохранилась необработанная роговая розетка. Участок слома бокового отростка заложен, несет негативы двух сколов и сохранившийся фрагмент округлого глухого отверстия. Длина изделия – 280 мм.

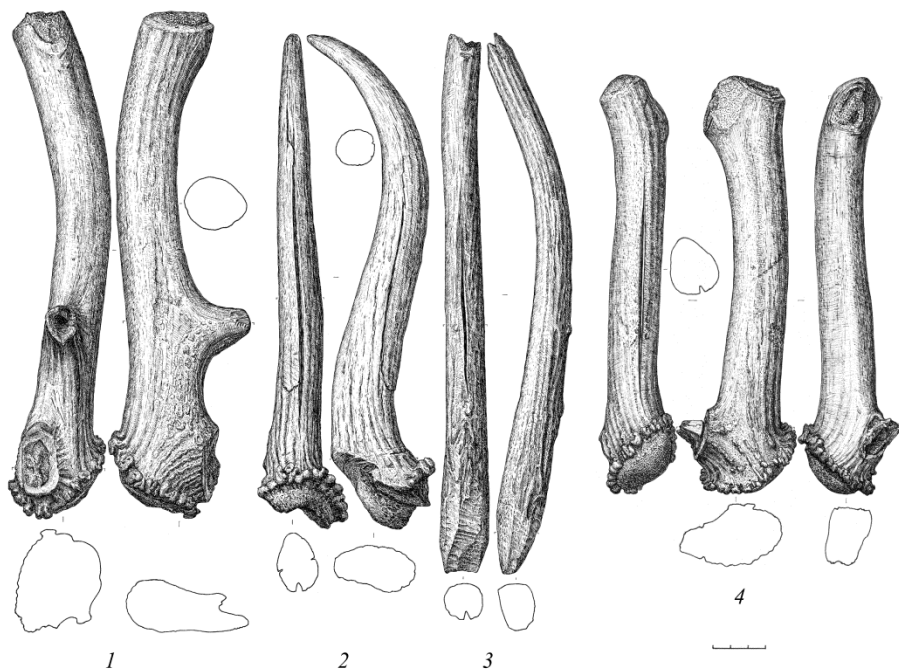

Рис. 3. Орудия из рога Пункта 2 (к. г. 5): 1 – втульчатое орудие; 3–6 – обоймы

Костяные обоймы представлены в количестве 2 ед.

Обойма № 1 выполнена на ребре млекопитающего, представлена медиальной частью. С двух сторон зашлифована. По сохранившимся ребрам можно судить, что орудие сужалось к дистальному концу. На одном из ребер изделия оформлен U-образный паз. Параллельно противоположному ребру на одной из сторон фиксируется неглубокая прочерченность, проходящая по всей длине фрагмента. Длина фрагмента – 132 мм, ширина – max 26 мм, толщина – max 7 мм, глубина паза – 5 мм, ширина паза – 3 мм.

Обойма № 2 также выполнено на ребре млекопитающего (см. рис. 4, 4). Представлена медиально-проксимальным фрагментированным апплицируемым сегментом. С двух сторон зашлифована. По сохранившимся ребрам можно судить, что орудие сужалось не только к дистальному концу, но и к проксимальному. Одно из ребер, на котором фиксируется V-образный паз, в проксимальном сегменте имеет более округлые очертания в поперечном сечении, нежели противоположащее. Длина фрагмента – 175 мм, ширина – max 16 мм, толщина – max 5,5 мм, глубина паза – 4 мм, ширина паза – 2 мм.

Рыбка-приманка зафиксирована в одном экземпляре. Она изготовлена из трубчатой кости крупного млекопитающего способом двусторонней шлифовки. Морфометрическое описание и рисунок артефакта ранее опубликованы (Кузнецов и др. 2020: 56). По классификации А.П. Окладникова, рыбка стилистически относится к «сигообразным» формам (Окладников 1936; Студзицкая 1976). Ближайшие аналогии можно найти в погребальном инвентаре неолитических могильников Южного Приангарья (Окладников 1950).

Стержень составного рыболовного крючка зафиксирован в одном экземпляре. Он представляет собой круглый в сечении, слегка изогнутый костяной цилиндр с неглубоким пазом на латерали дистального сегмента. Морфометрическое описание и рисунок также ранее опубликованы (Кузнецов и др. 2020: 56).

Игольник представлен одним экземпляром (рис. 4, 8). Заготовкой служила полая птичья кость диаметром 12 мм, фрагментированная в поперечном сечении. Внешняя поверхность зашлифована, на нее нанесен геометрический орнамент в виде обособленной группы из 26 «пучков», представляющих собой расходящиеся из одной точки 2–4 короткие линии. На противоположном краю нанесен такой же орнамент из 14 «пучков» (сохранилась только нижняя часть). Кроме того, там расположена еще одна группа изображений: «крестик» и «ромб». Длина фрагмента – 74,5 мм. Изделия с подобным орнаментом, представленным группами «пучков», фиксируются в раннеолитических могильниках китойской погребальной традиции (Прокина 1988: 98).

По классификации стилей А. Леруа-Гурана подобный орнамент относится к группе линейных изображений, имеющих в основе мужское начало, и фиксируется в наскальной живописи с позднего палеолита (пещера Ласко, Альтамира и др.) (Marshack 1972: 198–199). Следуя традиции соотнесения абстрактных изображений с реальными сюжетами, можно увидеть в изображении схематизацию жилищных конструкций конусообразной формы или же повторение растительного покрова местности. Однако невозможность подлинной расшифровки нефигуративных узоров оставляет эти догадки в ранге фантазий.

Пуговица зафиксирована в одном экземпляре (рис. 4, 7). Выделение подобного типа изделий основано на многочисленных верхнепалеолитических аналогиях со стоянок европейской части Евразии (Костенки 4, Хохл Фелс, Грот Спи и др.) (Хлопачев 2011). Заготовкой послужил фрагмент кости с губчатой массой. Форма изделия – вытянутый эллипсоид с односторонне оформленным перехватом. В медиальной части, где оформлен перехват, изделие имеет треугольное сечение. Длина изделия – 30 мм; толщина в дистальной и проксимальной части – 8–9 мм, в медиальной – 6 мм.

Кинжалы представлены в количестве 2 ед. Название типа связано с симметричной заостренной формой изделий. Предположительно их использовали в качестве наконечников копий, дротиков, либо, в случае кинжала № 1, ложила (исходя из скругленного контура острия).

Кинжал № 1 изготовлен на метаподии млекопитающего (рис. 4, 1). Поверхности изделия шлифованные и полированные. Клинок прямой, обоюдоострый. Острие слегка скруглено и уплощено. В проксимальной части имеется продолговатое сквозное отверстие, от которого по одному фасу изделия начинается желоб, прослеживающийся почти до самого острия. Это продольное углубление является рудиментом первоначальной заготовки – трубчатой кости. Противолежащий фас клинка плоский, фрагментарно фиксируется губчатое вещество. Проксимальный конец прямой, немного скошенный от продольной оси. Угол схождения фасов по боковым граням сохраняет параметры первоначальной заготовки и составляет 60°. Размеры изделия 315×32×7 мм. Аналогичное изделие обнаружено в неолитическом погребении на стоянке Окуневка в Северном Приангарье (Батура, Глушенко 2010).

Кинжал № 2 также имеет прямой обоюдоострый клинок (рис. 4, 2). Острие прямое, симметричное, с углом заострения около 30°. Наиболее интенсивная заточка фиксируется в дистальной части. Вся поверхность изделия зашлифована и заполирована. Края кинжала постепенно сужаются к экстремальным точкам. Угол схождения фасов по боковым граням имеет такие же параметры, как первое изделие. Размеры изделия – 13×13×4 мм.

Роговые пластины представлены в количестве 2 ед. Функционал изделий неясен, возможно, их использование в качестве ретушеров, скребков, заготовок.

Пластина № 1 – вогнутая в профиле и треугольная в контуре (рис. 4, 9). На выпуклом фасе следы грубой шлифовки, местами сохранилась естественная поверхность. Основание треугольника подготовлено посредством среза под углом 30° к выпуклой поверхности пластины. Выщербины края основания свидетельствуют об определенной степени утилизации. Длина изделия – 110 мм, толщина – 5 мм, ширина основания – 33 мм.

Пластина № 2 – вогнутая в профиле и прямоугольная в контуре (рис. 4, 10). Фасы оформлены строганием и последующей двухсторонней шлифовкой. С одной из узких сторон фиксируется срез с выпуклой стороны под углом 35°, посредством чего ребро уплощено. На ней имеются следы выщербленности, на противоположной стороне – негатив линейного скола. Размеры изделия – 122×23×5 мм.

Шило зафиксировано в одном экземпляре (рис. 4, 3). Орудие законченное, нефраgmentированное. Представляет собой овальный в сечении костяной стержень с асимметрично заостренной дистальной частью. Обработано посредством тщательной шлифовки. Проксимальный конец ровно срезан. Длина изделия – 55 мм, диаметр – 5 мм. Изделие отнесено к функциональному типу, исходя из укороченных пропорций и асимметричного острия. Подобного рода изделия фигурируют в костяном наборе мадленских стоянок Франции. Как показывают эксперименты по изготовлению внешнего полога для чума, именно такая толщина орудия достаточна для того, чтобы проткнуть оленью шкуру, но не сломаться посередине (Jourdan, Leroy, 1987).

Изделие с «носиком» представлены 2 ед. Основанием для выделения типа послужила серийность в исполнении конструктивного дистального элемента. Оба изделия фрагментированы. Изготовлены из фрагментов трубчатых костей. «Носик» выполнен посредством плавного уплощения дистального фрагмента до немного изогнутого контура. Его длина на первом экземпляре составляет 7 мм (рис. 4, 6), на втором, фрагментированном – 5 мм (рис. 4, 5). Длина фрагментов – 27 и 50 мм соответственно. Функциональная спецификация подобных орудий, предположительно, имела отношения к плетению.

Острия из рога представлены двумя экземплярами.

Острие № 1 имеет законченную форму, не фрагментировано (см. рис. 5, 1). Один конец его приострен и зашлифован. Приострение асимметричное, так как одна из сторон в этой зоне имеет плоскую поверхность. Со стороны острия по плоской поверхности фиксируется негатив скола. Размеры – 210×27×17 мм. Аналогично острию из рога с Пункта 1. Возможно использование орудия, судя по морфологии, в качестве ложила. Типологически близкие орудия также интерпретируются как стамески или клины (Жилин 2001).

Острие № 2 представлено немного изогнутым приостренным фрагментом. Выполнено на роговой пластине. Дистальный конец затуплен утилизацией. На одной из граней фиксируются следы резки роговой заготовки. Длина фрагмента – 69 мм, ширина – max 15 мм, толщина – 8 мм.

Острия из кости представлены в количестве 2 ед.

Острие № 1 изготовлено на грифельной кости лося (рис. 5, 2). Заострение целого орудия выполнено под углом 60°, в отличие от остальных

аналогов из кости и рога, угол заострения которых ближе к 30° . Длина целого изделия – 105 мм, толщина – 6 мм.

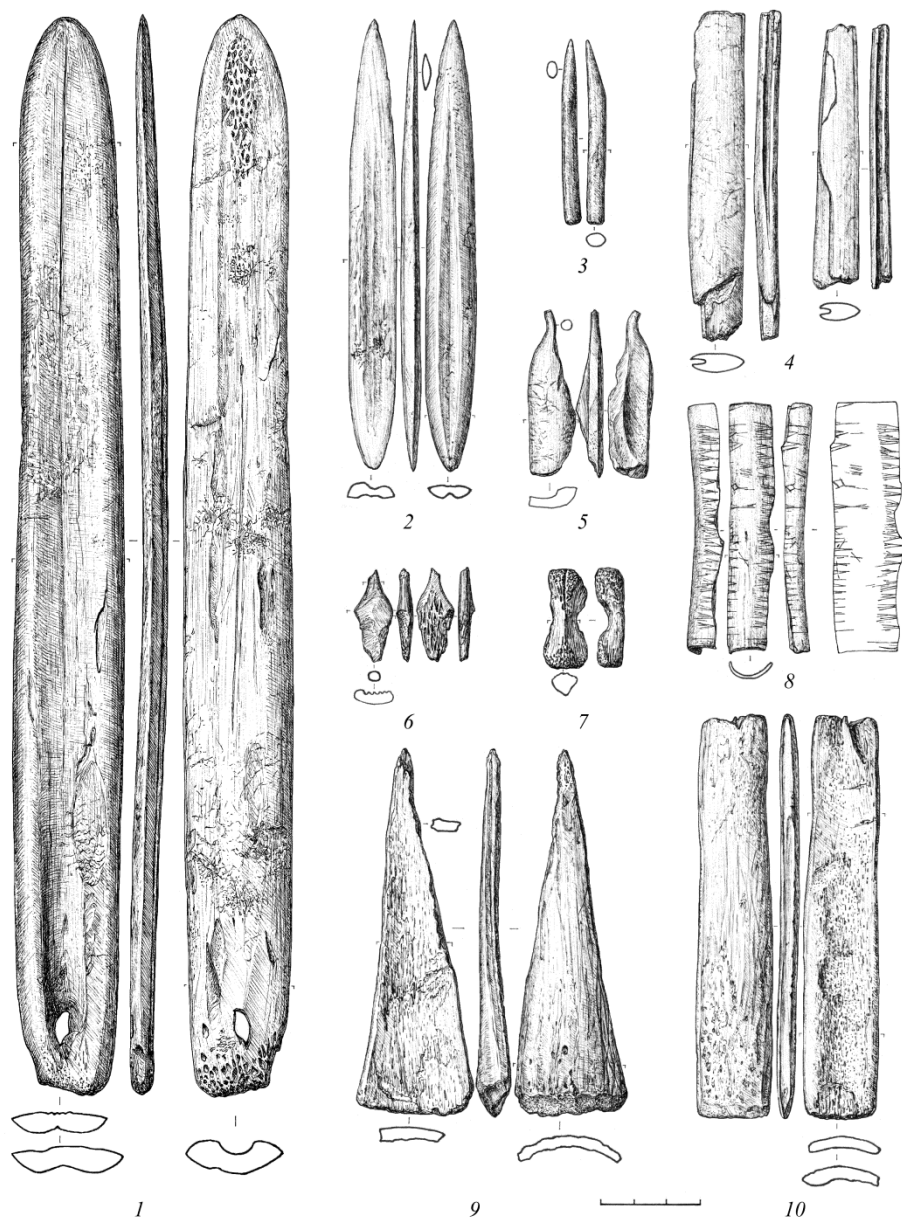

Рис. 4. Орудия из кости и рога Пункта 2 (к. г. 5): 1, 2 – кинжалы; 3 – шило;
4 – обойма; 5, 6 – орудия с «носиком»; 7 – пуговица; 8 – игольник;
9, 10 – роговые пластины

Острие № 2 представлено дистальной частью (рис. 5, 3). Изготовлено на фрагменте трубчатой кости. Симметрично приострено шлифовкой. Самый кончик фрагмента обломан. Длина – 50 мм, ширина – 10 мм, толщина – 4 мм.

Игольчатые наконечники в количестве 2 ед. выполнены на фрагментах трубчатых костей (рис. 5, 4, 5). Дистальная часть изделий в профиле округлая. Медиальный и проксимальный сегменты в профиле подовальные или подпрямоугольные. На противоположном острию конце изделий выполнены скосы, что может рассматриваться в качестве специально подготовленных насадов. Размеры – 90×7 мм; 77×6 мм.

Стек представлен одним экземпляром (рис. 5, 6). Тип выделен согласно уникальной форме дистального сегмента, указывающей на функциональную спецификацию изделия. Орудие представляет собой костяной стержень, в сечении асимметричный, подовальный. Дистальная часть уплощена шлифовкой на скошенный асимметричный клин. Проксимальный конец обломан. Длина изделия – 124 мм, диаметр – 6–7 мм. Область применения предположительно касалась тиснения кожаных изделий. Другой версией является то, что это орудие внедрено в раннеголоценовый горизонт из вышележащего неолитического слоя и несет функцию декорирования керамических сосудов.

Труднодиагностируемое изделие зафиксировано в одном экземпляре (рис. 5, 10). Представляет собой треугольный в профиле конусовидный фрагмент кости. На одной из широких граней фиксируются три неглубоких запила. Ширина запилов – от 4 до 7 мм, глубина – 2,5 мм. Морфология изделия ассоциируется с зоной крепления рыболовных орудий с мезолитических местонахождений Восточной Европы (Жилин 2014: 15). Другой версией можно назвать использование первоначального нефраgmentированного изделия в качестве подвески, аналогичной костяным украшениям культуры веретъе на Севере Европейской России (Ошибкина 2017: 115–117).

Изделия на клыках и когтях медведя представлены 2 ед. Клык несет следы шлифовки на выпуклой стороне (рис. 5, 9). Режущий конец обломан, от него по боковой поверхности фиксируются негативы ступенчатых линейных сколов. Длина – 48 мм. Изделие на когте представляет собой уплощенную шлифовкой половину расщепленного повдоль когтя (рис. 5, 7). Режущий кончик когтя также обломан. Длина – 61 мм, толщина – 5 мм. Этот экземпляр может интерпретироваться как приманка для рыбы. Подобное применение медвежьих клыков упоминается А.П. Окладниковым при этнографических описаниях рыбной ловли на Северо-Американском континенте (Окладников 1950: 257).

Изделие из бивня мамонта зафиксировано в одном экземпляре (рис. 5, 8). Представляет собой небольшой слабоизогнутый костяной цилиндр. Один конец обломан. Длина – 32 мм, диаметр – 6 мм. Воз-

можно, он выступал в качестве вставной части на рабочем конце посредника. Это предположение подкрепляется физическими свойствами бивня, более прочного материала по сравнению с рогом и костью.

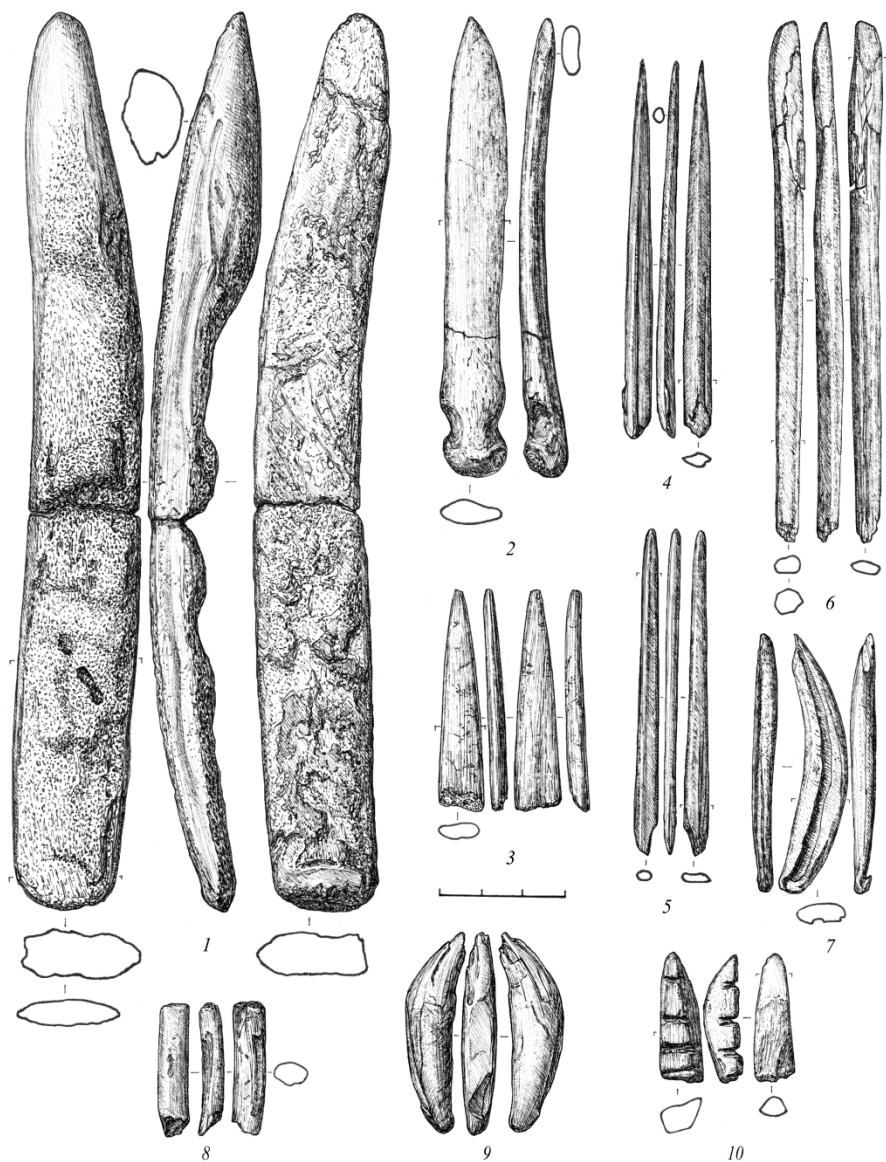

Рис. 5. Орудия из кости и рога Пункта 2 (к. г. 5): 1–3 – острия; 4, 5 – игольчатые наконечники; 6 – стек; 7, 9 – изделия на клыках и когтях; 8 – изделие из бивня; 10 – труднодиагностируемое изделие

Проколка зафиксирована в одном экземпляре (см. рис. 6, 4). Тип выделен по присутствию в археологических коллекциях Байкальской Сибири подобных изделий (персональное сообщение канд. ист. наук О.И. Горюновой). Она представляет собой симметрично сужающийся на клин фрагмент трубчатой кости. Длина фрагмента – 122 мм, ширина – тах 25 мм.

Орудия на трубчатых костях представлены в количестве 3 ед. Заготовками послужили расщепленные повдоль трубчатые кости с остатками эпифиза. Характерной чертой этой категории является шлифованная обработка внешней поверхности кости и наличие аккомодации, выраженной в залощенности и полировке, на проксимальном конце, в зоне эпифиза. Боковые края орудий частично обработаны ретушью и крупными сколами.

На двух орудиях длиной 111 и 190 мм дистальная часть обломана (рис. 6, 3). На единственном целом экземпляре дистал представлен залощенным уплощенным овальным острием (рис. 6, 1). Длина – 186 мм. Орудие можно отнести к клинам либо ложилам согласно восточноевропейскому мезолитическому тип-листу (Жилин 2001). Аналоги орудий задокументированы в китайском неолитическом могильнике Усть-Белая (Георгиевская 1989).

Орудия на роговых сегментах представлены 2 ед. Первое орудие выполнено на фрагменте естественно уплощенного рогового отростка лося. Дистальный конец имеет следы сработанности и из-за этого затуплен. Длина фрагмента – 205 мм. Второе представляет собой фрагмент рога с отбитым куском черепной коробки копытного (рис. 6, 2). Короткое острие конусообразно заострено грубой обработкой. Длина острия – 120 мм, диаметр – 44 мм.

Изделия на роговых розетках зафиксированы в двух экземплярах. Функциональная специфика не определена.

Изделие № 1 представляет собой асимметричный оваллоид с уплощенными шлифовкой и рубкой гранями (см. рис. 7, 1). С одной стороны естественная шероховатая поверхность розетки несет следы сглаженности, возможно, утилизации. Параметры изделия – 69×58×61 мм.

Изделие № 2 имеет неправильную форму (рис. 7, 2). Одна часть имеет овальные очертания, другая часть уплощена. На медиальной части вырезан перехват. Параметры изделия – 65*36*39 мм.

Роговые скребки представлены в количестве 3 ед. Тип выделен согласно характеру заготовок, представляющих собой фрагменты расчлененных розеток рогов копытных, грубым пропорциям и углу заострения рабочей части в 60–70°, оформленному рубящим воздействием.

Два орудия имеют контур прямоугольного треугольника (рис. 7, 4, 5). Лезвия прямые, длиной 45 и 67 мм, оформленные на противоположной прямому углу стороне.

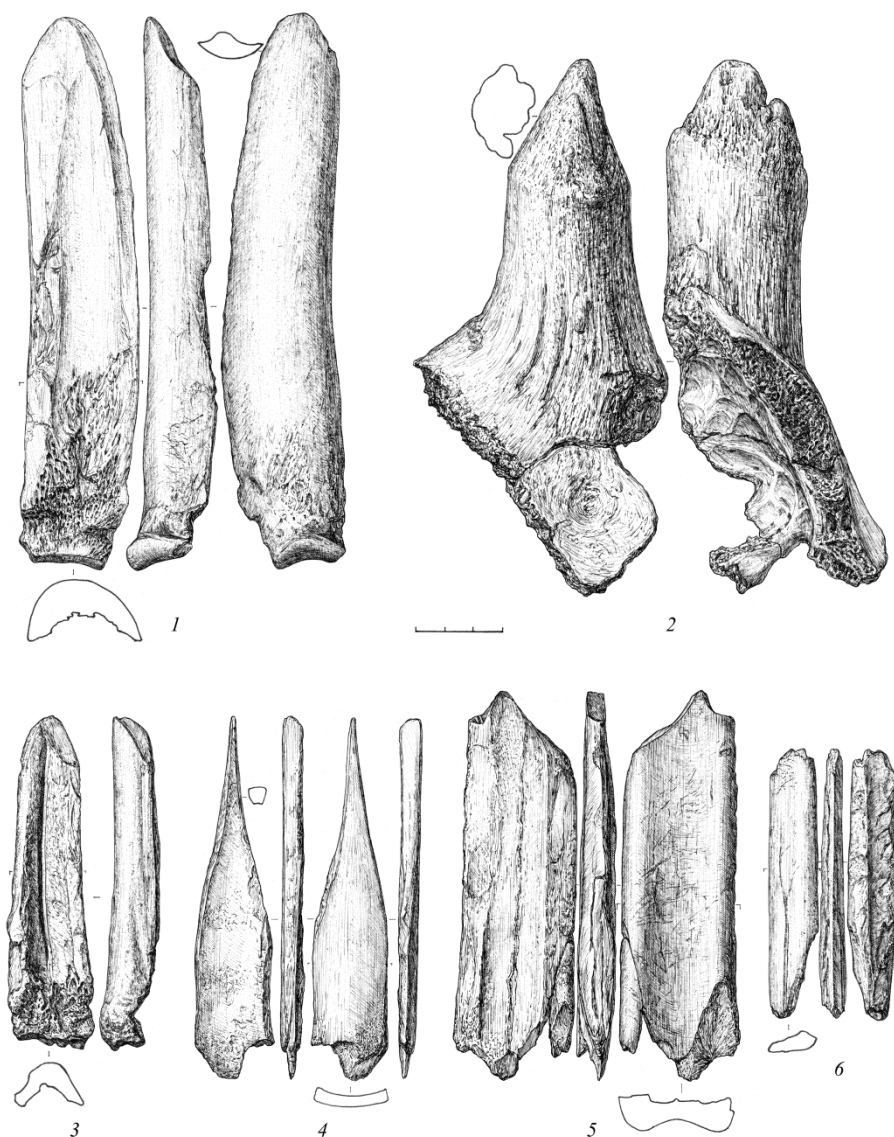

Рис. 6. Орудия из кости и рога Пункта 2 (к. г. 5): 1, 3 – орудия на трубчатых костях; 2 – орудие на роговом сегменте; 4 – проколка; 5, 6 – кость с ретушью

Третье орудие изготовлено на половине роговой розетки (рис. 7, 3). Рабочая часть в плане имеет контур тупоугольного клина. Губчатая масса частично выбрана. Ширина лезвия – 63 мм. Возможно, изделие находится в стадии оформления.

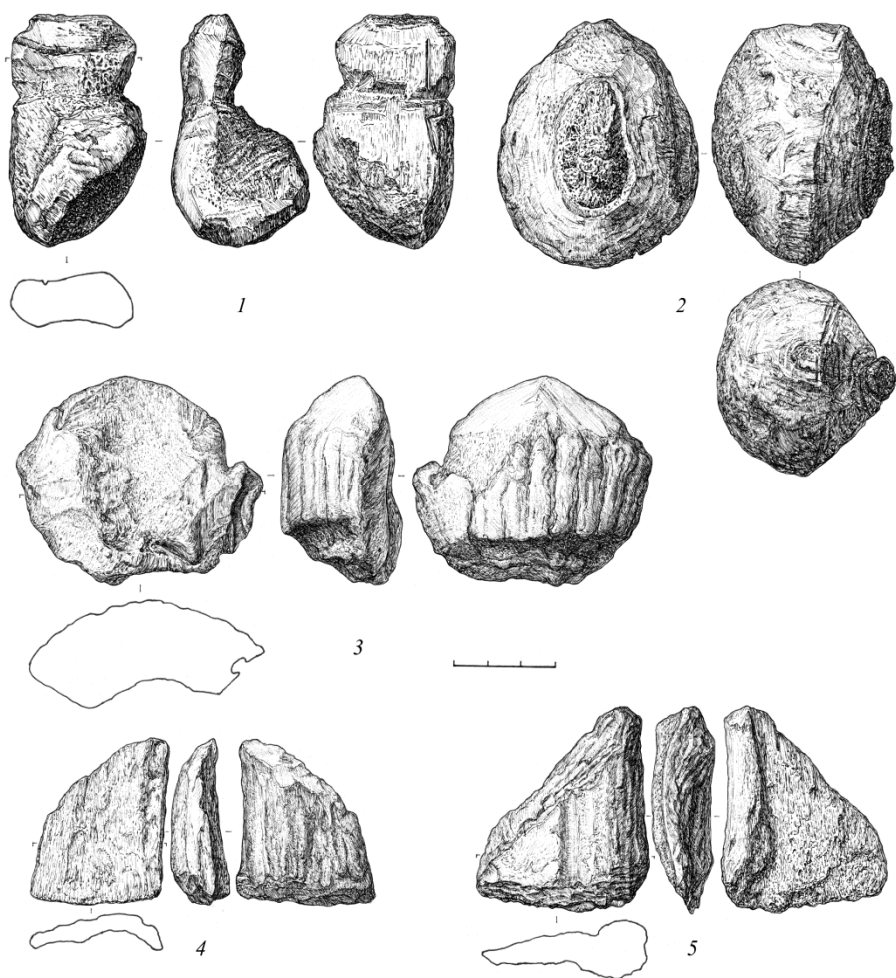

Рис. 7. Орудия из кости и рога Пункта 2 (к. г. 5): 1, 2 – изделия на роговых розетках; 3–5 – роговые скребки

Орудия на метаподиях косули представлены 3 ед. Они являют собой распиленные повдоль метаподии (см. рис. 8, 2). Следы продольного распила видны четко. У всех предметов отсутствует эпифиз, на его месте фиксируется слом. В археологической литературе изделия подобного рода интерпретируются как струги (Жилин 2001). Возможно, зафиксированные орудия находятся в стадии заготовки. Также подобные артефакты нередко встречаются в погребальных комплексах неолита – бронзового века Южного Приангарья (Клементьев и др. 2017).

Орудия на рогах косули представлены 3 ед. Они имеют сильную естественную кривизну и сохранившуюся розетку. Дистальный острый

сегмент двух экземпляров пришлифован (Роговской, Кузнецов 2014: 87). На одном дистальный кончик обломан, другое представлено проксимальным сегментом со следами продольной резки (рис. 8, 1).

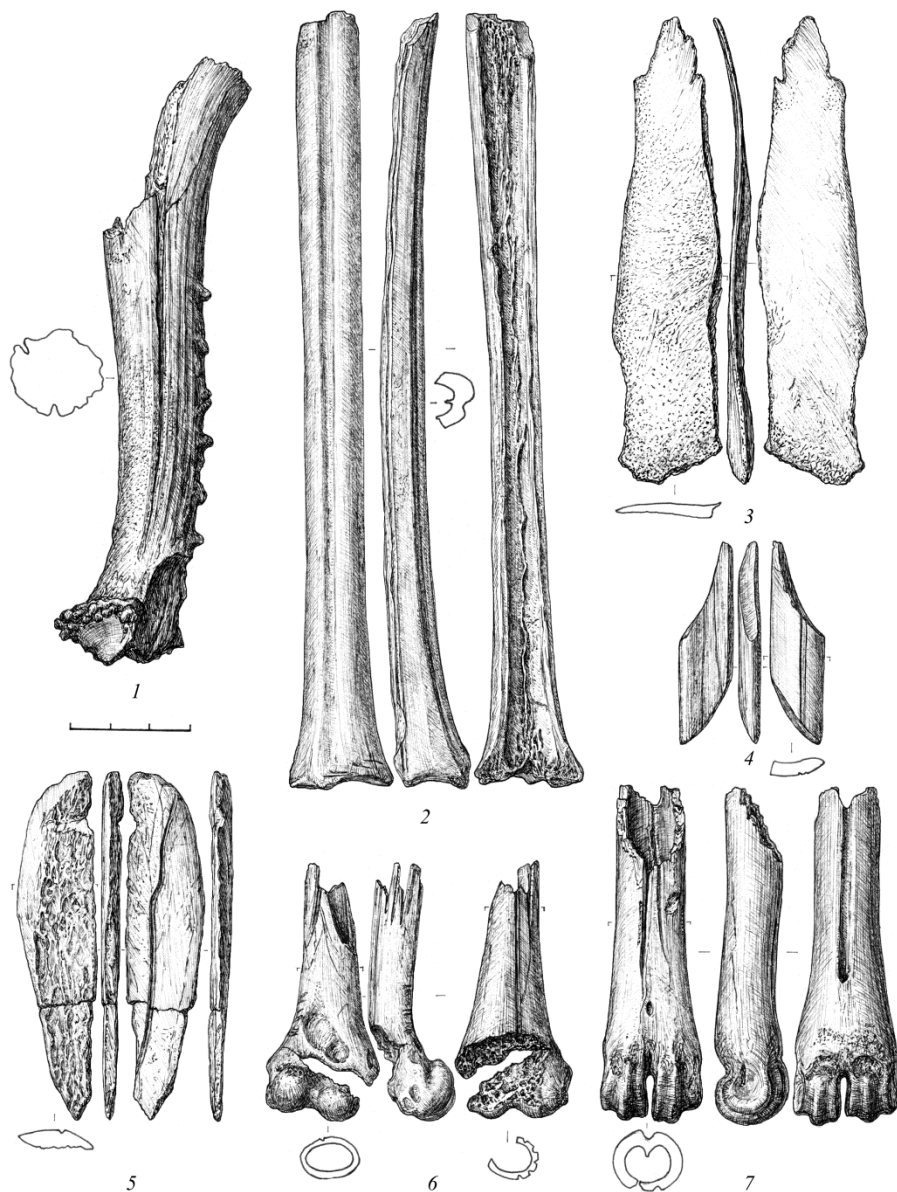

Рис. 8. Орудия из кости и рога Пункта 2 (к. г. 5): 1 – орудие на роге; 2 – орудие на метаподии; 3–7 – кость со следами обработки

Кость и рог со следами обработки насчитывает 24 ед. Они несут следы фрагментарной шлифовки, резки и ретуши (см. рис. 8, 3–7). Из них можно выделить два фрагмента кости удлинённых пропорций, несущих на боковой поверхности следы ретуши (см. рис. 6, 5, 6), а также фрагмент трубчатой кости с вырезанной М-образной выемкой. Ширина выемки – 20 мм.

Технология и организация производства

Анализ макротрасологических следов на орудиях свидетельствует о том, что органическое сырьё активно подвергалось процессам раскрытия. Кость и рог использовались примерно в равных пропорциях. Для костяных заготовок, исходя из размеров костяных орудий (кинжал, зубчатый наконечник), отбирались прямые трубчатые кости метаподий крупных копытных. Первоначально производились продольные запилы с боковых поверхностей диафиза (рис. 8, 6, 7), затем ударным воздействием кость раскалывалась продольно на две половины (дорсальную и волярную) и отламывался эпифиз (Клементьев и др. 2017: 90). Выравнивание плоскости полученных заготовок производилось ретушированием краёв (рис. 6, 5, 6) и абразивным шлифованием (рис. 8, 4). Для изготовления орудий также использовались целые кости скелета с минимальной модификацией (клыки и когти медведя, грифельные кости лося). Сырьё для производства орудий из рога, судя по структуре материала, собиралось после их сброса (90). В основном использовались рога оленьих. Для получения роговых пластин использовалась пазово-резцовая техника – вырезание двух тонких длинных канавок с последующим расклиниванием рога и выборкой губчатой массы. Об этом свидетельствуют прямые контуры роговых пластин (рис. 4, 9, 10), следы на роге (рис. 8, 1). Рога предварительно высушивались – плоскость разлома имеет неровную поверхность, угол ее схождения с внешней поверхностью заготовки близок к 90° (Baumann, Maury 2013: 602). Также фиксируется техники стругания поверхности целых роговых сегментов, на что указывает форма поперечного сечения одного из отжимников (рис. 2, 4), полной или частичной шлифовки (рис. 2, 1).

Как видно из представленного анализа морфометрических особенностей артефактов из кости и рога, состав костяного инвентаря подтверждает картину разнообразной деятельности на стоянках Острова Лиственичный, включающей рыболовный промысел (зубчатые наконечники, рыба-приманка, составные крючки), охоту (игольчатые наконечники, стреловидные обоймы, острия из рога и кости), обработку шкур (скребки из рога, роговые обоймы, ложило), шитьё (игольник, иголка, шило, пуговица), камнеобработку (отжимники и посредники), сферу искусства (подвеска). Часть артефактов (n = 26) зафиксирована

на Пункте 2 в составе двух структурированных скоплений – депозитов (Роговской, Кузнецов 2014).

Орудия из кости и рога Острова Лиственичный

Категория инвентаря		Остров Лиственичный Пункт 1 (к. г. 2А, 2Б), ед.	Остров Лиственичный Пункт 2 (к. г. 5), ед.
Зубчатый наконечник		–	15
Игольчатый наконечник		–	2
Рыбка-приманка		–	1
Отжимник	<i>Цилиндрический</i>	–	5
	<i>Конический</i>	–	4
Острие	<i>Из рога</i>	3	2
	<i>Из кости</i>	2	2
Стержень рыб. Крючка		1	1
Жальце рыб. Крючка		1	–
Подвеска		1	–
Игольник		–	1
Иголка		1	–
«Стек»		–	1
Проколка		–	1
Шило		–	1
Пуговица		–	1
Кинжал		–	2
Обоймы	<i>Костяные</i>	–	2
	<i>Роговые</i>	–	3
	<i>Стреловидные</i>	4	-
Пластины из рога		–	2
Скрепки из рога		–	3
Орудие на роговом сегменте		–	2
Изделие на роговой розетке		–	2
Втульчатое орудие		–	1
Изделие с «носком»		–	2
Орудие на роге косули		–	3
Орудие на метаподии косули		–	3
Изделие на клыке/когте медведя		–	2
Изделие на бивне мамонта		–	1
Орудие на трубчатой кости		–	3
Труднодиагностируемое орудие/изделие		2	1
Кость/рог со следами обработки		8	24
Обломки орудий (недиагностируемые)		6	2
Итого		29	95

На обоих пунктах наблюдается сравнительное разнообразие орудий. Однако распределены они неравнозначно (см. таблицу). Доступность ресурса предположительно играет в этом ведущую роль. Если относительно крупные орудия (более 200 мм в длину) представлены на Пунк-

те 1 в единичном экземпляре (роговое острие), то на Пункте 2 они составляют крупные серии (роговые обоймы, зубчатый наконечник, заготовки), в том числе в составе орудийно-сырьевых депозитов. Так как площадь Острова Лиственичный составляла около 1,2 тыс. м² и учитывая то, что заготовками изделий зачастую служили сброшенные рога, можно оценить органический ресурс как дефицитный, ограниченный в рамках острова. В таком случае неравнозначность в орудийных наборах костяных и роговых изделий на разных пунктах Острова Лиственичный укладываются в логику организации стоянок. На базовом лагере происходила отсортировка заготовок, их дальнейшая обработка, производство различных по функциям и метрическим параметрам изделий, создавались запасы органического сырья в виде депозитов, в то время как на рыболовной стоянке производственный цикл ограничивался изготовлением и подправкой преимущественно мелких орудий. Последнее положение доказывают метрические параметры изделий на Пункте 1 и наличие там орудийного депозита, состоящего из абразивов и отбойников (Kuznetsov et al. 2022). Разницей в организации стоянок, таким образом, можно объяснить и то, что практически все орудия из кости и рога для производственной и хозяйственно-бытовой активности сосредоточены на Пункте 2, базовом лагере.

Модель «базовый лагерь – логистическая (рыболовная) стоянка» также объясняет несоответствие орудийного набора Пункта 1 количеству ихтиофауны на этой стоянке – 50,8–50,9% от общего количества костных остатков против 4,5% на Пункте 2, хотя именно на последнем зафиксирован серийный рыболовный инвентарь (Кузнецов и др. 2020). В рамках модели такие сложносоставные орудия, как зубчатые наконечники, требующие целого цикла производственных операций (раскрой кости, оформление преформы, вырезание зубцов и стопор-линя, выравнивание поверхности), не могли производиться на месте, особенно если учитывать скоротечность актов рыболовного промысла, ограниченного суточными биологическими ритмами рыбы. Следует отметить, что предлагаемая модель не предполагает абсолютной хронологической синхронности стоянок. Вместо этого она содержит два, возможно, дифференцированных по времени, но связанных по организации элемента.

Заключение

Проведенный анализ костяного и рогового инвентаря, насчитывающего в совокупности 124 артефакта, позволяет сделать следующие выводы. Различия в наборе территориально и хронологически близких стоянок Острова Лиственичный основано на организации орудийного производства. Технология изготовления орудий включает в себя такие

техники, как раскалывание (прямой удар), ретуширование, расклинивание, шлифование, вырезание пазов. Сырьевой базой служили как скелетные остатки добычи (лось, косуля, медведь), так и подъемные сборы (рога), в том числе ископаемые (бивень).

Типология орудийного набора из органических материалов раннеголоценовых горизонтов Острова Лиственичный имеет связь, в первую очередь, с инвентарем околосинхронных по возрасту ранненеолитических китойских могильников Южного Приангарья. Однако напрямую связывать культурные традиции через морфологию типов орудий из органических материалов ошибочно (Сорокин 2014). На Острове Лиственичный не обнаружено таких маркеров китойского комплекса, как подвески из зубов маралов, украшения из клыков кабана, стерженьков китойского типа, характерных форм гарпунов (Георгиевская 1989). Параллели в морфологии определенных типов объясняются скорее уникальным феноменом складирования и сохранности органического инвентаря на острове, объединяющим его с закрытыми комплексами китойских могильников. Такое разнообразие и количество орудий из кости и рога пока не зафиксировано ни в одном голоценовом стояночном комплексе Байкальской Сибири. Полных аналогов изделий на роговых розетках, стреловидных костяных обойм и вышеописанных труднодиагностируемых орудий авторам обнаружить не удалось. Другие выделенные типы связаны как с финальноплейстоценовыми, так и с ранне-, среднеголоценовыми местонахождениями обширного круга культур, начиная от соседних североангарских территорий и заканчивая лесной зоной Европы. Последнее обстоятельство объясняется уже упомянутой общей морфологией заготовок на скелетных компонентах. Фаунистический комплекс бореальной зоны Евразии, практически единый по видовому составу, предположительно обеспечил конвергентный характер эволюции типов костяных и роговых орудий на этой территории.

Список источников

- Базалийский В.И., Песков С.А., Щетников А.А., Тютрин А.А. Ранненеолитический могильник Моты – Новая Шаманка в долине р. Иркут // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 40–72.
- Батура Т.В., Глушенко М.А. Неолитическое погребение с признаками кремации на стоянке Окуневка // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: тез. докладов / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 2010. С. 121–123.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / отв. ред. А.В. Табаров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988.
- Волосова Е.Б. О проблемах познавательной специфики археологии // Методы и методология археологических реконструкций: сб. статей / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.П. Холушкин. Новосибирск, 1994. С. 4–10.

- Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989.
- Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // Советская археология. 1958. Вып. 3. С. 28–52.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: URSS, 2001.
- Жилин М.Г. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2012. Вып. 227. С. 223–232.
- Жилин М.Г. Состав улова, орудия промысла и роль рыболовства в хозяйстве мезолитического населения Волго-Окского междуречья // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века: сб. ст. / отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 112–127.
- Клементьев А.М., Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.
- Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла: сб. статей / под ред. Н.Н. Гуриной. Л.: Наука, 1991. С. 129–152.
- Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 180–191.
- Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14 (4). С. 23–41.
- Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Новосельцева В.М. Рыболовство в системе жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья в раннем голоцене (по материалам многослойных памятников в низовьях Ангары) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. С. 52–60.
- Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Таракановский С.П. Вкладышевые наконечники стрел из раннеголоценового культурного слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 207–214.
- Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов: сб. статей / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1971.
- Окладников А.П. Каменные рыбы (к изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. Вып. 1. С. 215–244.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование (МИА, № 18). М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Окладников А.П. Палеолитические женские статуэтки Бурети // Палеолит и неолит СССР (МИА, № 4): сб. статей / под ред. А.П. Окладникова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 281–288.
- Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН, 2017.
- Проклина Т.В. Могильник Усть-Ида I на р. Ангаре // Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию А.П. Окладникова): тез. докладов / отв. ред. И.И. Кириллов. Чита: ЧГПИ, 1988. С. 97–98.
- Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.
- Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. Т. 1 (2). С. 102–115.

- Роговской Е.О., Кузнецов А.М., Попов А.А. Местонахождение Остров Лиственичный в общих проблемах ангарского неолитоведения // *Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. 2012. Вып. 1. С. 171–177.
- Савченко С.Н. Костяная индустрия мезолитических стоянок Горбуновского торфяника в контексте мезолита Урала и Восточной Европы // *Краткие сообщения Института археологии*. 2017. Вып. 246. С. 214–229.
- Сорокин А.Н. К вопросу о специфике костяных и роговых орудий в качестве археологических источников // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2014. Т. 7. С. 37–53.
- Студзицкая С.В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // *Из истории Сибири*. 1976. Вып. 21. С. 74–89.
- Хлопачев Г.А. Украшения и предметы вооружения из бивня мамонта палеолитической стоянки Спи (Бельгия): культурно-хронологическая атрибуция // *Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты): Замятинский сборник*. Вып. 2: сб. статей / отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2011. С. 3–26.
- Янитс К.Л. Рыболовство и морской промысел на территории Эстонской ССР // *Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла: сб. статей / под ред. Н.Н. Гуриной*. Л.: Наука, 1991. С. 25–38.
- Baumann M., Maury S. Ideas no longer written in antler // *Journal of Archaeological Science*. 2013. № 40. P. 601–614.
- Bettinger R.L. Holocene hunter-gatherers // *Archaeology at the Millennium: A Sourcebook / ed. by G.M. Feinman, T.G. Price*. New York: Springer, 2007. P. 137–199.
- Jourdan P., Leroy G.-P. Des peaux de rennes, du fil et une aiguille... essai de reconstitution d'un habitat magdalénien. Diffusion: Presses du CNRS, 1987.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Klementiev A.M., Mamontov A.M. North Angara Early Holocene hunter-gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy // *Archaeological research in Asia*. 2022. Vol. 31, 100369.
- Marshack A. The roots of Civilization: The cognitive beginnings of man's first art, symbols and notation. New York: McGraw-Hill, 1972.

References

- Bazaliiskii V.I., Peskov S.A., Shchetnikov A.A., Tiutrin A.A. (2016) Ranneneoliticheski mogil'nik Moty – Novaia Shamanka v doline r. Irkut [The Moty - Novaya Shamanka Early Neolithic Cemetery in The Irkut River Valley], *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 18, pp. 40–72.
- Batura T.V., Glushenko M.A. (2010) Neoliticheskoe pogrebenie s priznakami krematsii na stoianke Okunevka [Neolithic Burial with the Cremation Signs at the Okunevka Site]. In: *Evrasijskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: Tez. dokladov* [Eurasian Cultural Space. Archeology, Ethnology, Anthropology: Abstracts]. Ed. by G.I. Medvedev. Irkutsk: IGU, pp. 121–123.
- Boguchanskaia arkheologicheskaja ekspeditsiia: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody) [Boguchany Archeological Expedition: Field Research Essays (2007–2012)] / Ed. by A.V. Tabarev. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2015.
- Vasil'evskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. (1988) *Arkheologicheskie pamiatniki Severnogo Priangar'ia* [Archeological Monuments of the Northern Angara Region]. Novosibirsk: Nauka, 1988.
- Volosova E.B. (1994) O problemakh poznavatel'noi spetsifiki arkheologii [The Issues of Gnostic Specifics of Archeology]. In: *Metody i metodologiya arkheologicheskikh rekonstruktsii: Sb. statei* [Methods and Methodology of Archaeological Reconstructions: Collection of Papers] / Ed. by A.P. Derevianko, Iu.P. Kholiushkin. Novosibirsk: Sib. otd-nie, pp. 4–10.

- Georgievskaja G.M. (1989) *Kitoiskaia kul'tura Pribaikal'ia* [The Kitoi Culture of Baikal Region]. Novosibirsk: Nauka.
- Gerasimov M.M. (1958) Paleoliticheskaia stoianka Mal'ta (raskopki 1956–1957 gg.) [Paleolithic Site Mal'ta (excavations of 1956–1957)], *Sovetskaia arkheologiya*, Vol. 3, pp. 28–52.
- Zhilin M.G. (2001) *Kostianaia industriia mezolita lesnoi zony Vostochnoi Evropy* [The bone industry of the Mesolithic forest zone of Eastern Europe]. Moscow: URSS.
- Zhilin M.G. (2012) Rogovye posredniki i otzhimniki v mezolite Volgo-Okskogo mezhdurech'ia [Antler Mediators and Pressures in the Mesolithic of the Volga-Oka interfluvium], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, Vol. 227, pp. 223–232.
- Zhilin M.G. (2014) Sostav ulova, orudiia promysla i rol' rybolovstva v khoziaistve mezoliticheskogo naseleniia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia [The Composition of the Take, Fishing Gear and the Role of Fishery in the Economy of the Mesolithic Population of the Volga-Oka Interfluvium]. In: *Ot Baltiki do Urala: izyskaniia po arkheologii kamennogo veka: Sb. st.* [From Baikal to the Urals: Research on the Archeology of the Stone Age: Collection of Papers] / Ed. by V.N. Karmanov. Syktyvkar: Institut iazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, pp. 112–127.
- Klement'ev A.M., Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2017) Arkheozoologicheskie issledovaniia mnogosloinogo mestonakhozhdeniia Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Archaeozoological Studies of Multilayered Site Ostrov Listvenichnyi (Northern Angara Region)], *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 22, pp. 82–101.
- Krainov D.A. (1991) Rybolovstvo u neoliticheskikh plemen Verkhnego Povolzh'ia [Fishery Among Neolithic Tribes of the Upper Volga Region]. In: *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita – rannego metalla: Sb. statei* [Fishery and Sea Fishery During Mesolithic and Early Metal Ages] / Ed. by N.N. Gurina. Leningrad: Nauka, pp. 129–152.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2019) Planigraficheskii analiz rannegolotsenovykh kul'turnykh sloev stoianki Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Spatial Analysis of Early Holocene Cultural Layers of Ostrov Listvenichnyi Site (Northern Angara Region)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 62, pp. 180–191.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2018) Tekhnomorfologicheskii analiz pervichnogo raschepleniia v rannegolotsenovoi industrii stoianki Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Technomorphological Analysis of Primary Knapping for Early Holocene Lithic Industry of The Site Ostrov Listvenichnyi (North Angara Region)], *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, Vol. 14 (4), pp. 23–41.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Likhov D.N., Novoseltseva V.M. (2020) Rybolovstvo v sisteme zhizneobespecheniia drevnego naseleniia Severnogo Priangar'ia v rannem golotsene (po materialam mnogosloinykh pamiatnikov v nizov'iax Angary) [Fishing in the Early Holocene Human Ecosystem of The Northern Angara Region: Findings from Stratified Sites], *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, Vol. 48, pp. 52–60.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Tarakanovskii S.P. (2017) Vkladyshevye nakonechniki strel iz rannegolotsenovogo kul'turnogo sloia stoianki Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Slotted Arrowhead from Early Holocene Layer of Ostrov Listvenichnyi Site (Northern Angara Region)], *Evrasiia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, Vol. 6, pp. 207–214.
- Mezolit Verkhnego Priangar'ia. Ch. 1: Pamiatniki Angaro-Bel'skogo i Angaro-Idinskogo raionov: Sb. statei* [Mesolithic Period of the Upper Angara Region. Part 1: Monuments of Angara-Belskii and Angara-Idinskii Areas: Collection of Papers] / Ed. by G.I. Medvedev. Irkutsk: IGU, 1971.
- Okladnikov A.P. (1936) Kamennye ryby (k izucheniiu pamiatnikov neoliticheskogo iskusstva Vostochnoi Sibiri) [Stone Fishes (Toward the Research of the Neolithic Art Monuments of East Siberia)], *Sovetskaia arkheologiya*, Vol. 1, pp. 215–244.
- Okladnikov A.P. (1950) *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* (MIA, № 18) [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region: historical and archaeological research]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

- Okladnikov A.P. (1960) Paleoliticheskie zhenskije statuetki Bureti [Paleolithic female figurines of Buret]. In: *Paleolit i neolit SSSR (MIA, № 4): Sb. statei* [Paleolithic and Neolithic Ages in USSR] / Ed. by A.P. Okladnikov. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 281–288.
- Oshibkina S.V. (2017) *Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury veret'e)* [The Art of Mesolithic Age (Based on the Materials of Veretie culture)]. Moscow: IA RAN.
- Proklina T.V. (1988) Mogil'nik Ust'-Ida I na r. Angare [Ust'-Ida I Burial Ground on Angara River]. In: *Problemy arkheologii Severnoi Azii (K 80-letiiu A.P. Okladnikova): Tez. dokladov* [Issues of Archeology of the North Asia (To the 80th Anniversary of A.P. Okladnikov): Abstracts] / Ed. by I.I. Kirillov. Chita: ChGPI, pp. 97–98.
- Rogovskoi E.O., Kuznetsov A.M. (2014) Depozity mnogosloinogo mestonakhozhdeniia Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Deposits of The Multilayer Site Ostrov Listvenichnyi (Northern Angara Region)], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 9, pp. 77–102.
- Rogovskoi E.O., Kuznetsov A.M. (2013) Nakonechniki garpunov mnogosloinogo mestonakhozhdeniia Ostrov Listvenichnyi v Severnom Priangar'e [Harpoons of The Listvenichnyi Island Multilayer Site in The Northern Priangariye], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 1 (2), pp. 102–115.
- Rogovskoi E.O., Kuznetsov A.M., Popov A.A. (2012) Mestonakhozhdenie Ostrov Listvenichnyi v obshchikh problemakh angarskogo neolitovedeniia [Listvenichnyi Island Site in Main Neolithic Problems of Angara Region], *Evrasiia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, Vol. 1, pp. 171–177.
- Savchenko S.N. (2017) Kostianaia industriia mezoliticheskikh stoianok Gorbunovskogo torfianika v kontekste mezolita Urala i Vostochnoi Evropy [Bone Industry of The Mesolithic Sites Ofthe Gorbunovo Peat-Bog in The Mesolithic Context of The Urals and Eastern Europe], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, Vol. 246, pp. 214–229.
- Sorokin A.N. (2014) K voprosu o spetsifike kostianykh i rogovykh orudii v kachestve arkheologicheskikh istochnikov [The Question of The Specificity of Bone and Horn Tools as Archaeological Sources], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 7, pp. 37–53.
- Studitskaia S.V. (1976) Sootnoshenie proizvodstvennykh i kul'tovykh funktsii sibirskikh neoliticheskikh izobrazhenii ryb [The ratio of production and cult functions of the Siberian Neolithic images of fish], *Iz istorii Sibiri*, Vol. 21, pp. 74–89.
- Khlopachev G.A. (2011) Ukrasheniia i predmety vooruzheniia iz bivnia mamonta paleoliticheskoi stoianki Spi (Bel'giia): kul'turno-khronologicheskaiia atributsiia [Ornaments and weapons from mammoth ivory from the Paleolithic site Spy (Belgium): cultural and chronological attribution]. In: *Predmety vooruzheniia i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoi Evrazii (tekhnologicheskii i funktsional'nyi aspekty): Zamyatninskii sbornik. Vyp. 2: Sb. statei* [Artifacts made of bone in the ancient cultures of Northern Eurasia (technological and functional aspects): Zamyatninsky collection. Vol. 2] / ed. by G.A. Khlopachev. St. Petersburg: Nauka, pp. 3–26.
- Ianits K.L. (1991) Rybolovstvo i morskoi promysel na territorii Estonskoi SSR [Fishery and Sea Fishery within the Estonian SSR]. In: *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita – rannego metalla: Sb. statei* [Fishery and Sea Fishery During Mesolithic and Early Metal Ages] / Ed. by N.N. Gurina. Leningrad: Nauka, pp. 25–38.
- Baumann M., Maury S. (2013) Ideas no longer written in antler, *Journal of Archaeological Science*, no. 40, pp. 601–614.
- Bettinger R.L. (2007) Holocene hunter-gatherers. In: *Archaeology at the Millennium: A Sourcebook* / Ed. by G.M. Feinman, T.G. Price. New York: Springer, pp. 137–199.
- Jourdan P., Leroy G.-P. (1987) *Des peaux de rennes, du fil et une aiguille...: essai de reconstitution d'un habitat magdalénien*. Diffusion: Presses du CNRS.
- Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Klementiev A.M., Mamontov A.M. (2022) North Angara Early Holocene hunter–gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy, *Archaeological research in Asia*, Vol. 31, 100369.

Marshack A. (1972) *The roots of Civilization: The cognitive beginnings of man's first art, symbols and notation*. New York: McGraw-Hill.

Сведения об авторах:

КУЗНЕЦОВ Алексей Михайлович – инженер-исследователь, Научно-исследовательский центр «Байкальский регион» Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: golos_siberia@list.ru

РОГОВСКОЙ Евгений Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «Байкальский регион» Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: eor127@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexey M. Kuznetsov, Scientific Research Centre “Baikal region”, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: golos_siberia@list.ru

Evgeniy O. Rogovskoi, Scientific Research Centre “Baikal region”, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: eor127@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 25 марта 2021 г.;
принята к публикации 27 декабря 2022 г.*

*The article was submitted 25.03.2021;
accepted for publication 27.12.2022..*

Научная статья
УДК 903.05:930
doi: 10.17223/2312461X/40/5

Археометаллография: историографический очерк

Владимир Игоревич Завьялов¹
Наталья Николаевна Терехова²

^{1, 2} *Институт археологии РАН, Москва, Россия*
¹ *v_zavyalov@list.ru*

Аннотация. Проблемам становления железообрабатывающего производства в различных регионах Евразии уделяется большое внимание как со стороны специалистов по археометаллургии, так и археологов. В статье рассмотрены исследования, положившие начало новому направлению в исследовании металлов. Основное внимание уделено истории изучения основных проблем, связанных с историей кузнечного ремесла и использования археометаллографии как основного метода для решения поставленных задач. Историографический обзор работ по археологической металлографии имеет ключевое значение для постановки целей и задач дальнейших исследований истории развития металлургии и металлообработки. В результате анализа имеющихся на сегодняшний день данных установлено, что целый ряд проблем еще требует своего разрешения.

Ключевые слова: кузнечное ремесло, железные изделия, археометаллография, исследователи

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект 19-18-00144-П.

Для цитирования: Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Археометаллография: историографический очерк // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 106–124. doi: 10.17223/2312461X/40/5

Original article
doi: 10.17223/2312461X/40/5

Archaeometallography: historiographical notes

Vladimir Igorevich Zavialov¹
Natalia Nikolaevna Terekhova²

^{1, 2} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*
¹ *v_zavyalov@list.ru*

Abstract. The problems of the formation of iron-working production in various regions of Eurasia are given great attention both by specialists in archaeometallurgy and archaeologists. The article discusses the research that initiated a new direction in the study of metals. The main attention is paid to the history of the study of the main

problems associated with the history of blacksmithing and the use of archaeometallography as the main method for solving the tasks. A historiographical review of works on archaeological metallography is of key importance for setting goals and objectives for further research into the history of the development of metallurgy and metalworking. As a result of the analysis of the data available to date, it has been established that a number of problems still need to be resolved.

Keywords: blacksmithing, iron products, archeometallography, researchers

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project 19-18-00144-P.

For citation: Zavialov, V.I. & Terekhova, N.N. (2023) Archaeometallography: historiographical notes. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 106–124. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/5

Процесс открытия и освоения черного металла давно привлекает внимание ученых как в историко-техническом, так и в социально-экономическом аспектах. Проблемам становления железообрабатывающего производства в различных регионах Евразии уделяется большое внимание и со стороны специалистов по археометаллургии, и со стороны археологов.

Интерес к свойствам железа возник у человека едва ли не с самого знакомства с этим материалом.

Создатели науки о железе

Уже в начале раннего железного века описания способов обработки черного металла встречаются в литературных памятниках. Применение одного из основных приемов улучшения свойств железа – закалка – образно описана **Гомером** в «Одиссее»:

Так же, как если кузнец топор иль большую секиру
Сунет в холодную воду, они же шипят, закаляясь,
И от холодной воды становится крепче железо
(Гомер. Одиссея, IX, 391–393 (пер. В.В. Вересаева)).

Среди первых ученых, которые обратили внимание на свойства железа, принято называть **Аристотеля**, упоминавшего в книге «О чудесных слухах» (Латышев 1890: 380) способ добычи железной руды халибами – слово, по мнению В.В. Иванова, заимствованное из языка малоазиатского народа хатти (*hapalki*), в стране которых и зарождается металлургия железа (Иванов 1983: 100). По одной из версий, от этого термина происходит греческое название железа и меди – *халкос*, которое ряд исследователей считает основой русского слова *железо*. В древнерусском языке термин *железо* впервые зафиксирован в XI в. в Повести временных лет под 992 г. в рассказе о поединке кожемяки с печенегом (ПВЛ 2014: 144)¹. Некоторые исследователи указывают на

¹ Благодарим за информацию А.А. Гиппиуса.

возможность образования русского слова от общеславянской основы *gel* с обобщенным значением «твердый».

В эпоху Средневековья появился труд монаха-бенедиктинца **Теофила** (1070–1125), который является автором практического руководства по нескольким ремеслам (Theophilus Presbyter 1986). В книге «О различных искусствах» приводится описание опытов по определению пластичности (ковкости) железа, связываемой с его качеством, а также процессы термической (закалка) и химико-термической (цементация) обработки черных металлов.

Способы обработки железа и стали описывает арабский автор середины XI в. **Ал-Бируни**. В 1038 г. Бируни написал труд «Минералогия, или Книга сводок для познания драгоценностей», в котором определен удельный вес многих минералов и даны подробные сведения о более чем пятидесяти минералах, рудах, металлах, сплавах и др. Примечательно, что именно глава «О железе» минералогического трактата Бируни вышла в русском переводе (Беленицкий 1948). Этот перевод сопровождал подробный комментарий Б.А. Колчина (Колчин 1948).

В эпоху ренессанса окончательно утвердился научный подход к изучению металлургических процессов. И первым, кого необходимо назвать среди ученых этого времени был итальянец **Ванноччо Бирингуччо** (1480–1539). Главным научным сочинением Бирингуччо стал его десяти томный труд «Пиротехния» (от греч. *Pirotechnia* – «огонь» и «искусство», «ремесло»; пиротехния – описание ремесел, связанных с использованием огня), в котором рассмотрены многие вопросы химической технологии начала XVI в. В этом сочинении, опубликованном в 1540 г. в Венеции, Бирингуччо привел множество практически важных сведений о металлургии, горном и литейном деле. К сожалению, труд Бирингуччо на русский язык до настоящего времени не переведен.

Младшим современником Бирингуччо был **Георгий Агрикола** (1494–1555) (латинизированная форма нем. фамилии Бауэр – «крестьянин»). Результатом его двадцатилетних исследований является 12-томная монография «*De Re Metallica Libri XII*», появившаяся на латинском языке в 1556 г. в Базеле спустя год после смерти автора. В русском переводе трактат получил название «О горном деле и металлургии» (Агрикола 1962). В отличие от Бирингуччо, бывшего инженером-практиком и написавшего свой труд по-итальянски, Агрикола сделал первое систематическое исследование технологических процессов горного дела и металлургии. Труд Агриколы, написанный по-латыни, сразу привлек внимание европейских ученых. Описание руд можно найти в седьмой книге, процесс их подготовки – в восьмой. Процесс плавления и извлечения металлов, как и руководство по использованию плавильных печей, занимает девятую книгу.

В XVII в. для изучения свойств металлов начинает применяться микроскоп. В 1664 г. английский врач и экспериментатор **Генри Пауэр** (1623–1668) заметил, что полированные поверхности металлов были полны трещин, полостей и неровностей.

Но начало научной металлографии принято связывать с именем **Рене Антуана Реомюра** (1683–1757). В 1715 г. Реомюр начал заниматься металлургией железа. Результаты первых исследований черного металла были опубликованы ученым в нескольких работах. Из них получили известность такие, как «Искусство превращения ковкого железа в сталь» и «Искусство умягчения литого чугуна» (Réaumur 1722). В указанных работах впервые даны научные основы термической обработки чугуна и стали. Путем травления разнообразными кислотами Реомюр стремился распознать различные сорта стали. Определение макроструктур исследователь осуществлял под микроскопом по окраске образца. Кроме того, он был первым, кто выступил за применение тестов на твердость, используя как тесты на вдавливание скрещенных призм, так и тесты на твердость при царапании.

В России первые металлографические исследования железа и его сплавов были проведены **Павлом Петровичем Аносовым** (1796–1851). Работая на Златоустовском металлургическом заводе (1830–1835 гг.), П.П. Аносов применил микроскоп для изучения структуры стали и ее изменений послековки и термообработки и установил существование связи между строением и свойствами стали. Вершиной научного творчества П.П. Аносова стали его исследования булатной стали. Монография «О булатах», изданная в 1841 г. и переизданная в 1954 г. (Аносков 1954: 118–151), получила мировое признание и была переведена на многие европейские языки. Значителен вклад П.П. Аносова и в становление новой технической дисциплины – металлографии: он был первым, кто приступил к изучению с помощью микроскопа полированной поверхности металла, протравленной кислотой.

Основы научного металловедения, в рамках которого существует металлография, были заложены русским металлургом **Дмитрием Константиновичем Черновым** (1839–1921), который открыл зависимость свойств стали от температуры нагрева и охлаждения, выявил взаимосвязь структуры и свойств стали.

Так зарождались основы металлографии – научной дисциплины, которая изучает структуру металла, определяющую его свойства.

Металлография на службе археологии

Первые попытки использования металлографии в применении к археологическим предметам связаны с изделиями из бронзы. В 1911 г. итальянский металловед **Федерико Джиолитти** (1880–1946) опублико-

вал результаты микроструктурного анализа нескольких бронзовых топоров и тем самым показал возможность приложения металлографии к археологическому цветному металлу. В 1913 г. английский металловед **Х. Гарланд** (1880–1921) обратился к анализу древнеегипетских медных и бронзовых орудий в связи с изучением физических изменений, которые происходят в металлах и сплавах при атмосферных условиях. Он пришел к важному для изучения археологических артефактов выводу, что длительное пребывание изделий в окислительной среде культурного слоя существенно не влияет на их структуру (Garland 1913). Это заключение открыло широкие перспективы для использования металлографии при изучении археологических предметов из металла.

В 1932 г. в советской археологической литературе появилась первая статья об использовании металлографии в археологии. Металловед **П.Я. Сальдау** и археолог **А.Ф. Гущина** опубликовали результаты микроструктурного изучения бронзовой фигурной кавказской булавки II тыс. до н.э. и на основе анализа описали технологию ее изготовления (Сальдау, Гущина 1932).

Впервые использование металлографии применительно к черному металлу относится к 1935 г. Металлографический анализ четырех железных предметов (мотыга, лемех плуга, кузнечный керн и клинообразное орудие) из Чуберской долины в Сванетии был опубликован **Б.Е. Деген-Ковалевским**. Исследования проведены на заводе «Красный металлист» инженером Е.Э. Гофманом. На основании аналитических данных была предложена реконструкция технологии их изготовления и приведены фотографии микроструктур (Иессен, Деген-Ковалевский 1935: 295).

В это же время металлографический анализ при изучении средневекового оружия активно использовал **Всеволод Викторович Арендт** (1887–1937). В.В. Арендт наметил основные принципы археометаллографического анализа: «Взятие шлифа, изучение его макроструктуры... исследование микроструктуры, химический и рентгеноанализ металла, – вот основные приемы технологического исследования железа и стали. Только с применением этой методики можно считать обеспеченной полную научную обработку соответствующего археологического материала, обработку, которая выявит ряд новых моментов и поставит новые вопросы в интересующей нас области» (1936: 188).

Необходимость широкого применения специального естественно-научного метода при изучении древнего ремесла была обоснована **Борисом Александровичем Рыбаковым** (1908–2001) (1948: 228).

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. **Борис Александрович Колчин** (1914–1984) сформулировал основные принципы применения металлографического метода к археологическому материалу. В 1949 г. была опубликована его первая статья «Опыт металлографического исследо-

вания древнерусских железных вещей». Обобщение результатов проведенных исследований позволило перейти к построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Таким образом, металлические артефакты стали полноценным историческим источником. Возможности метода археологической металлографии в решении исторических задач Б.А. Колчин блестяще продемонстрировал в своих фундаментальных трудах по истории черной металлургии и металлообработки Древней Руси (1953, 1959). Полученные Б.А. Колчиным результаты по истории древнерусского кузнечества не утратили своей актуальности и сегодня. Его работы стали началом широкомасштабных исследований истории кузнечного ремесла, основные направления которых были намечены ученым. Были очерчены возможности метода и круг вопросов, которые можно решать с его помощью. Именно Б.А. Колчин явился основателем нового направления в исследовании истории кузнечного ремесла – археологической металлографии (археометаллографии).

Основополагающей работой по изучению кузнечного ремесла на основе результатов металлографического анализа является монография «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси» (Колчин 1953). Борис Александрович подчеркивал, что для исторических исследований важен *массовый* металлографический анализ большого количества орудий труда, оружия, ремесленного инструмента, утвари и т.д. Такой подход позволяет делать обобщение отдельных технологических характеристик, на основе которых возможно построение уже более широких историко-технических и исторических выводов (1953: 11–12). Существенно то, что с самого начала применения археометаллографии Б.А. Колчин рассматривал этот метод как инструмент именно исторического исследования.

Почти одновременно с Б.А. Колчиным систематическое изучение древнего металла с помощью металлографии начинает английский ученый **Рональд Тайлекот** (Tylecote) (1916–1990), которого в западной литературе принято считать основателем нового метода. Он участвовал в своих первых археологических раскопках в 1939 г. Тайлекот исследовал ранние места добычи и плавки руды по всему миру, включая Тимну в Израиле и римские серебряные рудники Рио-Тинто в Испании. Он также проводил раскопки в Судане, Нигерии, Турции, Иране и Афганистане.

Первая монография Р. Тайлекота «Металлургия в археологии: предыстория металлургии на Британских островах» была опубликована в 1962 г. До сих пор она является востребованным справочным изданием (Tylecote 1962). В 1987 г. выходит «Ранняя история металлургии в Европе». А в 1976 г. он опубликовал, пожалуй, свой главный труд – «История металлургии», второе, исправленное, издание которого вышло в 1992 г.

В 1962 г. вместе с Г.Р. Мортонем Тайлекот основал Группу исторической металлургии, первоначально как отдельную структуру в рамках британского Института чугуна и стали, и редактировал ее первый бюллетень, опубликованный в апреле 1963 г. Он оставался редактором издания до конца своей жизни. Позднее группа стала называться Обществом исторической металлургии (*Historical Metallurgy Society*), а «Бюллетень» стал журналом «Историческая металлургия». В настоящее время HMS является общепризнанным международным форумом для обмена информацией и исследованиями в области исторической металлургии.

Значительный вклад в изучение древней металлургии внес **Герберт Генри Коглен** (Coghlan) (1896–1981). Большой опыт, приобретенный Когленом при работе инженером, пригодился, когда его заинтересовали проблемы, связанные с древней металлургией. Во время пребывания в Бирме Г.Г. Коглен имел возможность наблюдать примитивные металлургические процессы. В течение ряда лет он возглавлял Комитет по древнему горному делу и металлургии при Королевском антропологическом институте (Лондон), являлся сотрудником Музея Бороу (Нью-Бери) и Питт Риверз музея (Оксфорд). Результаты его научных изысканий по технологии обработки черного металла в древности нашли отражение в монографии «Заметки по доисторическому и раннему железу в Старом Свете» (Coghlan 1956). В этой работе подробно рассмотрены добыча железной руды в древности, сыродутный процесс получения железа, типы сыродутных горнов, кузнечный инструментарий и технология изготовления древних орудий из железа и стали. Результаты металлографических анализов сопровождаются фотографиями наиболее характерных структур.

В ряду исследователей, которые стоят у истоков археометаллографии, особое значение имеет имя чешского ученого **Радомира Плейнера** (Pleiner) (1929–2015). В трудах Р. Плейнера органично соединяются результаты аналитических исследований и исторические факты. Историк по образованию, он оценил ведущее значение метода металлографии при изучении древних предметов из металла. Начиная с первой монографии «Древнеевропейское кузнечное ремесло» (1962) Р. Плейнер основное внимание в своих работах уделял именно историческому подходу к результатам естественнонаучных исследований. Несомненная заслуга Р. Плейнера в налаживании международных и интердисциплинарных контактов между специалистами в области древней металлургии и археологами. Круг интересов Р. Плейнера настолько широк, что он смог рассмотреть вопросы становления и развития железной индустрии в Иране (1967), Греции (1969), Индии (1971), у кельтов (1993). Прекрасное владение Р. Плейнером литературой по истории металлургии (в том числе и русскоязычной) позволило исследователю подвести итоги изучения древнего металла в обобщающих монографиях «Железо

в археологии: европейские металлурги» (2000) и «Железо в археологии: древнеевропейские кузнецы» (2006).

История черной металлургии на территории Польши представлена в трудах **Ежи Пяковского** (Piaskowski) (1923–2013), металловеда по специальности. Большое внимание в своих работах исследователь уделил Свентокшискому металлургическому комплексу позднеримского времени (Piaskowski 1963). Средневековому кузнечному ремеслу посвящена другая работа Е. Пяковского – «Техника гданьской черной металлургии и кузнечного ремесла X–XIV вв. на основе металлографических исследований» (1960). В серии статей исследователь рассмотрел методические вопросы проведения металлографических анализов древних артефактов и интерпретации полученных данных (1965, 1966, 1972, 1980).

В настоящее время в Европе наблюдается заметное сокращение археометаллографических исследований. Во многом это связано с разрушающим характером метода и трудоемкостью пробоподготовки. Широкое распространение неразрушающих методов исследования металла (РФА, СЭМ, рентгеноскопия и др.) позволило сосредоточить основное внимание европейских коллег на химическом составе металлургических шлаков и интерпретации полученных данных для поиска рудопроявлений, эксплуатировавшихся древними металлургами.

Из последних работ европейских археометаллографов следует упомянуть исследования **А. Вильямса** (Williams). Результаты анализов средневековых мечей позволили ученому сделать вывод о том, что знаменитые средневековые мечи с клеймом «+VLFBERN+T» имели наварные лезвия из тигельной стали, производившейся в Иране или Индии и поступавшей по Великому Волжскому пути в Европу (Williams 2012).

Говоря о металлографических исследованиях средневекового оружия, невозможно не упомянуть монографии чешских коллег, посвященные мечам с территории Чехии (Košta, Hošek 2014; Hošek, Košta, Žákovský 2019, 2021). В книге **И. Кошты** и **И. Гошека** приведен анализ мечей из знаменитого великоморавского города Микульчицы, а двухтомник И. Гошека, И. Кошты и П. Жаковского представляет полную сводку мечей, происходящих с территории Чешской Республики. Аналитические исследования отличаются комплексным подходом: при исследовании применялся как металлографический метод, так и рентгено съемка и РФА.

В 60-х гг. XX в. в Советском Союзе резко возрастает интерес археологического сообщества к естественно-научным методам и к металлографии в частности. В немалой степени этому способствовало создание по инициативе Б.А. Колчина в Институте археологии АН СССР Лаборатории естественно-научных методов и проведение ряда совещаний и конференций по применению новых методов в археологии. Металло-

графические исследования археологических предметов из железа и стали проводятся в лабораториях Москвы, Киева, Минска, Риги, Вильнюса, Сухуми, Владивостока, Кемерово, Екатеринбурга, Ульяновска, Пскова. Это нашло отражение в многочисленных публикациях, список которых в настоящее время насчитывает около 800 наименований.

Значительная часть работ имеет отношение к важной проблеме истории кузнечества – зарождению черной металлургии и металлообработки в Восточной Европе. Во многом эти вопросы остаются до сих пор дискуссионными. Тем не менее, благодаря исследованиям **Н.Н. Тереховой**, **Г.А. Вознесенской**, **Л.С. Розановой**, **Б.А. Шрамко**, можно констатировать, что Восточная Европа являлась вторичной зоной освоения железа по отношению к Малой Азии и Закавказью. Хотя единичные железные орудия (из метеоритного железа) появляются у восточноевропейских племен в последней четверти III тысячелетия до н.э. (Шрамко и др. 1965; Терехова и др. 1997: 35–39), но опыты по обработке железных метеоритов никак не были увязаны с возможностью получения железа металлургическим путем, поскольку речь идет лишь о трансформации формы (Терехова и др. 1997: 39).

В 60–90-х гг. XX в. отечественные исследования кузнечного ремесла велись по двум основным направлениям. Уже в своей монографии «Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси» Б.А. Колчин наметил необходимость исследования железных изделий раннего железного века. В рамках этой проблемы изучались материалы из кавказских, северо-причерноморских и финно-угорских памятников. Плодотворная работа велась по изучению железообрабатывающего производства Сибири и Дальнего Востока (подробную библиографию см.: Завьялов 2004).

Итогом многолетнего изучения кузнечного ремесла финно-угорских народов Приуралья стала монография «История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование» (Завьялов 2005). В ней отмечено, что на рубеже IX–X вв. пермские кузнецы под влиянием мощного технико-технологического импульса, охватившего северную зону Восточной Европы, осваивают технологию трехслойного пакета, но изготавливают изделия преимущественно по восточноевропейскому варианту этой технологии.

Вторая линия развития археометаллографических исследований была направлена на углубленное изучение кузнечного ремесла в отдельных городах и регионах Древней Руси. Здесь, прежде всего, следует отметить труд Б.А. Колчина «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого» (Колчин 1959), ставший эталонной работой не только для историков древнего ремесла, но и для широкого круга медиевистов. Выдвинутые в этой работе положения по развитию железообрабатывающего ремесла в Новгороде нашли отражение в исследованиях

Л.С. Розановой и В.И. Завьялова (Завьялов, Розанова 1990, 1992, 2004). Заметный вклад в историю древнерусского кузнечного ремесла внесли исследования материалов Киева, Пскова, Суздаля, Рязани, Полоцка, Серенска, Ярополча Залесского (подробную библиографию см.: Завьялов, 2004).

Существенные изменения за последние десятилетия произошли в оценке технико-технологического строя древнерусского кузнечного ремесла. В результате первых исследований древнерусской кузнечной продукции Б.А. Колчин пришел к выводу о том, что и на юге, и на севере Руси встречаются одни и те же технические приемы и одна и та же закономерность их применения (Колчин 1953: 184). Однако в дальнейшем при накоплении аналитического материала этот вывод был скорректирован. В 80-е гг. XX в. Г.А. Вознесенская и Л.С. Розанова приходят к заключению о различии технологических традиций в кузнечном производстве северных и южных земель древней Руси (Вознесенская, Коваленко 1985: 107; Вознесенская 1990: 83; Пушкина, Розанова 1992: 218; Розанова 1990). Тем не менее в настоящее время мы склоняемся к мнению Б.А. Колчина о том, что различия в технологических особенностях кузнечного ремесла различных регионов Древней Руси не носили принципиального характера, а имело место скорее хронологическое различие в исследованном материале: преобладание изделий, изготовленных по технологии трехслойного пакета в X–XII вв. и изделий с наварными лезвиями в последующее время (Завьялов, Розанова, Терехова 2012: 255–257).

Важным этапом в изучении древнего кузнечества стала коллективная монография «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе» (Терехова и др. 1997). В ней подводятся итоги многолетних металлографических исследований восточноевропейских материалов. Одним из основных итогов работы стало выявление основных рубежей в истории кузнечного производства. Намечены этапы развития техники обработки черного металла со времени первого знакомства населения с железом, освоения металлургических способов получения черного металла вплоть до развитого Средневековья. В работе дан сравнительный анализ техники железообработки в хронологическом и культурно-этническом аспектах, прослежены закономерности развития кузнечества в различных регионах. Достоверность выводов базируется на экспериментальных данных, позволивших получить эталонные образцы для каждой стадии металлургического и технологического процессов. В результате детального анализа накопленного к тому времени материала был сделан основополагающий вывод о том, что развитие восточноевропейского кузнечества являлось составной частью общесоциального исторического процесса становления ремесла. На отдельных этапах оно испытывало определенное влияние извне. Взаимодействие внешних

импульсов и местных традиций обуславливало специфические черты железообрабатывающего ремесла Восточной Европы.

Знаменательным итогом изучения черной металлургии и металлообработки у населения лесостепной зоны Восточной Европы стала серия коллективных монографий украинских коллег (Бидзиля и др. 1983; Вознесенська, Недопако, Паньков 1996; Паньков 2012). Рассмотрев значительный аналитический материал, авторы приходят к выводу о том, что кузнечная техника раннеславянских племен испытывала влияние скифской среды, кельтов и провинциально-римского мира. Накануне образования древнерусского государства в ней появляются региональные различия. Наиболее заметны эти различия в государственный период.

В настоящее время археометаллографические исследования изделий из черного металла в России продолжаются в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (В.И. Завьялов и Н.Н. Терехова). Основные итоги этих работ отражены в четырех коллективных монографиях. Базой для решения многих исторических проблем, рассмотренных в этих монографиях, является накопленный в лаборатории аналитический материал (свыше 14 000 анализов).

В работе «Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства» (Завьялов, Розанова, Терехова 2007) основное внимание уделено проблемам развития железообработки в деструктивный период золотоордынского ига. Техничко-технологическая база железообрабатывающего производства, сформировавшаяся в древнерусском кузнечестве в предшествующий период, не утрачивает своего потенциала вплоть до петровского времени, когда производство и обработка черных металлов переходят на мануфактурный уровень. Как только были созданы благоприятные условия для развития промышленности, Россия смогла реализовать свой технологический потенциал и сделать рывок в развитии черной металлургии.

Большое значение в истории восточноевропейской железообработки имеет изучение кузнечного ремесла финно-угорских народов. Эта проблема рассмотрена в монографии «История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья» (Завьялов, Розанова, Терехова 2009). Являясь одним из древнейших этносов на территории Восточной Европы, эти народы на протяжении тысячелетий сохраняют свои этнические черты, несмотря на проникновение на территорию их проживания других этносов: индоиранцев, угров, тюрок, скандинавов, славян. Широкий хронологический диапазон археометаллографических данных (VIII в. до н.э. – XV в. н.э.) позволил выявить технико-технологический стереотип, характерный для кузнечного производства финно-угров. Археологически установлено, что в среде финно-угров первые железные предметы появляются в конце VIII–VI вв. до н.э. на

территории Среднего Поволжья. Эти изделия находят прямые аналогии в материалах памятников Северного Кавказа. Авторам удалось показать, что и технологически они имеют соответствия в кавказских материалах. Однако кавказские кузнечные традиции не вошли в систему местной железообработки.

Принципиальным вопросам взаимосвязи традиций и инноваций в древнерусском кузнечном ремесле посвящена отдельная монография (Завьялов и др. 2012). Со времени выхода работ Б.А. Колчина накоплен огромный массив аналитических данных по железообработке Древней Руси, которые позволяют скорректировать некоторые положения, высказанные исследователем. Так, установлено, что смена производственных традиций в кузнечном ремесле происходила под влиянием разных технологических инноваций. Одна из них связана со скандинавской традицией, т.е. с использованием особой технологической схемы – трехслойного пакета. Эта схема предполагает сварку двух железных полос и стальной между ними. Подобная схема была известна в Скандинавии в VII в. В связи с экспансией скандинавов в Восточную Европу в IX–X вв. подобная технология распространяется на древнерусские памятники и становится основой древнерусского городского ремесла. Распространение этой технологии носило взрывной характер. Но с исчезновением скандинавского фактора эта технология исчезает, не оказав существенного влияния на дальнейшее развитие древнерусской железообработки.

Другая технологическая инновация – наварка стального лезвия на железную основу – имела западнославянские корни. На восточноевропейских памятниках она появляется не позднее VII–VIII вв. Она внедрялась в кузнечное ремесло постепенно, но оказалась более устойчивой по сравнению со скандинавской традицией, просуществовав вплоть до промышленного производства железных изделий.

Одной из задач, стоящих перед исследователями истории кузнечного производства, было изучение специфики развития кузнечного ремесла в отдельных древнерусских княжествах. Для ее решения было необходимо проследить особенности формирования традиций и возможное взаимовлияние и взаимодействие в производственной сфере. Одной из первых таких работ стала монография **М.Ф. Гурина** «Кузнечное ремесло Полоцкой земли в IX–XIII вв.». На основании комплексного археометаллографического анализа 600 железных предметов автор приходит к выводу о том, что кузнечное ремесло в Полоцкой земле развивалось динамично: если в IX–XI вв. значительна доля изделий, откованных в простых технологиях (целиком из железа или сырцовый стали), то в XII–XIII вв. распространяются сложные технологические приемы, основанные на сварке железа со сталью (Гурин 1987: 111–112).

Технологические особенности кузнечной продукции еще одного древнерусского княжества нашли отражение в монографии «Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского» (Завьялов, Терехова 2013). Являясь одним из крупнейших древнерусских княжеств, Рязанская земля располагалась на пограничье со степным миром. Большое значение Рязани в истории Древней Руси определил международный торговый путь, проходившей по Оке.

Как установлено, в своем развитии рязанское кузнечное ремесло проходит все те этапы, которые известны по материалам других древнерусских земель. Основой кузнечества Рязанского княжества послужили традиции, сформировавшиеся в южнорусских землях. Это обусловлено тем, что главным потоком переселенцев в Поочье были выходцы из черниговских земель. В то же время в кузнечном ремесле рязанской земли прослеживается влияние северорусских традиций, выразившееся в заметной доле трехслойных изделий среди материалов X – первой половины XII в.

В заключении следует отметить, что историографический обзор работ по археологической металлографии имеет ключевое значение для постановки целей и задач дальнейших исследований истории развития металлургии и металлообработки. В результате анализа имеющихся на сегодняшний день данных установлено, что целый ряд проблем еще требует своего разрешения. Например, даже такая богатая культурно-историческая эпоха, как Античность, не нашла должного отражения в контексте развития кузнечного ремесла. Очень слабо освещен аналитическими данными период перехода от бронзовой индустрии к железной. К такому же кругу проблем относится и период Великого переселения народов. Внедрение в последнее время новейших методов исследования археологических материалов (рентгенофлуорисцентный анализ, электронная микроскопия и т.д.) выдвигает на первый план вопросы, связанные с локализацией изготовления кузнечной продукции, поиском рудопоявлений и их связи с производящими и обрабатывающими центрами. Остается надеяться, что с накоплением новых аналитических данных указанные проблемы найдут достойное освещение.

Список источников

- Аносов П.П. Собрание сочинений / под ред. А.М. Самарина. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Арендт В.В. О технике древнего клинкового производства // Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 8. С. 161–188.
- Агрикола Г. О горном деле и металлургии / пер. с лат. В.А. Гальминаса, А.И. Дробинского; под ред. С.В. Шухардина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
- Беленицкий А.М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // КСИИМК. 1948. Вып. XXXIII. С. 139–144.
- Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1983.

- Вознесенская Г.А. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев: Наукова думка, 1990. С. 83–91.
- Вознесенская Г.А., Коваленко В.П. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XI вв. Киев: Наукова думка, 1985. С. 95–109.
- Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: Інститут археології НАНУ, 1996.
- Гурин М.Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1987.
- Завьялов В.И. Археологическая металлография: историографические заметки // Восточная Европа в Средневековье. М.: Наука, 2004. С. 164–171.
- Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгород. археол. экспедиция, 1990. С. 154–186.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода (Нутный раскоп). М., 1992. С. 122–129, 188–190.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. Кузнечное ремесло Новгорода Великого: 50 лет исследований // Новгородские археологические чтения – 2 / ред. В.Л. Янин и др. Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 2004. С. 160–163.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013.
- Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.
- Иессен А.А., Деген-Ковалевский Б.Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК. Вып. 120).
- Колчин Б.А. Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни // КСИИМК. Вып. XXXIII. 1948. С. 145–151.
- Колчин Б.А. Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей // КСИИМК. 1949. XXX. С. 42–53.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953. (МИА № 32).
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: АН СССР, 1959. Т. II. С. 7–122 (МИА № 65).
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Императорская академия наук, 1890. Т. 1.
- Паньков С.В. Залізвидубувне і ковальське виробництво давньоруського Києва та його околиць. Київ: ІА НАН України, 2012.
- Повесть временных лет (ПВЛ). М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- Пушкина Т.А., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из Гнёздова // Российская археология. 1992. № 2. С. 200–220.
- Розанова Л.С. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев: Наукова думка, 1990. С. 92–96.

- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948.
- Сальдау П.Я., Гущина А.Ф. Применение металлографии в археологии // Сообщения ГАИМК. 1932. Вып. 3–4. С. 49–51.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // Советская археология. 1965. № 4. С. 199–204.
- Coghlan H.H. Notes on the Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford: Pitt-Rivers Museum. Occasional Papers on Technology, 1956. No. 8.
- Garland H. Egyptian Metal Antiquities // The Journal of the Institute of Metals. 1913. Vol. X. P. 329–343.
- Hošek J., Košta J., Žákovský P. Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context. Prague; Brno: The Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 2019. Pt I.
- Hošek J., Košta J., Žákovský P. Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context. Prague; Brno: The Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 2021. Pt II.
- Košta J., Hošek J. Early Medieval Swords from Mikulčice. Brno: Archeologický ústav AV ČR, Brno, 2014.
- Piaskowski J. Technika gdańskiego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X–XIV w. na podstawie badań metaloznawczych // Gdańsk wczesnośredniowieczny. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1960. T. II.
- Piaskowski J. Cechy charakterystyczne wyrobów żelaznych produkowanych przez starożytnych hutników w Górach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I–IV w. n.e.) // Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. S. 9–85. T. VI.
- Piaskowski J. Correlation between the phosphorus content in ore and slag and that in bloomery iron // Archaeologia Polona. 1965. No. 7. P. 83–103.
- Piaskowski J. Rozwój metaloznawczych badań dawnych przedmiotów żelaznych w Polsce i ich zastosowanie w archeologii // Archeologia Polski. 1966. T. X/2. P. 726–750.
- Piaskowski J. Kryteria określania technologii wyrobów z żelaza dymarskiego // Archeologia Polski. 1972. T. XVII, P. 1. S. 7–45.
- Piaskowski J. W sprawie żelaza “meteorytowego” i możliwości jego wytopienia przez człowieka // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1980. No. 38/3. S. 3–13.
- Pleiner R. Staré evropské kovářství. Praha: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1962.
- Pleiner R. The Beginning of the Iron Age in Ancient Persia // Annals of the Náprstek Museum. 1967. No. 6. P. 9–72.
- Pleiner R. Ironworking in Ancient Greece. Praha: National Technical Museum, 1969.
- Pleiner R. The problem of the Beginning Iron Age in India // Acta Praehistory and Archaeology. 1971. No. 2. P. 5–36.
- Pleiner R. The Celtic Swords. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Pleiner R. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky, 2000.
- Pleiner R. Iron in Archaeology. Earle European Blacksmiths. Praha: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky, 2006.
- Réaumur R.A.F. L'art de convertir le fer forgé en acier et l'art d'adoucir le fer fondu. Paris, 1722.
- Theophilus Presbyter. De Diversis Artibus. Oxford: Clarendon Press, 1986.
- Tylecote R.F. Metallurgy in Archaeology. A prehistory of metallurgy in the British Isles. London: Edward Arnold, 1962.
- Tylecote R.F. A History of Metallurgy. London: Metal Society, 1976 (Second edition. 1992).
- Tylecote R.F. The early history of metallurgy in Europe. London; New York: Longman, 1987.

Williams A. Crucible steel in medieval swords // A History of the Metallurgy of European Swords up to the 16th Century. Leiden; Boston, 2012. P. 233–241.

References

- Agrikola G. (1962) *O gornom dele i metallurgii* [De re metallica libri XII] / translated from Latin by V.A. Gal'minas and A.I. Drobinskii, ed. by S.V. Shukhardin. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
- Anosov P.P. (1954) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] / Ed. by A.M. Samarin. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Arendt V.V. (1936) O tekhnike drevnego klinkovogo proizvodstva [About the technique of ancient blade production], *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*, Vol. 8, pp. 161–188.
- Belenitskii A.M. (1948) Glava «O zheleze» mineralogicheskogo traktata Biruni [The Chapter "On Iron" from the Mineralogical Essay of Biruni], *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, Vol. XXXIII, pp. 139–144.
- Bidzilia V.I., Voznesenskaia G.A., Nedopako D.P., Pan'kov S.V. (1983) *Istoriia chernoii metallurgii i metalloobrabotki na territorii USSR (III v. do n.e. – III v. n.e.)* [History of ferrous metallurgy and metalworking on the territory of the Ukrainian SSR (3rd century BC – 3rd century AD)]. Kiev: Naukova dumka.
- Coghlan H.H. (1956) *Notes on the Prehistoric and Early Iron in the Old World*. Oxford: Pitt-Rivers Museum. Occasional Papers on Technology. No. 8.
- Garland H. (1913) Egyptian Metal Antiquities, *The Journal of the Institute of Metals*. London. Vol. X, pp. 329–343.
- Gurin M.F. (1987) *Kuznechnoe remeslo Polotskoi zemli IX–XIII vv.* [Blacksmith craft of the Polotsk land of the 9th–13th centuries]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Hošek J., Košta J., Žákovský P. (2019) *Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context*. Prague–Brno: The Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology. Part I.
- Hošek J., Košta J., Žákovský P. (2021) *Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context*. Prague–Brno: The Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology. Part II.
- Iessen A. A., Degen-Kovalevskii B.E. (1935) *Iz istorii drevnei metallurgii Kavkaza* [From the history of ancient metallurgy of the Caucasus]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, pp. 7–237.
- Ivanov V.V. (1983) *Istoriia slavianskikh i balkanskikh nazvanii metallov* [History of Slavic and Balkan metal names]. Moscow: Nauka.
- Kolchin B.A. (1948) Neskol'ko zamechanii k glave «O zheleze» mineralogicheskogo traktata Biruni [Several remarks to the chapter "On iron" of the mineralogical essay of Biruni], *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, Vol. XXXIII, pp. 145–151.
- Kolchin B.A. (1949) Opyt metallograficheskogo issledovaniia drevnerusskikh zheleznykh veshchei [The experience of metallographic research of ancient Russian iron objects], *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, Vol. XXX, pp. 42–53.
- Kolchin B.A. (1953) *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (domongol'skii period)* [Ferrous metallurgy and metalworking in ancient Rus' (pre-Mongolian period)]. Moscow: AN SSSR.
- Kolchin B.A. (1959) Zhelezoobrabatyvaiushchee remeslo Novgoroda Velikogo [Ironworking craft of Veliky Novgorod]. In: *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]. Vol. II. Moscow: AN SSSR, 1959, pp. 7–122. (MIA № 65).
- Košta J., Hošek J. (2014) *Early Medieval Swords from Mikulčice*. Brno: Archeologický ústav AV ČR, Brno.

- Latyshev V.V. (1890) *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Information of Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus]. St. Petersburg: Imperatorskaia akademiia nauk. Vol. 1.
- Pan'kov S.V. (2012) *Zalيزovidubuvne i koval's'ke virobnytstvo davn'orus'kogo Kieva ta iogo okolits'* [Iron mining and blacksmith production of ancient Russian Kyiv and its surroundings]. Kiřv: IA NAN Ukraїni.
- Piaskowski J. (1960) Technika gdańskiego hutnictwa i kowalstwa żelaznego X–XIV w. na podstawie badań metaloznawczych, *Gdańsk wczesnośredniowieczny*. Vol. II. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe.
- Piaskowski J. (1963) Cechy charakterystyczne wyrobów żelaznych produkowanych przez starożytnych hutników w Górach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I–IV w. n.e.). In: *Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa*. Vol. VI. Wrocław–Warszawa–Kraków, pp. 9–85.
- Piaskowski J. (1965) Correlation between the phosphorus content in ore and slag and that in bloomery iron, *Archaeologia Polona*, no. 7, pp. 83–103.
- Piaskowski J. (1966) Rozwój metaloznawczych badań dawnych przedmiotów żelaznych w Polsce i ich zastosowanie w archeologii, *Archeologia Polski*, Vol. X/2, pp. 726–750.
- Piaskowski J. (1972) Kryteria okreřlania technologii wyrobów z żelaza dymarskiego, *Archeologia Polski*, Vol. XVII, pp. 1. S. 7–45.
- Piaskowski J. (1980) W sprawie żelaza “meteoritowego” i możliwości jego wytapiania przez czloweka, *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, no. 38/3, pp. 3–13.
- Pleiner R. (1962) *Staré evropské kovářství*. Praha: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences.
- Pleiner R. (1967) The Beginning of the Iron Age in Ancient Persia, *Annals of the Náprstek Museum*, no. 6, pp. 9–72.
- Pleiner R. (1969) *Ironworking in Ancient Greece*. Praha: National Technical Museum.
- Pleiner R. (1971) The problem of the Beginning Iron Age in India, *Acta Praehistory and Archaeology*, no. 2, pp. 5–36.
- Pleiner R. (1993) *The Celtic Swords*. Oxford: Clarendon Press.
- Pleiner R. (2000) *Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters*. Praha: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky.
- Pleiner R. (2006) *Iron in Archaeology. Earle European Blacksmiths*. Praha: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky.
- Povest' vremennykh let (PVL)* [Russian Primary Chronicle]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014.
- Pushkina T.A., Rozanova L.S. (1992) Kuznechnye izdeliia iz Gnezdova [Blacksmith objects from Gnezdovo], *Rossiyskaya arkheologia*, no. 2, pp. 200–220.
- Réaumur R. A. F. (1722) *L'art de convertir le fer forgé en acier et l'art d'adoucir le fer fondu*. Paris.
- Rozanova L.S. (1990) Svoeobrazie tekhnologii kuznechnogo proizvodstva Iuzhnoi i Severnoi Rusi v domongol'skii period [The originality of the technology of blacksmith's production in Southern and Northern Rus' in the pre-Mongolian period]. In: *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi* [Issues of Archaeology of Southern Rus']. Kiev: Naukova dumka, pp. 92–96.
- Rybakov B.A. (1948) *Remeslo Drevnei Rusi* [Craftsmanship of Ancient Rus']. Moscow: AN SSSR.
- Sal'dau P.Ia., Gushchina A.F. (1932) Primenenie metallografii v arkheologii [Application of metallography in archaeology], *Soobshcheniia GAIMK*, Vol. 3–4, pp. 49–51.
- Shramko B.A., Fomin L.D., Solntsev L.A. (1965) Pervaia nakhodka izdeliia iz meteoritnogo zheleza v Vostochnoi Evrope [The first find of meteorite iron in Eastern Europe], *Sovetskaia Arkheologia*, no. 4, pp. 199–204.
- Terekhova N.N., Rozanova L.S., Zav'ialov V.I., Tolmacheva M.M. (1997) *Ocherki po istorii drevnei zhelezooorabotki v Vostochnoi Evrope* [Essays on the history of ancient ironworking in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgii.

- Theophilus Presbyter (1986) *De Diversis Artibus*. Oxford: Clarendon Press.
- Tylecote R.F. (1962) *Metallurgy in Archaeology. A prehistory of metallurgy in the British Isles*. London: Edward Arnold.
- Tylecote R.F. (1976) *A History of Metallurgy*. London: Metal Society. (Second edition - 1992).
- Tylecote R.F. (1987) *The early history of metallurgy in Europe*. London. New York: Longman.
- Voznesenska G.O., Nedopako D.P., Pan'kov S.V. (1996) *Chorna metalurgii ta metaloobrobka naselennia skhidnoevropeiskogo lisostepu za dobi rannikh slov'ian i Kiivs'koi Rusi* [Ferrous metallurgy and metalworking of the population of the Eastern European forest-steppe during the times of the early Slavs and Kyivan Rus']. Kiiv: Institut arkhologii NANU.
- Voznesenska G.A. (1990) Tekhnologiiia proizvodstva drevnerusskikh nozhei v pervoi polovine XIII v. [Production technology of ancient Russian knives in the first half of the 13th century.]. In: *Problemy arkheologii luzhnoi Rusi* [Issues of Archaeology of Southern Rus']. Kiev: Naukova dumka, pp. 83-91.
- Voznesenska G.A., Kovalenko V.P. (1985) O tekhnike kuznechnogo proizvodstva v gorodakh Chernigovo-Severskoi zemli [On the technology of blacksmithing in the cities of Chernihiv-Seversk land]. In: *Zemli luzhnoi Rusi v IX-XI vv.* [Territories of the South Rus' in 9th–11th centuries]. Kiev: Naukova dumka. S. 95-109.
- Williams A. (2012) Crucible steel in medieval swords. In: *A History of the Metallurgy of European Swords up to the 16th Century*. Leiden-Boston, pp. 233-241.
- Zav'ialov V.I. (2004) Arkheologicheskaiia metallografiia: istoriograficheskie zametki [Archaeological metallography: historiographic notes]. In: *Vostochnaia Evropa v Srednevekov'e* [Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, pp. 164-171.
- Zav'ialov V.I. (2005) *Istoriia kuznechnogo remesla permian: arkheometallograficheskoe issledovanie* [The history of blacksmithing in Perm: an archaeometallographic study]. Izhevsk, Ullal UrO RAN.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S. (1990) K voprosu o proizvodstvennoi tekhnologii nozhei v drevnem Novgorode (po materialam Troitskogo raskopa) [On the question of the production technology of knives in ancient Novgorod (based on the materials of the Troitskiy excavation site)]. In: *Materialy po arkheologii Novgoroda, 1988* [Proceedings on the Archaeology of Novgorod, 1988]. Moscow: Novgorod. arkheol. ekspeditsiia, pp. 154–186.
- Zav'ialov, V.I., Rozanova. L.S. (1992) Tekhnologicheskaiia kharakteristika nozhei Nutnogo raskopa [Technological characteristics of the knives of Nutny excavation]. In: Gaidukov P.G. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda (Nutnyi raskop)* [Slavensky end of medieval Novgorod (Nutny excavation)]. Moscow, pp. 122–129, 188–190.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S. (2004) Kuznechnoe remeslo Novgoroda Velikogo: 50 let issledovaniia [Blacksmith craft of Veliky Novgorod: 50 years of research]. In: *Novgorodskie arkheologicheskie chteniia – 2* [Novgorod Archeological Readings – 2] / ed. by V.L. Ianin et al. Velikii Novgorod: Novgord. muzei-zapovednik, pp. 160–163.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. (2007) *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskii period i epokhu Moskovskogo gosudarstva* [Russian blacksmith craft during the Golden Horde period and the era of the Moscow State]. Moscow: Znaki.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. (2009) *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia. K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii* [History of the blacksmith craft of the Finno-Hungarian peoples of the Volga region and Pre-Ural region. To the problem of ethnocultural interactions]. Moscow: Znaki.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. (2012) *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul'ture Severnoi Rusi* [Traditions and innovations in the production culture of Northern Rus']. Moscow: Ankil.
- Zav'ialov V.I., Terekhova N.N. (2013) *Kuznechnoe remeslo Velikogo kniazhestva Riazanskogo* [Blacksmith Craft in the Grand Principality of Ryazan]. Moscow: IA RAN.

Сведения об авторах:

ЗАВЬЯЛОВ Владимир Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия). E-mail: v_zavyalov@list.ru

ТЕРЕХОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir I. Zavyalov, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v_zavyalov@list.ru

Natalia N. Terekhova, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 03 февраля 2022 г.;
принята к публикации 07 июня 2023 г.*

*The article was submitted 03.02.2022;
accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/40/6

Инновации и технологический трансфер в древней металлургии

Станислав Аркадиевич Григорьев

*Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия,
stgrig@mail.ru*

Аннотация. Металлургическое производство является комплексом сложных взаимосвязанных технологических операций, поэтому инновации в нем тоже комплексные. В древности они возникали лишь в случае решения каких-то социально-экономических проблем. Основным стимулом этих инноваций был рост потребностей в металле. Однако большинство из них вовсе не были целенаправленными актами изобретений. Чаще они были сформированы случайными технологическими мутациями, и в случае, если эти мутации позволяли решать насущные проблемы, происходило закрепление новой технологической схемы как инновации. Трансфер технологий в иные ареалы зависел от их характера. В эпохи доминирования мышьяковых сплавов легирование было тесно связано с исходной рудой, технологиями ее плавки, последующими литейными и кузнечными операциями. В результате для передачи этого сложного комплекса требовались люди, носители этих знаний. С изобретением оловянных лигатур процессы металлообработки оказались оторваны от плавки руды. В новых условиях даже появление носителей новой технологии не приводило к ее неперемому внедрению. Обязательным условием в этом случае была включенность в систему торговли медью и оловом. Однако, несмотря на отчетливую зависимость развития технологий от общественных процессов, общая их направленность в развитии древней металлургии была обусловлена универсальными физико-химическими законами, которые обеспечили сравнительно сходную картину этих инноваций в разных регионах Евразии. Второй причиной этого сходства было то, что большая часть основных инноваций распространялась с Ближнего Востока.

Ключевые слова: древняя металлургия, технологии, инновации, технологический трансфер, плавка руды, сплавы

Для цитирования: Григорьев С.А. Инновации и технологический трансфер в древней металлургии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 125–140. doi: 10.17223/2312461X/40/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/6

Innovations and technological transfer in ancient metallurgy

Stanislav Arkadievich Grigoriev

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chelyabinsk, Russian Federation
stgrig@mail.ru*

Abstract. Metallurgical production is a complex of interrelated technological operations, so innovations in it are also complex. In the Bronze Age, they arose only in the case of solving some socio-economic problems. The main impetus for these innovations was the growing demand for metal. However, most of them were not purposeful acts of invention at all. More often they were formed by random technological mutations, and if these mutations made it possible to solve some urgent problems, the new technological scheme was consolidated as an innovation. The transfer of technologies to other areas depended on their nature. In the period of dominance of arsenic alloys, alloying was closely related to the used ore, its smelting technologies, and subsequent foundry and forging operations. As a result, for the transfer of this entire complex, the coming of people, the bearers of this knowledge, was needed. With the invention of tin alloys, metalworking processes were separated from ore smelting. In these new conditions, even the coming of people with this new technology did not lead to its implementation. A prerequisite in this case was inclusion in the copper and tin trading system. However, despite the clear dependence of the development of technologies on social processes, their general direction in the development of ancient metallurgy was caused by universal physical and chemical laws, which provided a relatively similar picture of these innovations in different regions of Eurasia. The second reason for this similarity was that most of the major innovations came from the Near East.

Keywords: ancient metallurgy, technology, innovations, technological transfer, ore smelting, alloys

For citation: Grigoriev, S.A. (2023) Innovations and technological transfer in ancient metallurgy. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 125–140. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/6

Введение

Металлургия является, пожалуй, наиболее изученным древним производством. Множество работ посвящено различным ее аспектам. Естественно, это продуцировало массу обобщающих работ, где обсуждались закономерности ее развития, особенности передачи технологий и т.д. Однако в этих построениях отсутствуют некоторые совокупные штрихи, которые позволяют придать целостность и завершенность картине развития металлургического производства.

Общая динамика этого развития давно и хорошо известна. Ее можно описать в виде нескольких основных трендов:

1) постоянный рост потребления металла, при этом предполагается, что это был вполне естественный процесс, и (тоже по общему мнению) с началом бронзового века металлургия оказывала заметное влияние на развитие общества благодаря большей эффективности металлических орудий (Рындина, Дегтярева 2002: 20–25);

2) постепенная смена типов используемого сырья, от самородной меди к чистым окисленным рудам, далее к рудам с рудовмещающей породой, затем к вторичным сульфидам и, наконец, к первичным сульфидным рудам. Существует понимание того, что указанные два тренда связаны, так как рост потребления металла удовлетворялся именно этим переходом на все более массовые и богатые сырьевые источники;

3) развитие типов легирования – от использования чистой меди к использованию мышьяковых, а затем оловянных бронз. Этот тренд всеми рассматривался в качестве изолированного, обусловленного внутренним развитием технологии, причем данные переходы, вызывающие изобретение новых типов легирования, объясняются случайными явлениями, например сходством легирующего компонента с какой-либо медной рудой, что повлекло его использование в плавке; получение металла с новыми качествами и закрепление этого навыка после осознания его полезности. Для Северной Евразии в качестве объяснения существования этапа мышьякового легирования используется идея о случайном открытии соответствующих руд на Таш-Казгане, который и способствовал существованию поздней части этого этапа в Северной Евразии, в то время как для более ранних мышьяковых бронз Восточной Европы предполагается кавказское происхождение (Черных 2007: 69, 81, 82).

Однако эта картина вполне логична лишь на первый взгляд, она надежно не подкрепляется материалом и существует лишь до тех пор, пока не подвергается процессу рефлексии и более строгого анализа. Работы М. Бартельхайма показали, что в Иберии, на Кипре и в Центральной Европе до II тыс. до н. э. металл не влиял на развитие общества (Bartelheim 2007). В принципе, мы знаем, что майя и ацтеки создали известные сельскохозяйственные цивилизации при довольно примитивном уровне развития металлургии. Обилие шанского металла в китайских музеях тоже не должно вводить в заблуждение. В земледелии металл стали применять лишь в раннем железном веке, до этого использовались каменные, костяные и деревянные орудия, которые и лежали в основе экономики ранней китайской цивилизации (Chang 1980: 149–150; Wagner 1993: 97, 144). Даже в военном деле использовалась сравнительно скромная доля от всего объема металла. Основная его часть находила применение в престижном и ритуальном контексте.

В условиях Северной Евразии, заселенной на севере охотниками и рыбаками, а южнее – скотоводами, не существовало причин, которые

могли бы способствовать развитию металлургии, так как появление отдельных металлических изделий никак не меняло условий ведения базовых отраслей хозяйства. Собственно, не существовало даже условий, мотивировавших обязательное использование металлических предметов. Несмотря на это, мы наблюдаем здесь те же три тренда, которые являются общими для всего Евразийского континента. Подобная ситуация может иметь лишь два объяснения: 1) существование универсальных законов, обусловивших идентичное развитие технологий даже в совершенно различных социально-экономических ареалах, и/или 2) постоянное заимствование технологий из одного ареала, где их развитие шло в соответствии с этими тремя вышеописанными трендами. На решение этой проблемы и направлена настоящая статья.

Связи социально-экономических процессов и универсальных физико-химических законов

На фоне очень контрастных обществ Евразии наблюдаемая картина довольно унифицированной динамики развития металлургического производства заставляет полагать, что причина этого кроется не в общественных законах, а в физико-химических, имеющих универсальный характер. Тем самым, развитие технологий может рассматриваться в качестве фрагмента антропного принципа, предполагающего существование законов Вселенной, предопределивших появление разумной жизни. Кроме того, если мы отрываем закономерности развития технологии от закономерностей развития общества, мы вынуждены предполагать существование имманентных причин технологического развития, т.е. допускать, что технологии способны развиваться по собственной логике, без каких-то внешних побудительных мотивов. Как это ни парадоксально звучит, если первый тезис представляется диким любому читателю, то второй принимается большинством без особого обсуждения. Так каковы же реалии этих странных связей?

Они довольно хорошо изучены и продемонстрированы статистически на больших выборках: повсеместно мы видим строгую корреляцию роста потребления металла с переходами на новые типы руд и лигатур (Grigoriev 2017, 2018). Важным фактором является форма присутствия медных минералов в месторождениях. В их поверхностных зонах встречаются небольшие фрагменты самородной меди, но основная часть руд здесь представлена окисленными минералами, такими как малахит и азурит. Ниже идет зона вторичного сульфидного обогащения с богатыми и легкоплавкими рудами типа халькозина или ковеллина. Еще ниже следует основной массив первичных сульфидных руд (халькопирит, борнит). Различается генезис месторождений, а также их рудовмещающие породы. Например, руды в ультраосновных породах

встречаются реже, они обычно более рассеянные и бедные, зато эти породы легче плавятся по сравнению с кислыми породами, такими как кварц. С другой стороны, руды в кварцевых жилах могут быть богаче.

Рост потребления металла стимулирует переход ко все более богатым месторождениям. Первоначально люди собирали самородную медь, потом стали брать чистые окисленные минералы и плавить их в небольших объемах. С началом плавки руды с рудовмещающей породой объемы добычи резко увеличиваются, и в плавку иногда попадают сопутствующие мышьяковые минералы, что способствовало улучшению свойств металла. Понимание этого привело к тому, что их стали добавлять к руде, не содержащей примесей мышьяка. Однако это было возможно лишь с рудами, полученными из легкоплавких пород преимущественно основного и ультраосновного состава, главным образом оксидов и гидроокислов железа.

С ростом объемов производства было необходимо расширять рудную базу, переходить на разные типы месторождений, в том числе в кислых породах и на сульфидные руды. Но на большой выборке евразийских шлаков мы видим, что в этом случае температуры плавок из диапазона 1200–1300°C смещаются в диапазон 1300–1500°C (Grigoriev 2017: 7). В результате этого в условиях интенсивной подачи кислорода формировался триоксид мышьяка, который при таких температурах улетучивается. Это исключало возможность получения легированных мышьяком сплавов и стимулировало переход к использованию олова.

Последнее обстоятельство коренным образом изменило ситуацию. Внедрение олова сделало возможным эксплуатацию богатых сульфидных месторождений, которые прежде были менее интересны, так как при большей сложности извлечения меди из этих руд было невозможно получить легированный металл. Вторым важным фактором становится само олово, так как его месторождения довольно редки, и оно транспортировалось на огромные расстояния. В результате формировались обширные торговые сети, и для того, чтобы быть включенным в них, было необходимо предложить на рынок какие-то свои товары. Во многих районах начинают эксплуатироваться более богатые месторождения, прежние забрасываются из-за потери рентабельности в новых условиях, а вовсе не потому, что их запасы истощились. Это хорошо видно по возобновлению добычи в последующую эпоху. И это происходит не только в экономически развитых регионах Восточного Средиземноморья, но и на Британских островах (O'Brien 2004: 572; Sperber 2004: 329; Weisgeber 2004: 23).

Распространение инноваций в металлургии

При обсуждении инноваций в металлургии следует иметь в виду некоторые важные обстоятельства. Это достаточно сложный комплекс-

ный процесс, где характер исходной руды связан со способами ее поиска, добычи, подготовки и технологии плавки, последующими способами легирования, литья и кузнечной обработки, с формами конечного продукта. Существует множество иных компонентов, тоже тесно переплетенных с вышеназванными: выбор материала для литейных форм, абразивов и молотов, подготовка этих орудий, использование флюсов, подготовка тиглей и льячек, выжиг древесного угля. Соответственно, передача традиций в этом сложном производстве была возможна лишь путем обучающего процесса, т.е. путем длительного непосредственного контакта технологического донора и реципиента. Обсуждение неких абстрактных влияний представляется на этом фоне абсолютно бессмысленным.

Распространение мышьяковых сплавов

Сплав меди с мышьяком был наиболее древним в человеческой истории. Его производство базировалось на различных технологических процессах: 1) плавке руд с высокой примесью мышьяка; 2) совместной плавке медной руды с мышьяковыми минералами; 3) плавке черновой меди вместе с порошком мышьякового минерала. Ведущими были первые два способа. Первый характерен для Ближнего Востока, Ирана и Иберии, где были распространены соответствующие руды. Если в качестве варианта этого легирования рассматривать сплав с сурьмой или сурьмой и мышьяком, то это характерно для Европы в течение значительной части раннего бронзового века (РБВ). Второй способ легирования известен на Ближнем Востоке и в синташтинской культуре Зауралья. В обоих случаях получение мышьякового металла осуществлялось на стадии плавки руды. Соответственно, заимствование этой технологии неотрывно от заимствования всего комплекса горно-металлургических операций, поэтому требует довольно глубоких контактов. Ранее всего эта технология легирования появляется в энеолите Ближнего Востока. Уже в энеолите наблюдается ее проникновение в Южную Европу, но в Европе, благодаря особенностям рудников, очень скоро происходит переход на плавки блеклых руд, дававших сплавы меди с сурьмой и мышьяком.

В Северной Евразии медно-мышьяковые сплавы появляются в ямной культуре РБВ, но масштабно они присутствуют в среднем бронзовом веке (СБВ), в катакомбной культуре. На мой взгляд, появление катакомбной культуры связано с миграциями с Ближнего Востока, что могло способствовать и проникновению этого типа легирования. Однако у нас нет сегодня реальных оснований обсуждать природу металла евразийского СБВ, так как почти отсутствуют следы плавки этого времени. Принято считать, что катакомбный металл привозился с Кавказа,

но это сложно проверить. Можно допускать и использование каких-то месторождений Северного Кавказа, но это могла быть плавка лишь очень чистых кусков окисленной руды, не оставляющая шлака. Даже для Европы с ее массовым производством подобного металла следы таких плавок единичны. В силу этой неопределенности у нас нет возможности для обсуждения путей инноваций этого периода. Определенность в этом вопросе появляется лишь в синташтинское время, когда с Ближнего Востока привносится технология получения мышьякового металла путем добавок соответствующих минералов на стадии плавки руд из ультраосновных пород. Но это заимствование технологии сопровождалось резким изменением всего комплекса материальной культуры и даже появлением анатолийских генов (Григорьев 2020: 24–31). Соответственно, в этом случае мы имеем дело с переносом технологии путем миграции.

Третий способ получения мышьяковых сплавов менее распространен. Он задокументирован в конце III тыс. до н.э. в культуре Сичэньи в провинции Ганьсу в Китае, но не исключено, что эта традиция присутствовала и на востоке Синьцзяна (Сяхэ). Возможно, в начале II тыс. до н.э. она проникает на восток в бассейн Хуанхэ, и я допускаю, что она существовала в окуневской культуре, хотя доказательств в этом случае уже нет (Григорьев 2022: 34–36, 38). Поэтому сложно обсуждать способы попадания данной традиции в Китай, но распространение ее из Ганьсу на Центральную Равнину могло сопровождаться некоторыми миграционными процессами, поскольку в это время в бассейне Хуанхэ появляются новые виды домашних животных (овцы), указывающие на западные импульсы, и происходят существенные культурные трансформации, когда на смену классическому неолиту Луншань приходят яркие комплексы типа Таосы и ранних слоев Эрлитюу.

Таким образом, распространение технологий мышьяковых сплавов является в действительности распространением всего комплекса взаимосвязанных металлургических операций. Поэтому его первичное появление в каком-то регионе обычно связано с приходом населения из региона, где этот комплекс существовал прежде.

Распространение олова

Распространение оловянного легирования имеет важное отличие. Оно производилось в металл, поэтому не было связано с определенной технологией плавки руды или с типом руды. Появление этой лигатуры вовсе не приводит к тому, что она начинает быстро распространяться. Примером является то, что оловянные лигатуры появились в Европе уже на стадии A1, по П. Райнеке, но широкое их распространение и увеличение степени легирования начинается лишь после того, как на

стадии A2b в Карпатский бассейн, а затем по всей Европе, распространилась с востока сейминско-турбинская традиция металлообработки. Следовательно, это проникновение не привело к первому появлению оловянного легирования, но способствовало созданию дополнительных условий, которые содействовали распространению данной технологии. Что-то подобное мы наблюдаем в этот период и в Китае. Первое появление оловянных сплавов фиксируется на западе, в провинции Ганьсу в конце III тыс. до н.э., вскоре они проникают в бассейн Хаунхэ, где подобный сплав единично отмечен в слое Эрлитоу II. Но лишь после проникновения сейминско-турбинской традиции в начале периода Эрлитоу III оловянные бронзы становятся массовыми (Григорьев 2022: 38). При этом они не становятся массовыми в Восточной Европе, где после появления сейминско-турбинской традиции многие изделия были изготовлены из чистой меди или мышьяковых сплавов, что справедливо объясняется удаленностью от оловянных источников (Черных, Кузьминых 1989: 189–192). То есть сама по себе сейминско-турбинская традиция не была чем-то таким, что предопределило широкое использование оловянных бронз, хотя ее распространение явно этому способствовало.

Реальные процессы были устроены гораздо сложнее. В предшествующую эпоху массовое использование оловянных бронз наблюдается только на Ближнем Востоке, и огромные караваны доставляли олово с востока в Ашшур, а оттуда в Анатолию, где торговлю металлами тоже осуществляли ассирийские купцы, привозившие в Анатолию также ткани и зерно. Олово было, в первую очередь, стратегическим товаром, обеспечивавшим поддержание отношений с анатолийскими правителями. Главным товаром, который везли в Месопотамию, было серебро, необходимое для торговых операций (Barjamovic 2011: 11–14). Поэтому в тот период олово и иные металлы, практически, не распространялись за пределы Ближнего Востока. Ситуация изменилась в XVIII в. до н.э., когда в результате блокировки горными племенами торговых путей через перевалы Загроса потоки олова стали направляться по южному пути через Сиппар в Мари, а оттуда в Левант, осуществлявший торговлю в Восточном Средиземноморье (Muhly 1973: 293, 294, 301). Это сделало осмысленным широкую эксплуатацию медно-колчеданных месторождений на Кипре, так как эту медь стало возможно легировать оловом (Grigoriev 2018: 22). Новая ситуация приводит к расцвету Кипра и Крита, через который осуществлялись торговые операции с Грецией, главным образом с Пелопоннесом (Wiener 2020: 281, 284, 285). Эти микенские влияния завершились в Среднеэлладском III формированием микенской цивилизации, которая с начала Позднеэлладского I вступает в интенсивные связи с Карпатами, куда перед этим проникла сейминско-турбинская традиция, и именно через Карпаты осуществляются микенские связи с широкими ареалами вплоть до Южной Англии и Се-

верной Европы, откуда на юг идут потоки янтаря. В последующий период в Европе формируется разветвленная система торговых связей, в результате которой количество металла и степень его легирования совершенно не зависели от расстояния до месторождений, везде доля оловянных бронз достигала почти 100%, хотя основные направления хозяйственной деятельности и стиль жизни принципиально не менялись с конца неолита. В это время в Европе происходят заметные социальные изменения с появлением укрепленных поселений, выделением элиты, и наблюдается резкий рост потребления металла. То есть мы имеем дело с двумя встречными взаимосвязанными процессами: появление оловянного легирования сделало возможным увеличение производства металла, а новая социальная реальность стимулировала рост потребления металла и внедрение новых типов руд и оловянных лигатур (Grigoriev 2018: 14–18).

В Северной Евразии эти процессы происходят медленнее, и в ослабленных формах, что, впрочем, не меняет их сути. Несмотря на то что технология оловянного легирования распространяется сейминско-турбинскими группами уже в синташтинское время, вероятно, формируются и связи с источниками олова на востоке, в степную среду эти новшества не проникают. То есть сама по себе возможность перехода на более передовые технологические принципы и в этом случае ни к чему не ведет. Расширение производства на огромные территории, охват им множества культур и разных типов месторождений привели к невозможности получения мышьяковых бронз тем же способом, как это имело место в синташтинское время. Но принципиальным стало продвижение с востока федоровских популяций, которые от Алтая доходят до Урала, способствуя формированию серии культур по лесостепной и лесной зонам Урала и Сибири, и влияния эти распространяются даже в Волго-Камский регион. Тем самым формируются массивы родственного населения, благодаря чему легирующие компоненты или легированный металл поступали далеко на запад, а также южнее в степь. Но в Северной Евразии в течение всего позднего бронзового века (ПБВ) мы наблюдаем иную картину, чем в Европе: доля легированного металла уменьшается по мере удаления от оловянных месторождений, но это уменьшение не пропорционально расстоянию. Оно зависит также от родства тех или иных культур, что показывает, что обмен носил племенной характер (Grigoriev 2017: 11, 12). Интересно то, что в ПБВ Восточной Европы, наиболее удаленной от алтайских источников олова, доля легированного металла колеблется от 0 до 25%, и из этого вовсе не следует, что данные сообщества были беднее, чем алакульское население Казахстана, скорее наоборот. Поскольку основным богатством, обеспечивавшим уровень жизни в евразийском бронзовом веке, был скот, восточноевропейские сообщества, владевшие богатейшими

пастбищами, были более зажиточными. Характер металла на это повлиять никак не мог, кроме тех случаев, когда какой-то коллектив занимался его массовым производством. И действительно, во многих случаях мы видим доминирование чистой меди в достаточно развитых обществах, например в иткульском, и это нисколько не сказывалось на его благополучии.

Однако этому противоречит то обстоятельство, что при исчезновении возможности получать мышьяковые сплавы население Северной Евразии стало переходить на оловянные. И по возможности это старались делать везде, хотя для базовой экономики общества такой переход был абсолютно несущественен. Это объясняется тем, что люди, познакомившиеся с удобствами легированного металла (орудия из него, действительно, более производительны), предпочитали использовать его, редко от него отказываясь. Но это возможно лишь в том случае, если затраты на данный металл не были чрезмерны, его производство и транспортировка были достаточно рентабельными. Должен был существовать еще один фактор: сообщества, чтобы быть включенными в эту сеть торговли металлами, должны были производить что-то для обмена. Соответственно, втягивание в торговлю даже с целью получения какого-то иного продукта, способствовало распространению олова и соответствующих технологий.

Тем самым, в обоих регионах мы видим парадоксальную ситуацию: широкому распространению какой-то инновации в металлургии способствовало вовсе не ее появление и не изменение экономической или социальной структуры отдельных сообществ, а формирование масштабных сетей торговли и обмена, в которые данные сообщества втягивались. При этом трудно назвать первопричину такого явления. С одной стороны, мы видим резкий рост потребления металла. Поэтому мы вправе выстраивать все ту же логическую цепочку связей: рост металлопотребления – использование более богатых месторождений – переход на оловянные лигатуры. Однако в ряде случаев цепочка связей явно обратная, поскольку только с внедрением олова, благодаря формированию глобальных сетей обмена, металлургия начинает оказывать влияние на развитие общества. Существует даже термин, претендующий на то, чтобы быть эквивалентом современному термину «глобализация» – «бронзовизация» (Vandkilde 2016: 103–123).

Рождение инноваций в металлургии

Приступая к обсуждению проблемы, каким образом новые технологии не распространялись, а впервые внедрялись в металлургическое производство, мы должны различить понятия «изобретение» и «инновация». Под первым следует понимать появление любой новой вещи

или технологии, а под вторым – лишь те из них, которые, благодаря реальным социально-экономическим потребностям общества, оказались внедрены и получили дальнейшую жизнь. В ходе любой металлургической операции вполне возможны отклонения, которые приводят к появлению чего-то нового. Например, при обсуждении изобретения мышьяковых или оловянных лигатур многие исследователи допускали случайное использование минералов, имеющих сходство с медными (Charles 1980: 172; Roberts, Thornton, Pigott 2009: 1017). Вполне возможно, что переход отковки к переплавке меди был связан со случайным попаданием ее в очаг. Но уже в этом случае мне представляется более логичным путь через использование технологий холодной, а затем горячейковки или сочетание случайной переплавки с этим путем. В принципе, подобные ситуации случайных изобретений возможны в любом регионе. Это отклонение от нормы, произвольная мутация, но ее закрепление как новой нормы является уже инновацией. Подобные мутации встречаются в истории металлургии неоднократно. Сюда можно отнести единичные случаи экзотических сплавов: латунь в неолитическом Китае или сплав меди с оловом в энеолите на Балканах (Fan et al. 2012: 821, 822; Radivojević et al. 2014: 237–247), и эти сплавы оказались на том этапе невостребованными.

Мы можем также предполагать, что переход к плавкам руды с рудовмещающей породой или от окисленных к сульфидным рудам мог иметь вполне эволюционный характер, когда по мере выработки месторождения менялся характер руды. И подобная инновация могла иметь место в любом регионе. Осознанным процессом являлось в данном случае лишь закрепление новых технологий в качестве инноваций. То же происходило и с внедрением мышьяковых сплавов. Почти наверняка первые такие сплавы имели случайный характер, т.е. мы можем рассматривать их в качестве технологических мутаций. Однако дальнейшее закрепление этой технологии было вполне целенаправленным. С внедрением олова металлургии получили возможность плавить руду различного типа. Поэтому в любом регионе эта новая технологическая традиция имела возможность закрепиться и стать инновацией. Равным образом, в любом регионе, куда была привнесена технология плавки руды, в силу определенной специфики рудной базы или любых иных причин могла осуществляться ее модификация, изменение конструкции печей и т.д. Главным вопросом в закреплении этих технологических «мутаций» в качестве инновации была именно необходимость этого для общества.

В некоторых случаях мы вполне можем допускать и более творческий подход, когда какое-то изобретение возникало не в результате случайного отклонения от технологической нормы, а в результате целенаправленного поиска решения какой-то проблемы. Очевидно, что к

подобной группе относятся инновации в металлообработке: создание новых типов литейных форм, изменение состава лигатур и способов кузнечной обработки. Вероятно, иногда целенаправленные коррекции технологии происходили и при плавке руды, когда приходилось использовать руды иного типа, например из кварцевых жил вместо более привычных руд из ультрабазитов. К сожалению, показать целенаправленность тех или иных инноваций в этом случае довольно сложно.

Подобные технологические изменения могли иметь место везде. Однако в большинстве регионов мы крайне редко наблюдаем появление инноваций, которые до этого не появились на Ближнем Востоке. В Северной Евразии к таким местным инновациям можно смело отнести переход к использованию руд в кислых породах, что позволило в ПБВ эксплуатировать более широкий спектр месторождений. Не исключено, что начало применения оксидов железа в качестве флюсов вытекало из опыта более легких плавок руд из основных и ультраосновных пород. И в этом случае мы тоже можем иметь дело с вполне осмысленной инновацией, которая могла независимо появиться в любом регионе. Но базовые технологии, такие как использование ультрабазитов в сочетании с мышьяковым легированием и оловянные лигатуры, прежде существовали на Ближнем Востоке и были явно привнесены оттуда. Роль Ближнего Востока как инкубатора передовых металлургических технологий была чрезвычайно высока. Это объясняется рядом причин. Количество плавок и объем металлургических операций были там колоссальны. Это обеспечивало большое число «мутаций», которые могли быть использованы для решения актуальных проблем. Важнейшим фактором было и то, что в III – начале II тыс. до н.э. ближневосточная торговля была частным и высококонкурентным предприятием. Поэтому проблема конкуренции и рационализации производства касалась всех отраслей, с ней связанных, что приводило к закреплению полезных мутаций и разработке каких-то иных изобретений, что в конечном счете завершалось появлением инноваций, распространявшихся в иные регионы.

Заключение

Основной причиной внедрения инноваций в древнем металлургическом производстве был рост металлопотребления, что стимулировало переход на новые типы руды, сплавов и внедрение новых технологий. Однако в большинстве случаев этот процесс не был целенаправленным, и мы можем выделить феномен «технологических мутаций», когда случайное отклонение от стандартной схемы вело к появлению чего-то нового (сплава, плавки иного типа руды и т.д.). В случае, если это отклонение соответствовало социально-экономическим потребностям

общества, происходила доработка и закрепление этого как технологической инновации.

Для древней металлургии мы можем выделить два основных типа трансфера технологий. Первый – это распространение технологий получения мышьяковых сплавов. Поскольку это было тесно связано с плавкой руды, выбором рудного сырья, последующими литейными и кузнечными операциями, речь идет о заимствовании сложного взаимопереплетенного технологического комплекса. Поэтому передача его в иные регионы могла осуществляться в результате непосредственных длительных контактов, как правило, миграций. С появлением оловянного легирования ситуация меняется. Передача навыков плавки новых типов руды могла осуществляться непосредственно в среде контактирующих или мигрирующих групп или разрабатываться на месте. Способы легирования и последующей кузнечной обработки легированного металла, вероятно, требовали обучающего процесса. Они могли передаваться вместе с передачей оловянного сырья, и это требовало прямых контактов¹. Но даже проникновение большого числа носителей этой традиции было недостаточно для ее утверждения в новом регионе в качестве технологической инновации. Обязательным условием было включение региона в сложную систему межрегионального обмена медью и оловом.

Универсальность для разных регионов Евразии основных трендов в развитии металлургии обусловлена обоими обсуждавшимися во введении факторами: универсальностью физико-химических законов, на которых базируется металлургия, и распространением большинства технологий с Ближнего Востока, где разработка инноваций была наиболее интенсивной.

Список источников

- Анкушев М.Н., Артемьев Д.А., Блинов И.А. Металлургия бронзового века на поселении Талдысай: руды, шлаки, легирование // Талдысай – поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи / отв. ред. Ж. Курманкулов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 72–93.
- Григорьев С.А. Миграционные процессы на Южном Урале при переходе к позднему бронзовому веку // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 24–31.
- Григорьев С.А. Развитие металлургии меди и медных сплавов в Китае во II тыс. до н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 31–43.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М.: МГУ, 2002.

¹ Интересное отклонение от этого мы наблюдаем в Центральном Казахстане на поселении Талдысай, где зафиксирована поэтапная смена мышьякового легирования оловянным. Причем первоначально легирование минералами олова осуществлялось на стадии плавки руды (Анкушев, Артемьев, Блинов 2020), что совершенно не характерно для легирования оловом, но было типично для легирования мышьяком.

- Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. М.: Наука, 2007.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Barjamovic G.A. *Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2011.
- Bartelheim M. Die Rolle der Metallurgie in vorgeschichtlichen Gesellschaften. Sozioökonomische und kulturhistorische Aspekte der Ressourcennutzung. Ein Vergleich zwischen Andalusien, Zypern und Nordalpenraum. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 2007.
- Chang K.C. *Shang Civilization*. New Heaven, London: Yale University Press, 1980.
- Charles J.A. *The Coming of Copper and Copper-Base Alloys and Iron: A Metallurgical Sequence // The Coming of the Age of Iron*. New Haven, London: Yale University Press, 1980.
- Fan X., Harbottle G., Gao Q., Zhou W., Gong Q., Wang H., Yu X., Wang Ch. Brass before bronze? Early copper-alloy metallurgy in China // *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 2012. № 27. P. 821–826.
- Grigoriev S. Social processes in Ancient Eurasia and development of types of alloys in metallurgical production // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2017. № 5(2). P. 17–44.
- Grigoriev S. Social processes in ancient Europe and changes in the use of ore and alloys in metallurgical production // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2018. № 7(2). P. 1–30.
- Muhly J.D. *Copper and tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Age*. Hamden: Archon Books, 1973.
- O'Brien W. *Ross Island. Mining, Metal and Society in Early Ireland*. Galway: National University of Ireland, 2004.
- Sperber L. Zur Bedeutung des nördlichen Alpenraumes für die spätbronzezeitliche Kupferversorgung in Mitteleuropa mit besonderer Berücksichtigung Nordtirols // *Alpenkupfer – Rame delle Alpi. Der Anschnitt. Beiheft 17*. Bochum: Deutsche Bergbaumuseum 122, 2004. S. 303–345.
- Radivojević M., Rehren T., Kuzmanovic-Cvetkovic J., Jovanović M. Why are there tin bronzes in the 5th mill. BC Balkans? // *Archaeotechnology: Studying Technology from Prehistory to the Middle Ages*. Prosveta: Belgrade: Prosveta, 2014. P. 235–256.
- Roberts B.W., Thornton C.P., Pigott V.C. Development of metallurgy in Eurasia // *Antiquity*. 2009. № 83. P. 1012–1022.
- Vandkilde H. Bronzization: The Bronze Age as Pre-Modern Globalization // *Præhistorische Zeitschrift*. 2016. № 91(1). P. 103–123.
- Wagner D.B. *Iron and steel in ancient China*. Leiden: Brill, 1993.
- Weisgeber G. Schmelzanlagen früher Kupfergewinnung – ein Blick über die Alpen // *Alpenkupfer – Rame delle Alpi. Der Anschnitt. Beiheft 17*. Bochum: Deutsche Bergbaumuseum 122, 2004. S. 15–36.
- Wiener M.H. *Helladic Greece from the Middle Bronze Age to c. 1350 BCE // From Past to Present. Studies in Memory of Manfred O. Korfmann*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2020. P. 279–332.

References

- Ankushev M.N., Artemyev D.A., Blinov I.A. (2020) In: *Taldysay – poselenie drevnih metallurgov pozdnebronzovogo veka v Ulytauskoy stepi (Taldysai – the settlement of ancient metallurgists of the Late Bronze Age in the Ulytau steppe)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, pp. 72–93.
- Barjamovic G.A. (2011) *Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.

- Bartelheim M. (2007) *Die Rolle der Metallurgie in vorgeschichtlichen Gesellschaften. Sozioökonomische und kulturhistorische Aspekte der Ressourcennutzung. Ein Vergleich zwischen Andalusien, Zypern und Nordalpenraum*. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag.
- Chang K.C. (1980) *Shang Civilization*. New Heaven, London: Yale University Press.
- Charles J.A. (1980) The Coming of Copper and Copper-Base Alloys and Iron: A Metallurgical Sequence. In: *The Coming of the Age of Iron*. New Haven, London: Yale University Press, pp. 151–182.
- Chernykh E.N. (2007) *Kargaly, tom V: Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiya; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provincij* [Kargaly, Volume V: Kargaly: phenomenon and paradoxes of development; Kargaly in the system of metallurgical provinces]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.
- Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)* [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka.
- Fan X., Harbottle G., Gao Q., Zhou W., Gong Q., Wang H., Yu X., Wang Ch. (2012) Brass before bronze? Early copper-alloy metallurgy in China, *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*, no. 27, pp. 821–826.
- Grigoriev S.A. (2017) Social processes in Ancient Eurasia and development of types of alloys in metallurgical production, *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, vol. 5, no. 2, pp. 17–41.
- Grigoriev S. (2018) Social processes in ancient Europe and changes in the use of ore and alloys in metallurgical production, *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, no. 7(2), pp. 1–30.
- Grigoriev S.A. (2020) Migracionnye processy na Yuzhnom Urale pri perekhode k Pozdnemu Bronzovomu Veku [Migration processes in the southern Urals at the transition to the Late Bronze Age], *Ural Historical Journal*, no. 4, pp. 24–31.
- Grigoriev S.A. (2022) Razvitie metallurgii medi i mednyh splavov v Kitae vo II tys. do n.e. [Development of metallurgy of copper and copper alloys in China in the 2nd millennium BC], *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, no. 2 (57), pp. 31–43.
- Muhly J.D. (1973) *Copper and tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Age*. Hamden: Archon Books.
- O'Brien W. (2004) *Ross Island. Mining, Metal and Society in Early Ireland*. Galway: National University of Ireland.
- Sperber L. (2004) Zur Bedeutung des nördlichen Alpenraumes für die spätbronzezeitliche Kupferversorgung in Mitteleuropa mit besonderer Berücksichtigung Nordtirols. In: *Alpenkupfer – Rame delle Alpi. Der Anschnitt. Beiheft 17. 122*. Bochum: Deutsche Bergbaumuseum, pp. 303–345.
- Radivojević M., Rehren Th., Kuzmanović-Cvetković J., Jovanović M. (2014) Why are there tin bronzes in the 5th mill BC Balkans? In: *Archaeotechnology: Studying Technology from Prehistory to the Middle Ages*. Belgrade: Prosveta, pp. 235–256.
- Roberts B.W., Thornton C.P., Pigott V.C. (2009) Development of metallurgy in Eurasia, *Antiquity*, no. 83, pp. 1012–1022.
- Ryndina N.V., Degtyareva A.D. (2002) *Eneolit i bronzovyy vek* [Eneolithic and Bronze Age]. Moscow: Moscow University press.
- Vandkilde H. (2016) Bronzization: The Bronze Age as Pre-Modern Globalization, *Præhistorische Zeitschrift*, no. 91(1), pp. 103–123.
- Wagner D.B. (1993) *Iron and steel in ancient China*. Leiden: Brill.
- Weisgeber G. Schmelzanlagen früher Kupfergewinnung – ein Blick über die Alpen. In: *Alpenkupfer – Rame delle Alpi. Der Anschnitt. Beiheft 17. 122*. Bochum: Deutsche Bergbaumuseum, pp. 15–36.
- Wiener M.H. (2020) Helladic Greece from the Middle Bronze Age to c. 1350 BCE. In: *From Past to Present. Studies in Memory of Manfred O. Korfmann*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, pp. 279–332.

Сведения об авторе:

ГРИГОРЬЕВ Станислав Аркадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Челябинск, Россия). E-mail: stgrig@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stanislav A. Grigoriev, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: stgrig@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19 декабря 2022 г.;
принята к публикации 22 июня 2023 г.*

*The article was submitted 19.12.2022;
accepted for publication 22.06.2023.*

Научная статья
УДК 39(571.5)+069
doi: 10.17223/2312461X/40/7

Рабочие золотых приисков Сибири на рубеже XIX–XX вв.: народническая музейная этнография и дискурс гибридности

Станислав Сергеевич Петряшин

*Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
s-petryashin@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется опыт изучения рабочих золотых приисков Сибири в Этнографическом отделе Русского музея Д.А. Клеменцем и А.А. Макаренко. Формирование такого необычного для этнографического музея интереса обусловлено народническим прошлым ученых и годами жизни в условиях сибирской ссылки. На материале этнографии приисковых рабочих автор демонстрирует, как критическая и эмансипаторная направленность народнической этнографии, выделявшая ее на фоне этнографии академической и «имперской», в Этнографическом отделе нашла выражение в дискурсе гибридности. Этот дискурс подчеркивал «смешанность» населения и подрывал тем самым ориенталистские культурные иерархии и националистический дискурс. Случай этнографии приисковых рабочих особенно интересен тем, что в нем «смешанными» оказались не только культуры и народы, но и разные социальные слои. Ключевым агентом гибридизации в этнографии Клеменца и Макаренко выступала природная и социальная среда Сибири, к которой рабочие золотых приисков, наряду с другими группами населения, были вынуждены адаптироваться. Благодаря приобретению коллекций предметов рабочего быта академическая и публичная репрезентация Сибири в музее стала более инклюзивной. Вместе с тем в определенных ситуациях дискурс гибридности в работах Клеменца и Макаренко мог сочетаться с ориентализмом и утверждением культурных иерархий. В первой части статьи рассматривается изучение Клеменцем и Макаренко приисковых рабочих в социально-экономическом ключе во время ссылки и последующей жизни в Сибири. Во второй части анализируется обоснование Клеменцем проекта этнографии приисковых рабочих в ЭО РМ и его реализация в коллекции № 563 Макаренко. Основными источниками для настоящей работы служат архивные документы из собраний Российского этнографического музея и Института восточных рукописей РАН, а также коллекционные описи РЭМ.

Ключевые слова: золотые прииски, Сибирь, гибридность, народничество, Этнографический отдел Русского музея, Д.А. Клеменц, А.А. Макаренко

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Петряшин С.С. Рабочие золотых приисков Сибири на рубеже XIX–XX вв.: народническая музейная этнография и дискурс гибридности // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 141–166. doi: 10.17223/2312461X/40/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/7

Workers of Siberian gold mines at the turn of the 19th–20th centuries: populist museum ethnography and the discourse of hybridity

Stanislav S. Petriashin

*Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russian Federation;
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation,
s-petryashin@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the study of gold mine workers of Siberia in the Ethnographic Department of the Russian Museum by D.A. Klementz and A.A. Makarenko. The formation of such an unusual for an ethnographic museum topic is conditioned by the “populist” past of researchers and years lived in the Siberian exile. Using the material of the ethnography of mine workers, I want to demonstrate how the critical and emancipatory orientation of populist ethnography, which distinguished it from academic and “imperial” ethnography, found expression in the late imperial discourse of hybridity in the Ethnographic Department. This discourse emphasized the “mixture” of the population and thereby undermined Orientalist cultural hierarchies and nationalist discourse. The case of the ethnography of mine workers is especially interesting in that not only cultures and peoples, but also different social strata turned out to be “mixed”. The key agent of hybridization in the ethnography of Klementz and Makarenko was the natural and social environment of Siberia, to which gold mine workers and other groups of populations had to adapt. The acquisition of collections on everyday life of mine workers made academic and public representation of Siberia in the museum more inclusive. At the same time, under the certain circumstances the discourse of hybridity in the works of Klementz and Makarenko could be combined with Orientalism and the assertion of cultural hierarchies. The first part of the paper examines the study of mine workers by Klementz and Makarenko in a socio-economic key during exile and living in Siberia. The second part analyzes the substantiation of the project of ethnography of gold miners in the ED RM by Klementz and its implementation in the Makarenko collection no. 563. The sources for this work are archival documents from the collections of the Russian Museum of Ethnography and the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, as well as the main collection inventories of the RME.

Keywords: gold mines, Siberia, hybridity, populism, Ethnographic Department of the Russian Museum, D.A. Klementz, A.A. Makarenko

Acknowledgements: The research was conducted with support from the Russian Government, grant № 075-15-2021-611 “Humanity in the changing space of the Urals and Siberia”.

For citation: Petriashin, S.S. (2023) Workers of Siberian gold mines at the turn of the 19th–20th centuries: populist museum ethnography and the discourse of hybridity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 141–166 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/7

Введение

В 1904 г. этнограф и фольклорист Алексей Алексеевич Макаренко совершил экспедицию в Енисейскую губернию продолжительностью

пять месяцев¹. По итогам экспедиции в Этнографический отдел Русского музея (ЭО РМ) поступила коллекция из 810 предметов и 120 фотографий, представляющая собой энциклопедию крестьянской жизни русского-сибиряка (Отчет... 1905: 14). Среди привезенных вещей выделяется комплекс из 46 предметов, зарегистрированный как коллекция № 563. Эта коллекция включает в себя одежду, дорожные принадлежности и орудия труда рабочих золотых приисков Южно-Енисейского и Северно-Енисейского горных округов. Этой же теме посвящены две фотографии Макаренко из экспедиции 1904 г., на которых изображены двое рабочих в одежде для дальней дороги (№ 773-14) и группа рабочих с семьями, возвращающихся по Ангаре с золотых промыслов Олекминского горного округа (№ 773-82)². Для этнографии рубежа XIX–XX вв. такой интерес к золотым промыслам был совершенно не характерен. На фоне других коллекций Этнографического отдела по классическим темам крестьянской этнографии эта коллекция также сильно выделялась. Почему же Макаренко собрал и привез эту коллекцию, почему она была принята в собрание музея? Как в музее появился интерес к золотым промыслам и в чем он состоял?

Для ответа на этот вопрос следует вспомнить о народническом прошлом и сибирской ссылке, через которую прошел не только Макаренко (в 1886–1897 гг.), но и немногим ранее Дмитрий Александрович Клеменц (в 1881–1886 гг.) – заведующий ЭО РМ с 1902 по 1909 г. Именно в ссылке началось превращение революционеров в известных ученых-этнографов, сотрудников ведущих этнографических музеев страны.

Феномен ссыльной народнической этнографии обращал на себя внимание многих историков науки. Для настоящей статьи особенно интересен ряд работ, в которых народническая этнография рассматривается в перспективе постколониальных исследований (Ssorin-Chaikov 2008; Glebov 2013; Панченко 2018; Saburova 2020). Исследователи справедливо считают, что этот феномен однозначно не вписывается в рамки устоявшейся в историографии интерпретации антропологии/этнографии как колониальной, имперской науки. Тем самым на материале народнической этнографии продолжается дискуссия о применимости концепции ориентализма и постколониальной теории к российской истории и, в частности, к востоковедению и этнографии (Clay 1995; Cambell 2002; Найт 2005; Халид 2005; Tolz 2011; Эткинд 2013; Ориентализм 2016; Схиммельпэннинк ван дер Ойе 2019 и др.).

Исследователи единодушны в том, что ссыльных народников нельзя рассматривать как агентов имперской власти. Наоборот, они нередко выступали адвокатами местных сообществ и критиками государственных порядков. Свой «революционный» заряд народники сохраняли, выполняя этнографические, статистические, исторические и другие исследования по заказу государственных институтов. Методологическим

основанием как для социальной критики, так и для интерпретации этнографических материалов, как правило, служил эволюционизм. Классическим примером здесь выступают рассмотренные С. Глебовым труды «Сибиряковской экспедиции»³ (Glebov 2013). В духе своего времени народники видели себя представителями цивилизации в диких краях, чей долг – нести просвещение местным жителям, отставшим в своем развитии от Европы. Соответственно, и их научные работы были во многом проникнуты «имперским» – ориенталистским, аллохроническим – дискурсом (Fabian 1983; Саид 2006). Экзотизирующий взгляд на Сибирь и ее коренные народы был присущ и народнической этнографической фотографии (Saburova 2020). Вместе с тем, как подчеркивает Н. Ссорин-Чайков, не все народники руководствовались эволюционизмом. На примере А.Я. Ефименко и Ф.А. Щербины он показал, как ссыльные исследователи историзировали русскую общину, отказываясь видеть в ней «окаменелость» прошлого и примордиальный социальный институт. В отличие от «имперских» этнографов народники, согласно Ссорину-Чайкову, воспринимали образ жизни других культур – будь то русские крестьяне или сибирские «иностранцы» – как альтернативу западному модерну, народное предвосхищение социализма. Впрочем, это восприятие могло не распространяться на народы, живущие за границей. Так, О.А. Милевский и А.Б. Панченко продемонстрировали, что Д.А. Клеменц, когда касался в своей публицистике пограничных областей Центральной Азии, обычно выступал в роли «правительственного» этнографа, отстаивающего интересы государства. В то же время по отношению к народам, живущим в России, он до конца жизни оставался «интеллигентом-народником», по мере сил защищающим людей от произвола властей (Милевский 2015; Панченко 2018).

В настоящей работе я хочу показать, что отмеченный выше критический и эмансипаторный потенциал народнической этнографии при ее включении в поле академической музейной этнографии обрел форму позднеимперского дискурса гибридности. Согласно И. Герасимову, С. Глебову и М. Могильнер (2017), «эпистема гибридности» воплощалась в практиках описания разнообразия населения через тропы смешения и скрещивания и тем самым дестабилизировала самодержавный политический режим, культурные иерархии и гегемонный дискурс национализирующейся империи. Гибридная музейная этнография Клеменца и Макаренко, однако, не ограничилась профильной для дисциплины фиксацией «смешения» и взаимовлияний народов, но также поставила вопрос гибридности разных социальных слоев внутри одного народа. Именно здесь свою значимость раскрывает случай этнографии русских приисковых рабочих Сибири. Основным агентом гибридизации в работах Клеменца и Макаренко выступало пространство – природная и социальная среда (в случае приисковых рабочих – Сибири), к

которой люди были вынуждены адаптировать свою культуру и образ жизни. История коллекции предметов приискового быта поможет увидеть, как свойственный народникам интерес к социально-экономической проблематике и «субальтернам», уязвимым группам населения был интегрирован в академическую этнографию и, таким образом, сделал ее более открытой и инклюзивной.

В первой части статьи показано изучение Клеменцем и Макаренко приисковых рабочих в социально-экономическом ключе во время ссылки и последующей жизни в Сибири. Во второй части анализируется обоснование Клеменцем проекта этнографии приисковых рабочих в ЭО РМ и его реализация в коллекции № 563 Макаренко.

Социально-экономический быт золотых приисков

Прежде чем поехать в Енисейскую губернию этнографом, Алексей Макаренко (1860–1942) прожил там 11 лет как политический ссыльный. В начале 1880-х гг. он, будучи учеником Харьковского реального училища, примыкает к народническому движению и вливается в пропагандистскую деятельность среди рабочих и крестьян, трудится наборщиком в нелегальной типографии. Макаренко арестовывают в 1885 г. и в следующем году высылают в Сибирь (Иванова 2015: 248–250). Восемь лет жизни в селе Ужур Ачинского округа Енисейской губернии стали для него формирующими⁴. Макаренко сильно сблизился с местными жителями, начал писать публицистические очерки из местной жизни, собирать этнографические коллекции для Минусинского музея Н.М. Мартянова и материалы для опубликованных уже позже научных работ. Не менее важен был опыт организации вместе с шестью другими политическими ссыльными земледельческой коммуны (1887–1893 гг.), который был подробно описан в автобиографическом очерке «Пахота наша в Сибири» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246).

Именно в Ужуре Макаренко впервые соприкасается с темой приискового быта. Эта тема регулярно возникала во время импровизированных бесед с местными крестьянами, которые народники использовали для «культурно-воспитательного воздействия на психологию и самосознание ужурян» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Л. 130). По словам Макаренко, бедняки и батраки, искавшие счастья на золотых промыслах, «страстно рассказывали о пережитых мытарствах на приисках, давших им в итоге чрезмерно натушливой работы переломленный грош и сплошное мученье» (Л. 127). Бывшие рабочие жаловались народникам на тяжелый 12–15-часовой труд, заниженные оценки проделанной работы, произвольно повышенные штрафы, издевательства над личностью, избиения и даже убийства со стороны золотопромышленников и их приказчиков. Рассказы бывших приисковых рабочих производили

сильное впечатление на односельчан, вызывали сочувствие к пострадавшим и осуждение преступных деяний «властьимущих». По ходу разговора Макаренко с друзьями отталкивались от этой безрадостной картины приисковой жизни и переходили к обобщению «системы эксплуатации рабочих капиталистами, крайней их зависимости от фабрикантов-заводчиков и владельцев золотоносных приисков». Пропагандистская беседа завершалась объяснением целей и задач борьбы крестьян и рабочих против капиталистов, помещиков и существующей власти (Л. 129–130). По воспоминаниям П.К. Пешкорова, товарища Макаренко по сельскохозяйственной коммуне, они знакомили местных жителей с русским революционным движением, рассказывали о положении рабочего движения в Европе и «наводили мысль слушателей на общие принципиальные вопросы» (цит. по: Иванова 2015: 252).

Иллюстрацией тяжелой и опасной жизни приискового рабочего может служить судьба знакомого Макаренко ужурского крестьянина – Ивана Андреевича Ананьина. Ему в наследство досталось расстроенное хозяйство, из-за которого он не мог завести семью и с трудом содержал престарелых родителей с сестрой. Ссылные народники сняли у него квартиру, купили семенную пшеницу и арендовали землю для занятия сельским хозяйством. Вскоре после этого Ананьин, чтобы поправить свое положение, решил отправиться на Олекминские золотые промыслы: «“Проработаю год-два и вернусь с деньгами”, говорил он, “а не повезет, вернусь к дому, если к тому времени не развалится, либо совсем не вернусь”» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Л. 149–149 об.). Домой он уже не вернулся и, по дошедшим впоследствии слухам, умер на золотых приисках.

Рассказы ужурских крестьян о тяготах приисковой жизни, вероятно, отразились в публицистическом очерке Макаренко «Эпизод из приисковой жизни Восточной Сибири (сказочная быль)», опубликованном в оппозиционной томской «Сибирской газете» (Приискатель 1888). В нем автор обличает эксплуатацию рабочих золотопромышленником Мордобийщиковым на приiske Зловещем. Говорящее имя и название прииска отражают характер случившихся событий. Мордобийщиков не закупил вовремя хлеб для питания рабочих и жестоко избил одного из забойщиков. После этого недовольные рабочие решили уйти с прииска и подать жалобу на «хозяина», из-за чего разгорелся громкий скандал. Вскоре, впрочем, скандал затих, так как рабочие по какой-то причине перестали отстаивать свои права. Макаренко не выдавал себя за свидетеля произошедшего, но четко солидаризировался с рабочими, подписав очерк псевдонимом «Приискатель», т.е. приисковый рабочий⁵. Иронический фольклоризм в определении очерка как «сказочной были» ставит его самого как автора в позицию «сказочника», который говорит о реальном случае, но с чужих слов и в иносказательной форме

(имя золотопромышленника и название прииска вымышленные). Вся «быль» в конечном счете оказывается «сказкой» также и потому, что скандальная история закончилась ничем: справедливость не восторжествовала, виновные не понесли наказания и условия работы на прииске, по-видимому, остались прежними.

По воспоминаниям Макаренко, летом 1888 г. он познакомился с Клеменцом. Последний возвращался с женой из экспедиции в Ачинский округ Енисейской губернии и решил заехать в Ужур к ссыльным народникам. О них он мог знать через общих знакомых в Минусинске, в частности через заведующего Минусинским музеем Н.М. Мартьянова (Макаренко 1917: 316). В Ужуре Клеменц пересказывал ссыльным революционерам мировые новости, говорил о целях и результатах своих экспедиций. Кроме археологии и геологии, речь шла и о задачах изучения современного сибирского населения (Макаренко 1917: 317). В это время Клеменц активно занимался исследованием социально-экономического положения приисковых рабочих, что должно было заинтересовать Макаренко, опубликовавшего свой очерк о рабочих в июне того же года. Клеменц, в свою очередь, должен был увидеть в нем человека, увлеченного этнографией и в частности темой приисковых рабочих. Впоследствии Макаренко занимался преимущественно этнографией сибирского крестьянства, но тема рабочих золотых промыслов продолжала его волновать. В 1892 г. он вызвался в качестве ямщика сопровождать крестьянский обоз на золотые промыслы Южно-Ачинской тайги. Летом 1899 г., уже освободившись из ссылки, Макаренко поехал в Южно-Енисейскую тайгу «для ознакомления с техникой горного дела и жизнью рабочих на золотых промыслах» (Макаренко 1913: III). Там же он, чтобы на себе прочувствовать приисковую жизнь, проработал два дня на вашгерде⁶. Стоит отметить, что он, вероятно, посещал те же самые прииски, что и Клеменц десятью годами ранее – прииски по рекам Татарка, Боровая и Мурожная.

Дмитрий Клеменц (1848–1914) к моменту знакомства с Макаренко уже был широко известен и как революционер, и как ученый. В 1870-е гг. он был видным членом ряда народнических кружков и обществ, входил в редакции нелегальных изданий, занимался пропагандой среди рабочих и крестьян, организовывал побег политических заключенных. Кроме политики он также увлекался естественными и социальными науками. У него было хорошее, пусть и незаконченное образование (математический факультет Казанского и Санкт-Петербургского университетов), опыт прослушивания лекций в европейских университетах во время вынужденной эмиграции и склонность к постоянному самообразованию. В 1879 г. он был арестован и в 1881 г. сослан в Минусинск на пять лет. На спаде революционного движения 1870-х гг. он отошел от политики и занялся наукой при краеведческом музее Мартьянова. После

публикации «Древностей Минусинского музея» в 1886 г. он стал известным даже за пределами России археологом. Еще во время ссылки он начал ездить в экспедиции от музея с целью комплексного изучения края. Он делал этнографические наблюдения, описывал археологические памятники, чертил географические карты, собирал гербарии и образцы горных пород.

Вскоре после окончания ссылки золотопромышленник и меценат И.М. Сибиряков предложил ему заняться социально-экономическим и геологическим исследованием приисков юга Енисейской губернии и прилегающих районов с целью предложения мер по улучшению положения рабочих и совершенствования добычи золота. Клеменц с воодушевлением согласился и на протяжении 1886–1890 гг. занимался их изучением, не прекращая, впрочем, и работ в области археологии. Итогом стала неизданная рукопись «Об экономическом положении приисковых рабочих». Работа была наполнена критическими замечаниями относительно условий жизни и работы на приисках, из-за чего ее было трудно опубликовать в легальной печати. Помешала этому и занятость Клеменца на должности правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1891–1894 гг. (Милевский, Панченко 2017: 427).

В своей работе Клеменц стремился продемонстрировать, сколько зарабатывает приисковый рабочий, «как питается, сколько труда несет он там, повышается ли благосостояние этого рабочего от золотопромышленных работ, каковы его права и обязанности, а также что за народ идет на промыслы там, каких сословий и каких возрастов» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 9). Исследовано было 258 приисков Мариинского и Кузнецкого округов Томской губернии, Ачинского, Минусинского округов Енисейской губернии, часть приисков Южно-Енисейской тайги и Усинского пограничного округа (Федорова 1983: 84). В качестве основных источников он привлекал контракты и расчетные книжки рабочих, данные Томского статистического комитета, материалы анкетирования золотопромышленников, а также свои собственные экспедиционные наблюдения.

К концу XIX в. богатые месторождения на изученных Клеменцом территориях были практически исчерпаны, поэтому характер промысла сильно поменялся. В 1880-е гг. стали доминировать мелкие золотопромышленные хозяйства, разрабатывающие «скудные россыпи маленькими командами» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 27 об.). Также он убедился в том, что поменялся состав приисковых рабочих. Если раньше они набирались преимущественно из ссыльных поселенцев, то теперь в рабочие шли разорившиеся крестьяне (Федорова 1983: 87). Кроме того, среди приисковых рабочих Клеменц иногда встречал представителей местных полукочевых «инородцев», испытавших сильное рус-

ское влияние и «с кайлой и ломом в руках добывающих свой хлеб» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 15 об.). Золотые прииски, таким образом, представляли местом контакта и взаимовлияния как разных культур, так и разных социальных слоев.

Интересны описания типичной биографии приискового рабочего, его отношений с начальством и другими рабочими. В этом вопросе Клеменц мог опереться только на свои этнографические наблюдения. Попадая на прииск в возрасте около 22 лет, рабочий ходил несколько лет в «возчиках» – помощниках «забойщика», а потом и сам переходил в забой: «Лет до 40 он бодро несет свою голову, зарабатывает хорошо. К 40 годам усталость, ревматизмы, периодическая цинга указывают доброму молодцу, что изнасилась прежняя сила» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 9 об.). Вскоре его переводят на более легкие работы, но и там он уже не успевает вырабатывать норму. Как среди рабочих, так и среди начальства падает авторитет старого рабочего. Если раньше ему охотно давали в долг в приисковой лавке, откладывали для него лучшие вещи, то теперь его встречают бранью: «Здравствуй стары хрыч! Чего надобно?» (Л. 10). К 50 годам рабочий рад попасть в караульщики на прииске или дворники. «Дряхлый сторож деревенской поскотины, сгорбленный, еледвигающий ноги, протягивающий руку за пяточком, нищий – вот лучшая судьба тех, кто пережил после приисковой каторги пятый десяток» (Л. 10 об.).

Такая незавидная судьба была закономерным следствием сложившихся на приисках неравноправных отношений между золотопромышленниками и рабочими. Хозяева приисков манипулировали ценами в своих магазинах, объемом «уроков» (дневной нормой выработки), размерами штрафов и загоняли рабочих в долговую кабалу. Скрупулезный анализ рабочих контрактов позволил Клеменцу утверждать, что они защищали преимущественно права и интересы золотопромышленников. Например, если содержание драгоценного металла в золотоносных песках было небольшое, то промышленник мог, не спрашивая рабочего, перевести его в «золотничники» – так назывались мелкие арендаторы со сдельной оплатой труда. При этом, по мнению исследователя, «все невыгодные стороны арендаторского положения здесь соединяются с невыгодами положения контрактного рабочего, а именно: он должен выполнять урочную работу, время выхода на работу обязательны для такого золотничника как и для общего, контрактного рабочего» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 48 об.). В конечном счете, золотничник лишался более-менее стабильного заработка и становился заложником удачи: «...добыл золотник – он получает за него плату, не добыл, проработал даром» (Л. 48 об.). В качестве одного из следствий такого порядка Клеменц отмечал развитие нелегального старательства. Еще больше его возмущало право золотопромышленника по своему

усмотрению «продавать» рабочего другому промышленнику. В духе эволюционизма он расценивал такое право как «переживание» крепостнических порядков и «живое воспоминание» эпохи, когда прииски комплектовались каторжниками (Л. 37).

В своей критике приисковой жизни Клеменц и Макаренко, конечно, не были одиноки. Похожие взгляды, пусть и в более сглаженном для легальной печати виде, регулярно высказывались в сибирской демократической печати. Публицисты обвиняли золотопромышленность в том, что она превращает многих старателей в калек, пьяниц и нищих, выкачивает рабочие руки из других областей промышленности, отрывает мужчин от земледелия, семьи и сельской общины (Бушина 2006: 83). Золотая промышленность, как считалось, была локомотивом модернизации и способствовала развитию капитализма – работы по найму и товарного рынка, прежде всего продовольственного. Как следствие, крестьянская община расслаивалась: одни богатели на торговле зерном и мясом для приисков, а другие беднели и, чтобы свести концы с концами, были вынуждены наниматься в батраки или уходить на прииски. Николай Ядринцев писал, что «население обольщалось задатками, а рабочие спаивались при входе и выходе с приисков; от этого явилось не лишенное основания мнение, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка» (1884: 19–20).

Несмотря на это, нельзя было не отметить, что работа на прииске расширяла кругозор сибирского крестьянина и в какой-то мере способствовала преодолению «умственного застоя» замкнутого натурального хозяйства. Сам Макаренко в отчете об экспедиции 1904 г. утверждал, что исследованные им Маклаковская и Казачинская волости «заметно эволюционировали в образе жизни, в привычках к одежде и отчасти в сельскохозяйственной жизни» из-за близости торгово-почтового тракта Красноярск-Енисей и, парадоксально, благодаря «разлагающему влиянию енисейской золотопромышленности» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Л. 9).

Таким образом, можно утверждать, что устойчивый интерес к быту рабочих золотых приисков появился у Клеменца и Макаренко вследствие сибирской ссылки. Если для Макаренко, продолжавшего в ссылке какое-то время революционную деятельность, тема приисковой жизни была, прежде всего, хорошим материалом для политической пропаганды, то для ушедшего в науку и публицистику Клеменца эта тема стала предметом прикладного исследования. Объединяли их социально-критическая позиция, стремление улучшить положение рабочих и внимание к наиболее актуальным и насущным проблемам. В своем изучении народной жизни они были холистами и считали необходимым понять ее во всей полноте. Народническое исследование выходило за рамки узкодисциплинарных интересов академической этнографии и свободно перетекало в смежные науки – фольклористику, лингвистику, археологию, социологию, статистику, экономику, географию.

Гибридная этнография золотых приисков

В 1899 г. Макаренко вернулся из сибирской ссылки и поселился в Петербурге. Он не поменял своих убеждений, участвовал в политических демонстрациях (за что подвергался краткосрочным арестам), но свою жизнь стремился связать с наукой (Иванова 2015: 260–261). Здесь же произошла его вторая встреча с Клеменцом, который по протекции В.В. Радлова в 1897 г. был устроен сотрудником Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук (далее – МАЭ) (Решетов 1998: 83). По воспоминанию Макаренко, Клеменц однажды устроил ему экскурсию по МАЭ, «вдаваясь местами в подробные объяснения некоторых этнографических коллекций» (Макаренко 1917: 318). Из музея он уже вышел «другом музея», заинтересованным музейной этнографией человеком.

В 1900 г. Макаренко становится членом-сотрудником Русского географического общества, а в 1902 г. по совету академика В.И. Ламанского обращается к Клеменцу с предложением своих услуг. К этому времени научная карьера Клеменца достигла своего пика – он уволился из МАЭ, где занимал должность старшего этнографа, и стал заведующим ЭО РМ. Вскоре Макаренко был трудоустроен регистратором музея, позже – постоянным сотрудником. Клеменц способствовал трудоустройству в этнографических музеях столицы и других ссыльных народников, в частности В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга (Решетов 1998: 86–87). Несмотря на успешную карьеру в столичных музеях, он оставался верен идеалам молодости, примыкал к умеренному народничеству и участвовал в общественной жизни в качестве оппозиционного публициста и эксперта на суде над бурханистами (Милевский, Панченко 2017: 574–76, 626–647).

Назначению Клеменца заведующим ЭО РМ предшествовали учредительные совещания 1901 г. под председательством управляющего Русским музеем Великого князя Георгия Михайловича. Совещания были организованы для разработки концепции будущего этнографического музея, и к ним было привлечено множество известных российских ученых: Н.П. Кондаков, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, В.В. Радлов, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, И.И. Толстой, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Стасов, Д.А. Коропчевский, А.Н. Харузин, Н.М. Мартыянов и Д.А. Клеменц, в статусе старшего этнографа МАЭ (Шангина 1998: 98). Именно в дискуссиях на этих совещаниях Клеменц сформулировал программу изучения и музейной репрезентации русского народа и – в качестве особой подгруппы – рабочих золотых приисков.

Одним из важнейших для устройства музея вопросов был принцип распределения в экспозиции коллекций, для чего была образована специальная подкомиссия. Все члены подкомиссии, включая Семенова-

Тян-Шанского и Клеменца, согласились с тем, что коллекции должны быть распределены по географическому принципу, но конкретные предложения по его реализации сильно отличались друг от друга. По проекту Семенова-Тян-Шанского, принятого подкомиссией, страна должна была быть подразделена на 21 область, в рамках которых и должны быть представлены народы. При этом допускалось, что крупные народы могут быть показаны в нескольких областях. Так, Семенов-Тян-Шанский предлагал показывать русских во всех выделенных им «историко-географических областях» России вместе с другими народами, демонстрируя тем самым их значимость и доминирующее положение: «...русские, которые были всегда в борьбе и завоевывали страны, развили такую колонизацию, какой не развило ни одно государство в мире <...>. Входя в известную область <залу>, как бы она мала ни была, я должен видеть русское племя и около него сгруппированные мелкие, по сравнению с ним, инородческие племена, и тогда видно будет то влияние, которое русское племя имело на инородцев» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 76).

Клеменц с решением подкомиссии не согласился. По его мнению, такое размещение коллекций превратило бы «Всероссийский» этнографический музей в сумму «местных музеев», посвященных тому или иному региону, что было бы крайне неудобно для организации научной и фондовой работы. В качестве альтернативы Клеменц представил свое «особое мнение». Ссылаясь на западных этнологов (вероятно, прежде всего на последователей антропогеографии Ф. Ратцеля), он предложил выделять культурно-географические области на основании отношения между человеком и природой. Соответственно, под культурой он понимал «приспособление к природным условиям жизни, определяющим быт и занятия большинства населения, массы народа» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 54 об.). Территорию России Клеменц подразделил на четыре основные культурно-географические области: 1) северная полярная тундра – культуры «олени и собаки»; область умеренного климата – «оседлой жизни, земледелия и возделывания хлебных злаков»; 3) область «степей, переходящих в пустыню – область кочевников»; 4) область «теплых стран, где помимо земледелия процветают садоводство, виноградарство, шелкопрядство» (Л. 54–54 об.). Применительно к задачам музея эта схема немного адаптировалась за счет разделения второй области на две. Первая область умеренного климата включала в себя «русские племена» и «наиболее развитых инородцев», в то время как вторая область должна была показывать «восточных оседлых инородцев» – различные переходные формы от кочевого образа жизни к оседлому. К получавшимся пяти культурно-географическим областям добавлялись еще пять областей, охватывающих пограничные с Россией регионы от Балкан до Японии.

В соответствии с этим членением коллекций русский народ, по Клеменцу, следовало показывать в рамках одной культурно-геогра-

фической области (умеренный пояс с доминированием земледелия): «Русские племена и прежде всего Великоруссы показали свои громадные колонизаторские способности. Приспосабливаясь к местным условиям, они сумели сохранить свою индивидуальность. Научный интерес этого явления громаден. Если мы возьмем Великорусское племя и распределим его в географическом порядке от границ Белоруссии и Малороссии через центральные губернии на восток до Урала, перейдем за Урал, и будем постепенно подвигаться на восток, перед нами пройдут все постепенные изменения быта, приспособлений и образа жизни русских» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 55). Культурное влияние русских на другие народы, согласно Клеменцу, могло быть продемонстрировано при помощи экспонирования в «иностранческих» залах заимствованных ими у русских вещей, а также показа бытовой обстановки метисных групп. В этом предложении исследователь, вероятно, отзывался также на дискуссии о «вымирании иностранцев» под напором цивилизации и «обынородчивании» русских сибиряков (Сандерленд 2005).

В рамках данной схемы по репрезентации русского народа возникла и тема золотой промышленности. Клеменц отмечал, что на юге Сибири к земледельческим занятиям русского сибиряка, лесным промыслам и охоте присоединяется «обширное табунное скотоводство и отчасти совершенно новый народный промысел, хотя и преследовавшийся до последнего времени, – мелкая золотопромышленность» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 57.)⁷. В этом контексте золото оказывается таким же природным ресурсом, как лес с его древесиной и охотничьими угодьями, плодородные почвы и степи, а освоение золотых месторождений – одной из форм адаптации русского народа к пространству Сибири. Приисковый быт в этой экологической перспективе есть не что иное, как региональная вариация русской народной культуры. Вместе с тем у Клеменца приисковые рабочие представлены как иллюстрация «громадных колонизаторских способностей» русского народа – его способности к приспособлению к разным географическим условиям и доминированию над другими народами («иностранцами»).

Такие выводы были отчасти подготовлены исследованиями Клеменца приискового быта в 1880-х гг. Как было показано выше, прииски южной Сибири в это время осваивались небольшими золотопромышленными командами, нелегальными старателями или арендаторами-«золотниками». В рабочие шли уже не ссыльные поселенцы, а преимущественно местные крестьяне. Все это позволило Клеменцу «этнизировать» приисковых рабочих и представить их достаточно «русскими» для превращения в легитимный объект этнографического изучения.

Хотя «особое мнение» Клеменца и не было принято коллегами по учредительным совещаниям, заложенная в него концепция в определенной степени нашла свое воплощение в музейной работе, так как

именно Клеменц в итоге был назначен заведующим Этнографическим отделом. По словам Макаренко, эта концепция явилась «тем фундаментом, на котором и создавался этот Отдел, как хранилище этнографии Российской Империи и сопредельных стран, куда Россия направляет свою деятельность политическую, торговую или просветительную; как научное учреждение, вмещающее в себе и этнографию славян вообще» (Макаренко 1917: 323).

Можно проследить, как Клеменц проводил линию на изучение региональных вариантов русских на востоке России, выступая одновременно и заведующим отделом, и хранителем отдела Сибири и Дальнего Востока. Так, в письме А.А. Прозорову – главе Камчатского торгово-промышленного общества – от 1902 г. он писал, что Этнографический отдел «интересуют не одни инородцы, но также и русское население рабочее или крестьянское. Вероятно, оно представляет по вещам и костюмам полную смесь инородческого, американского и русского. Модель камчатской избы, костюм и домашний обиход русского человека был бы весьма интересен. В ряду русских коллекций других местностей, которые мы тщательно собираем, русский на крайнем северо-востоке был бы очень интересен» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328. Л. 3а). Через шесть лет Клеменц писал письмо Г.А. Борисову – управляющему горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества: «..нам интересны не одни инородцы, а также и русское население, и его приспособление к камчатскому климату» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 14).

Научные взгляды Клеменца в области этнографии, как представляется, вполне укладываются в рамки «позднеимперской эпистемологической революции гибридности» (Герасимов и др. 2017). Его понятие «культурно-географической области», включающее в себя разные народы на основании адаптации к общим природным условиям, вполне сопоставимо с понятием «край» в понимании И. Герасимова, М. Могильнер и С. Глебова: он соединял «опыт разных народов в гибридное по своей природе и универсальное с точки зрения понимания процессов развития культуры целое, не имеющее четких этнокультурных границ» (194).

В соответствии с эпистемой гибридности Клеменц акцентировал момент смешения и взаимовлияния народов. В своем «особом мнении» он прямо заявлял, что «большинство народностей не представляет собою чистых, однородных типов, в громадном числе случаев народности – это результаты смешения разнородных элементов, и среди признаков, характеризующих эти агрегаты, неизвестно, каким отдать преимущество в деле классификации» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.). Соответственно, и строгое разделение этнографии «культурных» и «некультурных» племен в музейном деле, по мысли Клеменца, не отражало бы действительность. В письме графу И.И. Толстому он писал: «...мы с нашими инородцами сжились, сроднились, перемешались. Не-

прерывная линия поселений связывает русское население с окраинным, и особенно нехоти это деление было бы в пору колонизации окраин. Сибиряка нельзя представить в музее без инородцев, среди которых он живет» (цит. по: Дмитриев 2012: 90–91).

Можно сказать, что для Клеменца главным агентом гибридизации русского народа было пространство Сибири. Необходимость адаптации к природным условиям Сибири делала возможной культурные заимствования и «смешение» с местными «инородцами» или даже – как в случае Камчатки – с американцами. Макаренко в своей крупнейшей работе «Сибирский народный календарь» отталкивался от тех же принципиальных положений. По его мнению, русским, чтобы выжить в суровых природных условиях восточной Сибири, «на первых порах приходилось братья за средства, испытанные задолго до их прихода сибирскими инородцами: ими перенималась отчасти техника звероловства и охоты, способы рыбной ловли в порогах и шиверах Ангары; за образцы построек брались инородческие юрты, скотные дворы (многоугольной формы). Таким путем совершалось осибирячение русских» (Макаренко 1913: 8). При этом культурные заимствования Макаренко отмечал не только в области культуры – материальной и духовной, – но и на уровне «физического типа». В своей работе он исходил из того, что русское население Сибири образовано из «смешения разных народностей» (6–10).

Сбор коллекции по рабочему быту золотых приисков Макаренко 1904 г. осуществлялся в рамках очерченного выше проекта гибридной этнографии русских сибиряков. Эта коллекция интересна, однако, тем, что показывает гибридность не этнических образований, но социально-экономических. Коллекционная опись, составленная Макаренко, свидетельствует о незавершенной «этнизации» рабочих. Коллекция по приисковому быту в ней не была этнически атрибутирована, хотя и числилась в конечном счете за «великороссами» (РЭМ. Опись № 563). Этим она отличалась от его же коллекций по крестьянам, приписанных «русской народности», «сибирско-русскому населению» или «русским сибирякам». Стоит упомянуть и вторую такую коллекцию, содержащую костюмы и бытовые принадлежности политического ссыльного и сибирского «бродяжки», привезенные Макаренко из той же экспедиции 1904 г. (РЭМ. Опись № 682). Во всех этих коллекциях этническое отчасти отступало на второй план перед социально-экономическим. При описании вещей из этих коллекций этнограф часто отмечал общность в материальной культуре или взаимные заимствования предметов одежды у рабочих, крестьян и ссыльных. Например, выдаваемые арестантам «халат» (род армяка) и «варначек» (полушубок из киргизских овчин) приобретались сибирскими крестьянами от ссыльных и носились «в обычном их тюремном виде» или «с переделанным на местный образец

воротником» (РЭМ. Опись № 682). «Тальма» и «азям» (верхняя одежда в виде накидки и кафтана), собранные как элементы костюма приискового рабочего, по словам Макаренко, также носились и крестьянами (РЭМ. Опись № 563) (рис. 1).

Рис. 1. Рабочие золотых промыслов Енисейского горного округа. Енисейская губ. 1904 г. Фотограф А.А. Макаренко. РЭМ 773-14/1

Неудивительно, что те же самые вещи обнаруживаются и в костюме бродяги: их ряды пополнялись разорившимися крестьянами, ссыльными, неудачливыми и постаревшими рабочими. В коллекциях по крестьянской культуре есть аналогичные материальные свидетельства бытового взаимовлияния, но уже между этническими общностями. Таким культурным гибридом предстает, например, «кожушок» – переметная сумка из камуса и лбов оленей, вымениваемая крестьянами у тунгусов для собственных нужд (РЭМ. Опись № 681).

Утепленный костюм рабочего золотых приисков также может рассматриваться как форма адаптации к холодному сибирскому климату. Другая группа предметов рабочего обихода из коллекции № 563 отражает высокую мобильность рабочих, необходимость преодолевать большие расстояния по необжитой «дикой» территории, чтобы добраться до приисков или вернуться обратно. Как отмечал Клеменц в своей рукописи о рабочем быте, «иногда после дальней дороги люди измучатся, изобьют обувь, оборвутся так, что один взгляд на партию указывает опытному человеку, что день отдыха дать нужно» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 78). Набор походных вещей, включенных в коллекцию № 563, состоит из дорожных сумок, полотенца, зеркала, гребешка, мыла, кисета с табаком, огнива, кремня для высекания огня, мешочка с сахаром и чаем, чайника, чашки с блюдцем, ножей и топора. Большую часть пути рабочие шли пешком, из-за чего обувь требовала регулярной починки. Согласно коллекции Макаренко, рабочий брал с собой специальную сумку для сапожных принадлежностей, в которую входили: запасные подошвы, подковки с гвоздями для сапог, шпильки, шилья, швейные иглы, нитки для починки обуви (дратва, постегонки), кожа с сапожным варом для просмаливания дратвы. Последняя группа предметов в описи – инструменты для добычи золота. В коллекцию включены общераспространенные на приисках орудия – кайла и лопата, а также два предмета, употреблявшихся, согласно описи, для мелких старательских работ. Это особый нож для «отбивания промытого золота от шлиха» и железная ложка с длинной ручкой для «отжигания золота от ртути»⁸ (РЭМ. Опись № 563) (см. рис. 2, 3).

Практически все предметы были куплены А. Макаренко на рынке города Енисейска, который был крупным центром золотой промышленности и транспортным узлом на пути в прииски. На этом же рынке покупали снаряжение старатели и золотопромышленники. Такое «городское» происхождение коллекции № 563 также выделяет ее среди коллекций по крестьянскому быту, приобретаемых обычно у самих крестьян в селах и деревнях.

Подчеркивая эмансипаторный потенциал дискурса гибридности, нельзя забывать о том, что рядом с ним (или даже внутри него) могли проявляться элементы ориенталистского дискурса. Так, акцент Кле-

менца на «громadных колонизаторских способностях» русских предполагал их противопоставление народам, таких способностей лишенных и, следовательно, подчиненных Российскому государству «естественным» ходом истории. Коллекция Макаренко по быту русских приисковых рабочих в этой перспективе также может быть рассмотрена как свидетельство их «близости к природе» и, одновременно, способности к колонизации новых пространств и освоению новых ресурсов. Впрочем, к стремлению русского сибиряка захватить земли, лесные и водные угоды «иностранцев» А.А. Макаренко относился критически и выступал в защиту последних (1905).

Рис. 2. Нож – старательский инструмент для отделения золота от шлиха.
Г. Енисейск. 1904 г. Собираатель А.А. Макаренко. РЭМ 563-45

Рис. 3. Ложка – старательский инструмент для отжигания золота от ртути.
Г. Енисейск. 1904 г. Собираатель А.А. Макаренко. РЭМ 563-46

Любопытно, что в качестве своеобразного гибрида Клеменц рассматривал и самого себя. В письме к графу И.И. Толстому он писал: «Все мы люди русские, но в этнографическом отношении представляем плохой материал – в нас много нерусского, много национального происхождения не имеющего, возникшего просто из взаимного общения разных национальностей» (цит. по: Дмитриев 2012: 82). Учитывая сложное этническое происхождение самого Клеменца и его коллег по музею, идентификация себя «русским» отсылала скорее к идее «русского подданства», чем к этническому самосознанию (Баранов 2020). Вычеркивая себя из числа объектов этнографического изучения, этнографы, однако, возносили себя как «людей культуры» над крестьянами и «иностранцами» – «людьми природы». Изучение культуры последних в перспективе адаптации к географическим условиям подразумевало, что только культурные элиты (образованные городские жители, в том числе этнографы и работники музеев) были в действительности свободны от определяющего влияния природы.

В качестве музейной иллюстрации гибридной идентичности этнографа можно рассмотреть один предмет из коллекции Макаренко, при-

везенной в 1906 г. из улуса Протокинского Мелецкой Инородной Управы Ачинского уезда Енисейской губернии (РЭМ. № 999-15). Прочитирую опись: «“Чумурь-аче” – черемуховая палка (дл. 2,03 м). Ею бил свою жену крещеный ясачный инородец, что считается обычным явлением в той среде. Такой расправы я сам был очевидцем (в 1906 г.), а данная палка, отобранная мной, является вещественным тому доказательством» (Опись № 999). Коллекция и сам предмет в музее были определены как предметы этнографии «сибирско-русского населения». Здесь можно задаться вопросом: какое событие оказалось «музеефицировано» этим приобретением – «расправа» мужа-инородца над женой или же факт вмешательства Макаренко, отобравшего палку? Кто здесь «русский сибиряк» – крещеный ясачный «инородец» или этнограф и бывший ссыльный Макаренко? Сложно однозначно ответить на эти вопросы, учитывая, что сам Макаренко всю жизнь считал себя украинцем. Кажется вероятным, что была задокументирована все-таки просветительская борьба этнографа с культурной «отсталостью» и «невежеством» «инородцев». Соответственно, «русскость» предмета отсылает скорее к высокой русской – европейской – культуре, носителем которой видел себя Макаренко, а не к его этничности. Также и в своей монографии, при всей симпатии и благодарности к поименно перечисленным ключевым информантам, Макаренко позволял себе писать о «груде суеверного хлама», которым полна душа русского сибиряка, его «малой культурности» и тому подобных вещах, подводя читателя к мысли о необходимости просвещения сибиряков (Макаренко 1913: VI, 10).

Можно говорить о двух типах гибридизации в дискурсе этнографов. Гибридность самих этнографов как части культурного класса отсылала к заимствованию транслокальных элементов городской культуры, независимых от природных условий. Гибридность же крестьян и «инородцев» предполагала заимствование локальных элементов культуры, обусловленных адаптацией к экологическим условиям. Акт различения между этими двумя гибридностями открывал дорогу ориенталистскому, колониальному дискурсу.

Вместе с тем другие музейные артефакты могут свидетельствовать о желании преодолеть оппозицию субъекта и объекта исследования. Например, в приобретении костюма ссыльнопоселенца Макаренко можно увидеть намеренное смешение границ между этнографами (бывшими ссыльными) и изучаемыми ими людьми⁹.

Заключение

Проект Клеменца по изучению приисковых рабочих в ЭО РМ нельзя признать успешным. Для этнографии начала XX в. он был весьма экс-

травагантным и не нашел широкой поддержки среди коллег. Клеменц и Макаренко сами больше интересовались другими темами и сюжетами. Ни одной специальной научной работы про приисковых рабочих за время работы в столичных музеях они так и не написали. Во всех крупных работах Макаренко по этнографии русских, например, можно найти некоторые сведения о рабочих золотых промыслов, но все они лишь дополняют материалы по крестьянскому быту (Макаренко 1902, 1907, 1913). Поэтому неудивительно, что иркутский исследователь 1920-х гг. Н.П. Попов видел себя первопроходцем в деле этнографического изучения приискового быта Сибири и не упоминал труды Клеменца и Макаренко (Попов 1929). Открытая для публики в 1923 г. экспозиция ЭО РМ строилась на отличных от предложенных Клеменцом принципах и не включала в себя русских Сибири вообще и рабочих в частности¹⁰.

Несмотря на свой маргинальный статус, этнография рабочих золотых приисков не была случайным явлением и может рассматриваться в контексте поисков альтернативы конвенциональной этнографии своего времени. Дискурс гибридности, подчеркивающий «смешанность» и проницаемость границ между социальными и культурными группами, можно рассматривать как новую форму артикуляции опыта народнического изучения приискового быта, привнесенного Клеменцом и Макаренко в ЭО РМ. Ключевым агентом гибридизации в работах Клеменца и Макаренко выступало само пространство Сибири – его специфический набор природных и культурных ресурсов. Гибридность сибиряков – рабочих, крестьян, бродяг, ссыльных и «иностранцев» – была зафиксирована как на языке вещей (музейных коллекций Макаренко), так и на языке этнографических концепций («особого мнения» Клеменца). Благодаря приобретению предметов рабочего быта академическая и публичная репрезентации Сибири в имперском музее – на уровне коллекционного собрания – стали более инклюзивными. Бывшие народники дали «голос» и сделали «видимыми» уязвимые слои населения Сибири, ее «социальное дно». Тем не менее, предлагаемый ими гибридный дискурс сочетался с определенными элементами ориентализма, характерными для этнографии начала XX в. Это проявилось, в частности, в раздвоенности дискурса гибридность – гибридность самих себя и объектов изучения этнографы понимали по-разному, и различие между ними воспроизводило ориенталистские культурные иерархии.

Примечания

¹ Финансировали экспедицию Русское географическое общество, заинтересованное в собирании фольклора, Министерство земледелия и государственного имущества, поручившее исследователю изучение ангарского рыболовства, а также Этнографический отдел Русского музея, ожидавший пополнения собрания по народам Сибири.

² Ряд фотографий на тему золотых приисков поступил в ЭО РМ позже в составе других коллекций.

³ Эта экспедиция была организована Д.А. Клеменцем на деньги золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова.

⁴ Последние годы ссылки (1894–1897) Макаренко провел в с. Казачинском одноименной волости Енисейской губернии.

⁵ В газетных статьях о сельском быте он тоже использовал схожий прием, подписываясь «Ужурянин» (Ужурянин 1888а, 1888б).

⁶ Вашгерд – простейший аппарат для промывки золотоносных песков.

⁷ Клеменц имеет ввиду, вероятно, «Устав о частной золотопромышленности» 1870 г., разрешивший всем подданным Российской империи (с небольшими исключениями) и иностранцам заниматься золотым промыслом, включая крестьян и мещан.

⁸ Шлих – осадок из тяжелых минералов, остающийся после промывки песков или горных пород. Чтобы трудноуловимые фракции золота не уносило с водой, золотопромывательные приборы изнутри покрывали ртутью, поглощающей частицы золота (метод амальгамации). Для освобождения золота ртуть выпаривали.

⁹ Я.А. Борисов, передавший в дар музею свой костюм ссыльнопоселенца, не обратился к научным исследованиям, как Клеменц и Макаренко, но его сын Андрей впоследствии стал известным советским востоковедом. Отбывал ссылку Борисов в том же селе, что и ранее Макаренко, за участие в социал-демократическом кружке Михаила Калинина.

¹⁰ Подробнее об этнографии рабочих в советской музейной этнографии см.: Петряшин 2021.

Список источников

Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Протоколы и стенографический отчет совещаний по вопросам организации Этнографического отдела Русского музея. 1901.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Переписка с Г.А. Борисовым, управляющим горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества на Чукотском п-ве о собирании предметов по этнографии Чукотского п-ва, опись материалов. 1908.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328. Переписка Д.А. Клеменца с разными лицами о собирании этнографических материалов и об организации музейной работы в Этнографическом отделе. 1902–1903.

АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Отчет А. Макаренко Совету РГО о поездке в Вост. Сибирь 1904.

АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Макаренко А. «Пахота наша в Сибири» (Автобиографический очерк). 1924.

Архив Института восточных рукописей РАН (АИВР РАН). Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Статьи о золотопромышленности в Сибири.

Коллекционные описи Российского этнографического музея (РЭМ). Опись № 563.

РЭМ. Опись № 681.

РЭМ. Опись № 682.

РЭМ. Опись № 999.

Баранов Д.А. Музейное поле этнокультурных самоидентификаций // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы Десятнадцатых междунар. СПб. этнографических чтений. СПб.: Рос. этнограф. музей, 2020. С. 9–14.

Бушина Н.А. Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в. // Историко-экономические исследования. 2006. № 2. С. 79–90.

Герасимов И., Глебов С., Могильнер М. Гибридность: Марризм и вопросы языка имперской ситуации // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 174–206.

- Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по этнографии народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Фил. факультет СПбГУ, 2012.
- Иванова Т.Г. Алексей Алексеевич Макаренко – революционер, этнограф, фольклорист // Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 247–275.
- Макаренко А.А. Д.А. Клеменц в Этнографическом Отделе Русского музея Императора Александра III (1901–1909 гг.) // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Том XVI. Иркутск: Типография Иркут. Т-ва Печатного Дела, 1917. С. 316–355.
- Макаренко А.А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб.: Типография «Товарищества Художественной Печати», 1902.
- Макаренко А.А. Сибирские песенные старины. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1907.
- Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Государственная типография, 1913.
- Макаренко А.А. Эксплуатация тунгусов на реке Катанге // Рассвет. 1905. № 107. С. 5–6.
- Милевский О.А. География и политика: центральноазиатская проблематика в научном наследии Д.А. Клеменца // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5. С. 204–223.
- Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 323–343.
- Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016.
- Отчет о деятельности Русского Музея Императора Александра III за 1904 год. СПб.: Государственная типография, 1905.
- Панченко А.Б. Д.А. Клеменц и производство знания о народах в Российской империи // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 122–136.
- Петрашин С.С. Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 157–175.
- Попов Н.П. Приисковый быт // Сибирская живая старина. 1929. Вып. VIII–IX. С. 67–108.
- Приискатель (Макаренко А.А.) Эпизод из приисковой жизни Восточной Сибири (сказочная быль) // Сибирская газета. 1888. № 46. С. 7–9.
- Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. С. 59–94.
- Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006 [1978].
- Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обычнородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227.
- Схиммельманн ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019.
- Ужуриянин (Макаренко А.А.) Переселенцы // Восточное обозрение. 1888а. № 48. С. 8.
- Ужуриянин (Макаренко А.А.) Ужур // Восточное обозрение. 1888б. № 37. С. 6–7.
- Федорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 83–94.

- Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 310–322.
- Шагина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб.: Лань, 1998. С. 95–110.
- Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Ядринцев Н.М. Культурное и промышленное состояние Сибири: доклад Н.М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1884.
- Campbell E. On the Question of Orientalism in Russia (in the Second Half of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries) // *Ab Imperio*. 2002. Vol. 3, № 1. P. 239–311.
- Clay C. Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862 // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, № 1. P. 45–61.
- Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Glebov S. Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in Imperial Situation // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / eds. by R. Cwetkowski, A. Hofmeister. Budapest: Central European University Press, 2013. P. 271–310.
- Saburova T. Geographical Imagination, Anthropology, and Political Exiles // *Sibirica*. 2020. Vol. 19, No. 1. P. 57–84.
- Ssorin-Chaikov N.V. Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // *New History of Anthropology* / ed. by H. Kuklick. New York: Blackwell, 2008. P. 191–207.
- Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

References

- Archive of the Russian Museum of Ethnography (AREM). F. 1. Op. 1. D. 11. Protokoly i stenograficheskii otchet soveshchaniy po voprosam organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia [Minutes and verbatim report of meetings on the organization of the Ethnographic Department of the Russian Museum]. 1901.
- AREM. F. 1. Op. 2. D. 45. Perepiska s G.A. Borisovym, upravliaiushchim gornymi promyslami Severo-Vostochnogo Sibirskogo obshchestva na Chukotskom p-ve o sobiraniy predmetov po etnografii Chukotskogo p-va, opis' materialov [Correspondence with G.A. Borisov, manager of the mining industry of the North-Eastern Siberian Society in the Chukotka Peninsula, about collecting objects on the ethnography of the Chukotka Peninsula, inventory of materials]. 1908.
- AREM. F. 1. Op. 2. D. 328. Perepiska D.A. Klementsа s raznymi litsami o sobiraniy etnograficheskikh materialov i ob organizatsii muzeinoi raboty v Etnograficheskom otdel [Correspondence of D.A. Klemenets with different persons about the collection of ethnographic materials and the organization of museum work in the Ethnographic Department]. 1902–1903.
- AREM. F. 6. Op. 1. D. 71. Otchet A. Makarenko Sovetu RGO o poezdke v Vost. Sibir' 1904 [A. Makarenko's report to the Council of the Russian Geographical Society on a trip to Eastern Siberia in 1904].
- AREM. F. 6. Op. 1. D. 246. Makarenko A. «Pakhota nasha v Sibiri» (Avtobiograficheskii ocherk) [Makarenko A. "Our Hard Work in Siberia" (Autobiographical Essay)]. 1924.
- Archive of the Institute of Oriental Manuscripts RAS (AIVR RAN). F. 28. Op. 1. D. 164. Stat'i o zolotopromyshlennosti v Sibiri [Articles about the Gold Mining Industry in Siberia].

- Baranov D.A. (2020) Muzeinoe pole etnokul'turnykh samoidentifikatsii [Museum field of ethnocultural self-identifications]. In: *Etnokul'turnaia identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov: Materialy Deviatnadsyatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnocultural Identity: Phenomenology and Variation in the Contexts of the History of the 19th–21st Centuries: Proceedings of the Nineteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei, pp. 9–14.
- Bushina N.A. (2006) Vliianie zolotopromyshlennosti na ekonomiku regiona v osveshchenii sibirskoi pechati vtoroi poloviny XIX v. [The influence of the gold mining industry on the economy of the region covered by the Siberian press in the second half of the 19th century], *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 79–90.
- Campbell E. (2002) On the Question of Orientalism in Russia (in the Second Half of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries), *Ab Imperio*. Vol. 3, no. 1, pp. 239–311.
- Clay C. (1995) Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862, *Slavic Review*, Vol. 54, no. 1, pp. 45–61.
- Collection inventory of the Russian Museum of Ethnography (REM). List № 563.
- REM. List № 681.
- REM. List № 682.
- REM. List № 999.
- Dmitriev S.V. (2012) *Fond Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia po etnografii narodov zarubezhnogo Vostoka: istoriia formirovaniia i sud'ba (1901–1930-e gg.)* [Fund of the Peoples of the Foreign East of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Ethnography: History of Formation and Life (1901–1930s)]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Etkind A. (2013) *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fabian J. (1983) *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press.
- Fedorova V.I. (1983) Rabochii vopros v neopublikovannom nasledii D.A. Klementsia [Labour Issues in the Unpublished Works of D.A. Klemenetz]. In: *Ssyl'nye revoliutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled Revolutionaries in Siberia (19th century – February 1917)]. Vol. VIII. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, pp. 83–94.
- Gerasimov I., Glebov S., Mogil'ner M. (2017) Gibridnost': Marrizm i voprosy iazyka imperskoi situatsii [Hybridity: Marrism and the Imperial Situation's Questions of Language], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, pp. 174–206.
- Glebov S. (2013) Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in Imperial Situation. In: *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR*. R. Cwetkowski and A. Hofmeister (eds.). Budapest: Central European University Press, pp. 271–310.
- Iadrintsev N.M. (1884) *Kul'turnoe i promyshlennoe sostoianie Sibiri: доклад N.M. Iadrintseva (po sluchaiu torzhestva 300-letii Sibiri)* [Cultural and industrial state of Siberia: report by N.M. Iadrintsev (on the occasion of the celebration of the 300th anniversary of Siberia)]. St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Ivanova T.G. (2015) Aleksei Alekseevich Makarenko – revoliutsioner, etnograf, fol'klorist []. In: *Neizvestnye stranitsy russkoi fol'kloristiki* [Aleksei Alekseevich Makarenko as a Revolutioner, Ethnographer, Folklorist] / Ed. by A.L. Toporkov. Moscow: Indrik, pp. 247–275.
- Khalid A. (2005) Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Russian History and the Debate on Orientalism]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years] / Ed. by O. Leontieva. Moscow: Novye granitsy, pp. 310–322.
- Knight N. (2005) O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: The Answer to Adib Khalid]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty*

- poslednikh let [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years] / Ed. by O. Leontieva. Moscow: Novye granitsy, pp. 323–343.
- Makarenko A.A. (1902) *Promysel krasnoi ryby na Angare* [Salmon Fishing on the Angara River]. St. Petersburg: Tipografiia «Tovarishchestva Khudozhestvennoi Pechati».
- Makarenko A.A. (1905) *Ekspluatatsiia tungusov na reke Katange* [Exploitation of the Tungus on the Katanga River], *Rassvet*, no. 107, pp. 5–6.
- Makarenko A.A. (1907) *Sibirskie pesennye stariny* [Siberian Song Antiques]. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia.
- Makarenko A.A. (1913) *Sibirskii narodnyi kalendar' v etnograficheskom otnoshenii: Vostochnaia Sibir'. Eniseiskaia guberniia* [Siberian Folk Calendar in Ethnographic Relation: Eastern Siberia. Yenisei province]. St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia.
- Makarenko A.A. (1917) D.A. Klements v Etnograficheskom Otdel' Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III (1901–1909 gg.) [D.A. Klements in the Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III (1901–1909)], *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. XVI. Irkutsk: tipografiia Irkutskogo T-va Pechatnogo Dela, pp. 316–355.
- Milevskii O.A. (2015) Geografiia i politika: tsentral'noaziatskaia problematika v nauchnom nasledii D.A. Klementsa [Geography and Politics: Central Asian Problems in The Scientific Heritage of D.A. Klementz], *Problemy natsional'noi strategii*, no. 5, pp. 204–223.
- Milevskii O.A., Panchenko A.B. (2017) «Bespokoinyi Klements»: Opyt intellektual'noi biografii [“The Restless Klementz”: An Essay of an Intellectual Biography]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.
- Orientalizm vs. orientalistika: sb. statei* [Orientalism vs. Orientology: Collection of Articles] / Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Miri. Moscow: «Sadra», 2016.
- Otchet o deiatel'nosti Russkogo Muzeia Imperatora Aleksandra III za 1904 god* [Annual Report on the Activities of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III, 1904]. St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1905.
- Panchenko A.B. (2018) D.A. Klements i proizvodstvo znaniia o narodakh v Rossiiskoi imperii [D.A. Klements and the Production of Knowledge about Peoples in the Russian Empire], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 122–136.
- Petriashin S.S. (2021) Rabochie v sovetskoi muzeinoi etnografii 1950-kh godov: klassovyi analiz i politika vremeni [Workers in Soviet Museum Ethnography in the 1950s: Class Analysis and Politics of Time], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 157–175.
- Popov N.P. (1929) Priiskovyi byt [Mining Life], *Sibirskaiia zhivaia starina*, Vol. VIII–IX, pp. 67–108.
- Priiskatel' (Makarenko A.A.) (1888) Epizod iz priiskovoi zhizni Vostochnoi Sibiri (skazochnaia byl') [An episode from the mining life of Eastern Siberia (a fairy tale)], *Sibirskaiia gazeta*, no. 46, pp. 7–9.
- Reshetov A.M. (1998) D.A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoi Akademii nauk [D.A. Klementz and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. In: *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klementsa)* [Pygmalion of the Museum Work in Russia (to the 150th anniversary of the birth of D.A. Klementz)]. St. Petersburg: Lan', pp. 59–94.
- Saburova T. (2020) Geographical Imagination, Anthropology, and Political Exiles, *Sibirica*, Vol. 19, no. 1, pp. 57–84.
- Said E. (2006) [1978] *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Concepts of the East]. St. Petersburg: Russkii Mir".
- Sanderland V. (2005) Russkie prevrashchaiutsia v iakutov? «Obynorodchivanie» i problemy russkoi natsional'noi identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians turning into Yakuts? “Alienation” and the Problems of Russian National Identity in the North of Siberia, 1870–1914]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty*

- poslednikh let* [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 199–227.
- Schimmelpenninck van der Oye D. (2019) *Russkii orientalizm: Aziia v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Moscow: ROSSPEN.
- Shangina I.I. (1998) D.A. Klements i Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia imperatora Aleksandra III [D.A. Klements and the Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III]. In: *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klementsa* [Pygmalion of the Museum Work in Russia (to the 150th anniversary of the birth of D.A. Klemenetz)]. St. Petersburg: Lan', pp. 95–110.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2008) Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia. In: *New History of Anthropology*. H. Kuklick (ed.). New York: Blackwell, pp. 191–207.
- Tolz V. (2011) *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press.
- Uzhurianin (Makarenko A.A.) (1888) Pereselentsy [Resettlers], *Vostochnoe obozrenie*, no. 48, P. 8.
- Uzhurianin (Makarenko A.A.) (1888) Uzhur, *Vostochnoe obozrenie*, no. 37, pp. 6–7.

Сведения об авторе:

ПЕТРЯШИН Станислав Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник, Лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: s-petryashin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stanislav S. Petriashin, Russian Museum of Ethnography (Saint Petersburg, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s-petryashin@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 февраля 2022 г.;
принята к публикации 06 июня 2023 г.*

*The article was submitted 18.02.2022;
accepted for publication 16.06.2023.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/40/8

Дом культуры ойротки: раннесоветская модерность в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области

Светлана Петровна Тюхтенева

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, kerel63@mail.ru*

Аннотация. О деятельности Домов культуры ойротки или Домов алтайки, как их сокращенно называли/ют как в документах и литературе, так и в устной речи, написано немного. Изучение научной литературы и изданных извлечений из архивов, хранящих документы о деятельности партийных (органов идеологической власти) и советских (органов исполнительной власти) организаций, наглядно демонстрирует черно-белую картину раннесоветской истории Ойротской области. Было все плохо – стало все хорошо. Абсолютно ясно, что такой подход был обусловлен идеологическими задачами, стоявшими как перед работниками структур власти, так и перед исследователями, работавшими в советский период.

Изучение исследовательских работ, специально посвященных, прежде всего, истории просвещения и образования, здравоохранения и культуры в современной Республике Алтай, появившихся в текущем столетии, к сожалению, показывает продолжение использования вышеуказанного подхода. Последнее, как мне представляется, не только сужает исследовательское поле, но и дает неполное, а порой и искаженное представление об истории периода установления советской власти в регионе и деятельности людей того времени.

Вместе с тем следует отметить, что именно в текущем столетии, спустя век после тех событий, именовавшихся ранее «периодом советского и партийного строительства», все же стали появляться работы, комплексно освещающие вопросы первых шагов советской власти, Гражданской войны и бандитизма, репрессий.

Автор делает попытку поиска иных, не только черно-белых, цветов в картине раннесоветской истории Ойротии, в том числе с опорой на полевые материалы путем использования теории модерности. При всем имеющемся многообразии методологий и подходов, объясняющих модерность, автор придерживается мнения, что модерность относится к такому обществу, в котором новые формы социального порядка массово доминируют над традиционными формами. И, соответственно, рассматривает деятельность Домов культуры ойротки как один из ярких проектов раннесоветской модерности. Важную роль для формулирования подхода автора к анализу материалов сыграли работы М. Дэвида-Фокса «Пересекая границы...» и дискуссия по теме «Модерность в России и СССР...», а также Л.Б. Четырковой и Н.М. Сергеевой «Советская модерность...». В статье предпринята попытка рассмотреть Дом культуры ойротки как один из аспектов модерности, реализованных советской властью. Часть этих

инспираций была действительно рациональным и необходимым требованием времени. Часть была важна как символический акт «отречения от старого мира», но не более того. Визуальным результатом символического акта стало, к примеру, исчезновение специальной одежды замужней женщины, чегедек. Однако, вместе с тем, эмансипируя и преобразуя ойротку/алтайку в «нового человека», идеологически стигматизировав ее традиционную одежду, советская власть оставила как литературную норму идиому *уй кижи* – женщина, во мн. ч. *уй улус* – женщины. Буквально идиомы переводятся как «жилища человек» и во мн. ч. – «жилища люди», и в этом смысле они явно, на взгляд автора, имеют дискриминационные коннотации.

Ключевые слова: модернизм, алтайцы, Дом культуры ойротки/алтайки, Азиатская Россия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767 (рук. Четырова Л.Б.), <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования: Тюхтенева С.П. Дом культуры ойротки: раннесоветская модернизм в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 167–193. doi: 10.17223/2312461X/40/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/8

Houses of Culture for the Oirot Women: early Soviet modernity in Oirotkiy (Gorno-Altai) Autonomous Region

Svetlana P. Tyukhteneva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation, kerel63@mail.ru

Abstract. Not much has been written about the activities of the Houses of Culture for the Oirot Women or Houses of for the Altaians Women, as they were abbreviated both in documents and literature, and in oral speech. The study of scientific literature and published extracts from archives that store documents on the activities of party (ideological authorities) and Soviet (executive authorities) organizations clearly demonstrate a black-and-white picture of the early Soviet history of the Oirot region. Everything was bad – everything became good. It is absolutely clear that such an approach was conditioned by the ideological tasks facing both the employees of the power structures and the researchers who worked during the Soviet period.

The study of research papers, especially devoted, first of all, to the history of enlightenment and education, health care and culture in the modern Altai Republic, which appeared in the current century, unfortunately, shows the continued use of the above approach. Such a method, it seems to me, not only narrows the research field, but also gives an incomplete and sometimes distorted idea of the history of the period of the establishment of Soviet power in the region and the activities of people.

At the same time, it should be noted that it was in the current century, a century after those events that were previously called the period of Soviet and party building that works began to appear that comprehensively cover the issues of the first steps of Soviet power, civil war and banditry, repressions.

The author's task is to try to find other, not black and white, colors in the picture of the early Soviet history of Oirotia, incl. based on field materials, by using the theo-

ry of modernity. With all the existing variety of methodologies and approaches that explain modernity, I am of the opinion that modernity refers to a society in which new forms of social order massively dominate traditional forms. And, accordingly, I consider the activities of the Houses of Culture for the Oirot Women as one of the brightest projects of early Soviet modernity. An important role in formulating the author's approach to the analysis of materials was played by the works of M. David-Fox «Crossing Borders ...» and the discussion on the topic «Modernity in Russia and the USSR ...», as well as L.B. Chetyrova and N.M. Sergeeva «Soviet modernity ...». The article attempts to consider the House of Culture for the Oirot Woman as one of the aspects of modernity implemented by the Soviet authorities. Some of these inspirations were indeed rational and necessary requirements of the times. The piece was important as a symbolic act of «renunciation of the old world», but nothing more. The visual result was, for example, the disappearance of the special clothing of a married woman, chegedek. However, at the same time, emancipating and transforming the Oirot/Altay woman into a «new person», ideologically stigmatizing her traditional clothes, the Soviet government left the idiom *üy kizhi*, woman, in the plural *üy ulus*, women as a literary norm. Literally, idioms are translated as «dwellings human» and in the plural «dwellings people» and in this sense, they clearly, in the opinion of the author, have discriminatory connotations.

Keywords: modernity, Altaians, Houses of Culture for the Oirot/Altaiian Women, Asian Russia

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation project No. 22-28-01767 (PI L.B. Chetyrova), <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

For citation: Tyukhteneva, S.P. (2023) Houses of Culture for the Oirots Women: early Soviet modernity in Oirotskiy (Gorno-Altayskiy) Autonomous Region. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 167–193 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/8

Введение

Предки южных алтайцев стали частью Русского государства при Елизавете Петровне после подписания указа о принятии в подданство 2 мая 1756 г. С этого времени и до конца XIX в. объективные изменения в жизни уцелевших после цинско-джунгарских войн предков алтайцев происходили, безусловно, но с иной степенью интенсивности. Упорядочение взаимоотношений новых подданных с империей происходило довольно медленно и несистемно. Ситуация изменилась после начавшихся преобразований первой трети XIX в., известных как реформы М.М. Сперанского.

Интенсификация взаимоотношений обычных людей с представителями государства была связана с земельной и административной реформами конца XIX – начала XX в. Дозволение крестьянской колонизации в связи с усилением притока самовольных поселенцев, помимо других факторов, положило начало кардинальному изменению жизни аборигенного населения. По оценке современных историков, крестьянская колонизация к первому десятилетию XX в. придала «мощный им-

пульс для роста хозяйственного и демографического потенциала алтайского региона, кардинальным образом изменили уклад жизни «коренного» населения (старожилы, казахи, автохтонное население Горного Алтая), способствовали экономическому и культурному объединению имперского центра с отдаленной окраиной» (Алтай в конце XVII... 2019: 199). Землеустроительные работы 1911–1913 гг. законодательно закрепили землевладение общекрестьянского образца, заменив родовое. Была также проведена административная система управления алтайцев, заменившая родовой принцип на территориальный: волости заняли место дючин, а старшины – место зайсанов.

Существенно менялся уклад жизни алтайцев также в результате деятельности Алтайской духовной миссии, созданной в 1830-х гг. Помимо проповеди православия и крещения миссионеры организовывали школы, больницы и приюты для сирот.

Также следует отметить важную роль идей сибирских областников, особенно академика Г.Н. Потанина, дружба которого с художником и политическим деятелем Г.И. Чорос-Гуркиным способствовала учреждению им и его соратниками обычных школ, художественной школы, библиотек, музея и многого другого.

Таким образом, ко времени революций 1905–1907 гг., последующих Первой мировой войны и революции 1917 г. коренные изменения разной интенсивности и глубины в жизни алтайцев продолжались уже почти целое столетие.

История Домов культуры ойротки

Одними из первых учреждений советской власти, созданных специально для аборигенных женщин, были Дома культуры ойротки (современные авторы чаще используют название «Дом алтайки», поскольку в 1948 г. Ойротская автономная область была переименована в Горно-Алтайскую АО, а народ ойроты, соответственно, стал называться алтайцами. Буду этого хронологического порядка придерживаться и я: называть эти учреждения, действующие с 1930 по 1941 г. Домам культуры ойротки (ДКО), а с 1948 по 1956 гг. – Домам культуры алтайки (ДКА)). Действовали они с 1930 по 1941 (ДКО) и с 1948 по 1956 г. (ДКА). Решение об открытии первого дома было принято комиссией по улучшению труда и быта трудящихся женщин в декабре 1929 г. в Онгудайском аймаке. Судя по работам исследователей, освещающим деятельность Домов культуры ойротки, практически все время существования этих учреждений стояла проблема: отсутствие для этих целей зданий, поскольку алтайцы жили в юртах; некому учить, поскольку мало было людей из числа алтайцев, обучавшихся в школах Алтайской духовной миссии на кириллице; отсутствие финансирования, поскольку

советские образовательные учреждения были переданы для финансирования местным органам власти, за исключением времени после Великой отечественной войны. Впрочем, подобная ситуация складывалась во многих российских краях и областях: «Особенно сильно бедствовали в селах: там приходилось проявлять большую изобретательность – из газетных вырезок и журнальных иллюстраций составляли азбуки, вместо карандашей и перьев использовали древесный уголь, свинцовые палочки, чернила из свеклы, сажи, клюквы и шишек. На масштаб проблемы указывает и специальный раздел в методических руководствах начала 1920-х годов “Как обойтись без бумаги, без перьев и без карандашей”» (Волошина 2017).

Главная задача, стоявшая перед органами власти Ойротской автономной области, как и во всей советской России, состояла в массовом вовлечении женщин в работу коллективных хозяйств в виде коммун и позже – колхозов и совхозов. К концу 1920-х гг. в Ойротеи «на первый план была выдвинута задача мобилизации активности женщин для подъема сельского хозяйства на основе коллективизации» (Яковлева 2022: 37).

До учреждения Домов культуры ойротки советские органы власти Ойротеи последовательно и параллельно осуществляли работу таких организаций, как пункты ликвидации неграмотности, называвшиеся алтайцами сообразно их языковым нормам *эликпут* (от рус. «*пункт ликвидации*»), букв. «косули нога», кочевые ликвидационные пункты с работавшими в них кочевыми организаторами, юрты-передвижки, избы-читальни. Работали в этих ликпунктах как взрослые, ранее обучавшиеся на кириллическом алфавите в школах Алтайской духовной миссии, так и новообученные молодые люди и подростки. К примеру, Ф.А. Саблашев работал ликвидатором с 14 лет (рис. 1). Характер работы некоторых видов учреждений был обусловлен наличием неоседлого населения: «Зимой работа проводилась в помещении, а летом избачи выезжали в поле, организуя культстаны, агитпосты, культпалатки, агитповозки для обслуживания крестьян в период полевых работ, создавались бригады по культурному обслуживанию крестьянских коллективных хозяйств» (Тарбанакова 2011: 33).

Образовательные учреждения такого типа создавались и действовали по всей стране. И задачи, стоявшие перед ними, были схожи. С. Волошина об этих задачах пишет следующее: «26 декабря 1919 г. Советом Народных Комиссаров (СНК) был принят декрет “О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР”. В первом пункте декрета объявлялось обязательное обучение грамоте на родном или русском языке (по желанию) граждан в возрасте от 8 до 50 лет, – чтобы предоставить им возможность “сознательно участвовать” в политической жизни страны. ...Новой власти требовался новый человек, полностью пони-

мавший и поддерживающий политические и экономические лозунги, решения и задачи, этой властью ставившиеся» (Волошина 2017). Максимальное требование при обучении на протяжении трех-четырех месяцев состояло в научении людей «технике чтения, письма и простого счета. Окончивший ликпункт (теперь такой человек назывался не безграмотным, а малограмотным) умел читать “ясный печатный и письменный шрифт, делать краткие записи, необходимые в обыденной жизни и в служебных делах”, мог “записать целые и дробные числа, проценты, разобраться в диаграммах”, а также “в основных вопросах строительства Советского государства”, то есть ориентировался в современной общественно-политической жизни на уровне усвоенных лозунгов» (Волошина 2017).

Рис. 1. Саблашев Федор Артемьевич (стоит второй справа). Сеок јѹс, 1915–2017 гг. С 14 лет работал ликвидатором неграмотности, с 1931 г. – учителем. Фотография из семейного архива Кучуковой В.Ф. Автор неизвестен. Примерно снята в 1929 или 1931 гг.

Исследователи отмечают, что неграмотность была заботой политических партий и общественных деятелей, радеющих о просвещении основной массы населения России в XIX в. И не только в России. Аналогичные процессы, но ранее происходили в Европе. И, собственно, идея обучения чтению и письму народа в специальных домах (университетах, залах и т.п.) была заимствована идеологами марксизма оттуда. «Не менее важную роль, чем народные университеты, в жизни рабочей интеллигенции играли народные дома, которые возникли частично по образу и подобию народных домов Европы, университетских программ обучения взрослых и движения поселений», полагает М. Стейнберг, исследовавший вопросы просвещения рабочих и крестьян в России (2022: 15). В «типичном народном доме имелись бесплатная библиотека с читальней, зал, часто оснащенный “магическим фонарем” и кинопроектором, магазин, в котором продавались книги, журналы и другая печатная продукция, зал для концертов и спектаклей, классные комнаты и выставочные помещения, юридическая консультация и чайная комната» (15). И если обратить внимание на оснащение, минимально возможное в Ойротии в 1920–1930-х гг., упор был сделан на наличии газет, книг и светового фонаря. Точно так же, как и в народном доме конца XIX – начала XX в. в европейской части России.

В новоучрежденных Домах культуры ойротки должны были быть заведующий, инструктор по кройке и шитью, инструктор по домоводству (Демидов 1968: 80). В 1950 г. заведующей ДКА в селе Шебалино работала М.А. Аргокова, в 1930-х гг. обучавшаяся в Коммунистическом университете трудящихся Востока, но не завершившая обучение в связи с вызовом на работу в систему образования Ойротской области (рис. 2). К работе также привлекались агрономы, врачи, учителя. Работа домов виделась следующим образом: «По разнарядке аймакисполкома национальные колхозы направляли в Дома алтайки колхозниц сроком на три-четыре месяца. Здесь алтаек обучали грамоте, кройке и шитью, приемам ухода за детьми, учили выпекать хлеб, стирать белье, мыть посуду, пользоваться баней. Много внимания уделялось пропаганде законов о семье и браке» (80). Обучение предполагалось проводить также в течение трех-четырех месяцев, как и раньше в ликпунктах. Пятью годами ранее, в 1924 г., были учреждены «красные» юрты-передвижки, называвшиеся *кызыл айыл*, в штате которых имелись пропагандист, киномеханик, медик: «Юрты-передвижки уделяли большое внимание работе среди женщин. Днем их работники проводили показательную уборку юрты, мытье посуды, приготовление пищи, давали различного рода справки. Вечером проводились беседы, которые сопровождалась показом диапозитивов, а иногда и демонстраций кинофильмов» (Тарбанакова 2011: 34).

Многие исследователи, ссылаясь на используемые ими архивные материалы, пишут, что действовали Дома культуры ойротки/алтайки с перерывом с 1930 до 1956 г. Однако, например Мария Федоровна Са-

руева, бывшая в 1957 г. секретарем Горно-Алтайского обкома КПСС, анализируя деятельность сельских культурно-просветительных обществ области, приводит сводную таблицу сети культурно-просветительских учреждений с 1927 по 1956 г., согласно которой Дома культуры ойротки наличествуют лишь с 1932 по 1947 г. в количестве четырех единиц (Саруева 1957: 109).

Рис. 2. Аргокова Мария Андреевна. 1911–1981 гг. Сеок Иркит.
Студентка Коммунистического университета трудящихся востока. Фотография 1931 г.
В 1950 г. стала заведующей Дома алтайки в селе Шебалино. Автор неизвестен.
Фотография из семейного альбома Термишевой З.М.

Следовательно, можно предположить, что в период с 1930 по 1932 г. ДКО как неоднократно открывали, так и сворачивали их деятельность.

О.А. Гончарова, к примеру, цитирует протокол расширенного заседания областного комитета ВКП(б) от 2.01.1931 г. о состоянии ДКА в Онгуде: «...в доме грязно. Нет коек, алтайки спят в амбаре на полу... это надо исправить. Чегедек алтайка тогда снимет, когда мы будем лучше проводить с ними воспитательную работу» (Гончарова 2014: 32). На это замечание представитель Онгудайского аймака Марков говорит: «...нужно обратить внимание на работу с девушками, которых можно легче воспитывать... с алтайками работать можно, они легко поддаются воспитанию» (2014: 32). В августе этого же года на другом заседании областного комитета ВКП(б) отмечено, что в области работает только два ДКО вместо четырех, в Онгуде и Улагане, в которых в 1931 г. обучено было 56 алтаек (2014: 32). Очевидно, рекомендация представителя аймака была услышана и претворена в жизнь – в следующем 1932 г. в ДКО было обучено 962 женщины (Яковлева 2022: 37).

Были и объективные причины сложностей в организации ДКО – начались коллективизация и седентеризация или, как тогда называли этот процесс, обоседление. Эти два процесса органами власти области были однозначно взаимоувязаны: «16 июля 1929 г. бюро обкома вынесло решение: “Считать, что перевод на оседлость кочевых и полукочевых алтайских хозяйств должен идти главным образом по линии коллективизации и кооперирования и лишь частичной помощи кочевникам, оседающим в единоличном порядке... Без коллективизации и оседания нельзя было вырвать из рутины и косности пастбищно-скотоводческое хозяйство и приобщить его к социализму”» (Демидов 1968: 49–50). Большое внимание аборигенам южного Алтая, продолжавшим вести кочевую и полукочевую жизнедеятельность, уделялось прежде всего, по причине концентрации основной массы скота в их руках: «Алтайцы, составляя 44% населения области, содержали 65% поголовья скота... В Чемальском аймаке, где алтайцы в основном перешли к оседлости, на хозяйство приходилось 4 головы мелкого скота, а в Кош-Агачском аймаке – главном центре кочевания – по 128 голов на хозяйство» (46–47). Это кочевые и полукочевые районы – Кош-Агачский и Улаганский, Онгудайский и Усть-Канский соответственно, в которых и было решено открыть ДКО (таблица).

Для наглядности непростой ситуации того периода уместно будет привести таблицу из работы М.Ф. Саруевой (1957: 109):

Сеть культпросветучреждений

Год	Изб-читален	Библиотек	Дом сельской культуры или Дом культуры	Клубы	Красные уголки	Юрты-передвижки	Дома алтайки
-----	-------------	-----------	--	-------	----------------	-----------------	--------------

1927	25	9	—	—	—	—	—
1929	30	9	—	—	—	—	—
1932	85	12	5	27	136	4	4
1936	92	52	10	75	296	4	4
1947	99	76	10	30	Имеются на каждой ферме	4	4
1956	27	84	12	89	Имеются на каждой ферме	—	—

Из таблицы видно, что такого типа культурно-просветительские учреждения, как юрта-передвижка, также были предназначены для жителей указанных четырех районов, занимающихся скотоводством, как, собственно, и ДКО. Отличие лишь в том, что ДКО – это стационарное учреждение. Параллельное существование этих, по сути, схожих организаций было, повторюсь, оправданно спецификой жизнедеятельности людей, а также возможностью достижения мест их кочевания в Кош-Агачском и Улаганском районах лишь в теплое время года. В 1950 г. ДКА открыли также в селах Шебалино и в Элиманаре.

В ДКО женщин и девушек учили читать и писать, шить одежду на швейной машине, готовить еду, мыть посуду, стирать нательное и постельное белье, прививали навыки санитарии и гигиены – личной, детей и жилища. Аналогичная программа была ранее актуальна и для юрт-передвижек. Об этом можно судить по количеству часов, запланированных на реализацию в процессе работы с курсантками. В 1949 г., когда было решено восстановить ДКА, была подготовлена методичка программы и учебного плана. В ней из 400 часов было предусмотрено: 140 часов – на занятия по прикладному ремеслу; 100 часов – на обучение письму и чтению; 40 часов – на лекции об общественном и государственном устройстве СССР; 32 часа – на домоводство и кулинарию; 20 часов – на изучение биографии В.И. Ленина и И.В. Сталина; 20 часов – на занятия по основам сельского хозяйства; 20 часов – на занятия по санитарии; 18 часов – на лекции и беседы на общественно-политические темы и 12 часов – на лекции и доклады на естественно-научные темы (Яковлева 2022: 40).

Более половины учебного времени было предусмотрено на обучение кройке и шитью, а чуть меньше – на овладение чтением и письмом. 90 часов отводилось на политическое просвещение, 52 часа – на обучение основам огородничества, и 20 – на основы санитарии. Таким образом, в плане можно выделить три крупные взаимосвязанные задачи. Первая – включить алтайских женщин в процесс идеологической трансформации общества. Для этого женщина должна была одновременно научиться читать, писать, понимать и стать актором социализма. Вторая задача – женщина должна стать наемной работницей, пролетаркой, готовой трудиться на швейном производстве, научившись кроить и

шить на швейной машине или трудиться в колхозном поле. И, наконец, третья задача, о которой прямо не сказано, но из контекста жизни алтайского общества начала XX в. она вполне очевидна, – путем понимания женщиной причинно-следственных связей между личной, детской, бытовой гигиеной и состоянием здоровья она должна секуляризироваться.

Основаниями модерности в деятельности ДКО были, соответственно, советская идеология, эмансипация и секулярность. Все это было для алтайских женщин глобальным новшеством, абсолютно меняющим их традиционную жизнь. Эти новшества усугублялись с каждым новым десятилетием после 1910-х гг., массово и глубоко вовлекая аборигенное население Алтая в жизнь современного государства.

Следует отметить, что, очевидно, Дом культуры ойротки/алтайки был сложным для осуществления социальным проектом раннесоветского периода в силу объективных, обусловленных разрухой гражданской войны и борьбы с бандитизмом, причин, – недостатка финансирования и кадров. Главная, на мой взгляд, причина множества трудностей – это мизерное число знающих русский язык алтайцев и наоборот, знающих алтайский язык русских, способных адекватно передать новые слова и новые смыслы. А тех билингвов-алтайцев, воспитанных в школах Алтайской духовной миссии, кто мог переводить смыслы и делал это, в течение 1930-х гг. сослали или расстреляли: «Политическому преследованию... подвергались представители алтайской национальной интеллигенции по обвинению в “контрреволюционном национализме”. К их оперативной разработке органы Ойротского ОГПУ приступили уже в 1924 г.» (Каташев 2017: 126).

Раннесоветский период истории нашей страны и тогда и сейчас продолжает именовать временем культурной революции. Я полагаю, что если это выражение использовать в широком смысле, подразумевая под культурой все, что не есть природа, то деятельность ДКО правомочно называть частью культурной революции, целью которой являлось абсолютное изменение базовых форм традиционной культуры алтайцев, начиная с этнографической триады «пища, жилище, одежда», и внедрение новых форм социального порядка.

Что помнят о Домах культуры алтайки сегодня?

Моя знакомая, которая пошла в школу в начале 1970-х гг. в маленьком алтайском селе Усть-Канского района, рассказала такую историю. Буквы они уже выучили, читали по слогам. И вот на уроке учительница написала «Мы – не рабы, рабы – не мы» и спросила, что тут написано. Поскольку ей очень хотелось получить пятерку, она первой подняла руку и почти прокричала: «Бис балыктар эмезис, балыктар бис эмезис!»

Перевод родился на основе того, что за несколько дней до этого урока она узнала, что по-русски слово «рыба» – это то же, что и по-алтайски «балык». Буквально перевела так: «Мы – не рыбы, рыбы – не мы». Слово кул – «рабы» ни ей, ни другим детям знакомо не было. Между тем именно этот лозунг был главной идеологемой первого букваря «Долой неграмотность! Букварь для взрослых», разработанного Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской и изданного Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации неграмотности в 1920 г. в Москве. Он был переведен на алтайский язык и издан в этом же году как «“Букварь-листочка” и назывался “Янғы Тандак” (Новая Заря)» (Тошакоева 1973: 114–115).

Чтобы ответить на вопрос, вынесенный в название параграфа, мной проведен небольшой опрос среди женщин старше шестидесяти лет. Был сформулирован вопрос: «Что вы помните о ДКА»? Все информанты помнят из рассказов матерей и бабушек, что там учили читать и писать, ставить квашню на хмелевой закваске и печь кислый хлеб, пироги, готовить (варить пищу), вязать, кроить и шить. Зинаида Петровна Коркина в 1950–1954 гг. работала заведующей ДКА в селе Улаган, обучая местных жительниц кройке, шитью, вязанию и вышивке (рис. 3). Ответы на удивление однообразны. Лишь одна женщина 67 лет вспомнила, что в их селе Шашикман Онгудайского района жили две сестры Баяндины, обучавшиеся в ДКО; одна из них, Адабай, стала очень грамотной, даже пересказывала историю ВКПб, работала, много ездила по стране. Две женщины в подробностях помнят, что их матерей и бабушек учили сажать картофель, окучивать его и собирать вовремя урожай. Все информанты хорошо помнят рассказы об обучении кройке и шитью, курсантки ДКО впоследствии шили одежду: платья из ситца, фуфайки, деловые костюмы женщинам и мужчинам черного цвета, штаны и рубашки мальчикам и платья девочкам, шторы и занавески. Самая старшая, 92 лет, рассказала, что обучившиеся в ДКО кроить, шить, вязать, выращивать овощи и готовить из них женщины по возвращении домой должны были обучать этому других. По ее мнению, «безо всякого сомнения Дом алтайки был нужен, кто придумал, тому прямо благодарность объявить надо от имени народа. В селах начали сажать огороды, даже посуду стали из глины делать, ткать» (ПМА, 2023, М из сеока комдош, 1931 г.р., обучалась в семилетней школе). Большинство опрошенных знают от старших, что женщин обучали личной гигиене и уходу за младенцами, купанию детей и шитью детской одежды. Одна женщина вспомнила о том, что мать ее матери рассказывала, как они выложили в избе русскую печь из глины, за неимением кирпичей, и в ней бабушка готовила дрожжевой хлеб. До обучения в ДКО бабушка пекла только пресный хлеб *теертпек* в горячей золе или жарила на животном жире. Бабушка информанта обучала жи-

телей села Каспа Шебалинского района выращивать картошку (ПМА, 2023, В из сеока иркит, 1957 г.р.).

Очевидно, говоря об обучении готовить (варить пищу), информанты имели в виду прежде всего продукты с огорода. Такие овощи, как картофель, свекла, морковь, брюква, репа, капуста, лук репчатый и лук-батун могли быть известны алтайцам от староверов-кержаков, в период седентеризации проживавших по соседству в селах со смешанным населением. Наибольшее распространение получил метод отваривания и запекания картофеля в горячей золе, а не жарения.

Рис. 3. Курсантки улаганского Дома культуры алтайки.

Заведующая Коркина З.П. обучает курсанток вышивке.

Фотография 1952 г. из архива семьи Калкиной Н.Г. Автор неизвестен

Сегодня большая часть алтайцев, как и местных русских, называют картофель картошкой. Однако еще есть люди, называющие картофель иначе: *каашка*, *картап*, *картон*, *картошко*. Любопытно отметить, что название картофеля *каашка* было известно населению далеко друг от друга расположенных сел Челушманской долины Улаганского района, ныне это села Балыкча и Коо, и в селе Уйтушкен Чемальского района и в близко к нему расположенных селах современного Майминского района – Сайдыс и Эмери (Александровка).

Очевидно также, что современный способ готовить так называемый алтайский суп или «суп лапша-картошка» на основе мясного бульона появился именно в 1930-е гг. Традиционно алтайцы употребляли наваристые супы с большим количеством мяса. В бульон с отвариваемым

мясом добавляли крупу из ячменя крупного помола – *кӧчӧ*, или мелкого помола – *јарма*. Собственно, наименование супа совпадает с наименованием крупы. Суп без крупы называется просто бульон, *мӱн*. Поскольку весь период от начала Гражданской войны и до окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. население Ойротии жило впроголодь, новации в системе питания происходили довольно быстро. Широко распространившимся и ставший традиционным сегодня является «алтай суп», в котором малое количества мяса на кости сдабривается картофелем и лапшой. Ни репчатый, ни зеленый лук в такой суп не кладут во избежание закисания, потому что чаще всего работающие женщины варят большую кастрюлю супа на всю семью на целый день. А все остальные виды заимствованных супов называются так же, как и в русской кухне, – борщ, рассольник, щи. Из этих супов наиболее распространен борщ. По воспоминаниям Э в 1980-е гг., когда ее мама приезжала в город к родной тете, та угощала борщом, приговаривая: *«Капустанан кан чыгарып, сӧклӧнӧн мӱн чыгарып курсак астым, балам, отур ажан. Озоодо болгон болзо кара казанга эт, јуу ылдырар эдим»* (Из капусты кровь выдавив, из свеклы бульон выдавив, кушанье приготовила, доченька, садись есть. В ранние времена в черном казане мясо, жир бы отваривала). До переезда в город эта женщина проживала в селе Уйтушкен Чемальского района, в котором огородничество было широко заимствовано местными алтайцами как от русских крестьян-переселенцев, так и, ранее, от членов семей проживавших в районе служителей Алтайской духовной миссии. А свекровка Э, выросшая в селе Тураты Усть-Канского района со смешанным русско-казахско-алтайским населением, до сих пор именует борщ «силостын субы», «суп из силоса», т.е. из «травы».

В целом было бы привлекательным считать огородничество заимствованным от русских переселенцев, как старых, т.е. староверов, называемых алтайцами *јаржак* – «кержак», так и новых членов семей служителей Алтайской духовной миссии, а также переселенцев рубежа XIX–XX вв. Однако такого рода заимствование могло иметь место лишь локально. Массово же разведение огородных культур происходило в период коллективизации и седентеризации алтайцев, местами вплоть до начала 1970-х гг. М.Ф. Саруева пишет, что до «1917 г. область не имела посева огородно-бахчевых и картофеля, начала посев их только в 1927 г., имея тогда 914 га, а в 1957 г. колхозы и совхозы области, без личных хозяйств рабочих и колхозников, имеют посев овощей-бахчевых и картофеля 4908 га, в т.ч. картофеля 1500 га» (1957: 84). Очевидно, Саруева имеет в виду коллективные хозяйства южных аймаков Ойротии. В 1928 г. литературная коллегия Ойротской области издала на кириллице тиражом 1000 экземпляров пособие-рекомендацию по огородничеству «О пользе огорода», переведенное на алтайский

язык как *Маала ажы кижиниг журтын ѳнжидер*, букв. «Огорода продукция человека семью улучшает/украшает». Автор пособия Е.А. Панова, переводчик С. Кумандин, репрессированный в 1935 г. (Панова 1928). В параграфе третьем (всего четырнадцать на двадцати страницах) дан перечень подходящих для выращивания культур (4): картошка, морковь, свекла, брюква, репа, капуста, огурцы. Этот параграф состоит из двух абзацев и в первом продолжается агитация за огородничество: занимаясь огородничеством, следует подумать, какие именно овощи подойдут для собственного потребления, а какие пойдут на продажу. Любопытно, что наименования всех овощей здесь даны на русском языке и лишь редька – на алтайском: *ачу чалкан*. Далее упомянуты как подходящие для выращивания в условиях Ойротии *мырчык* (горох), бобы, *тату чалкан* (репа), *огурчын* (огурцы). Помимо технологии высадки и ухода за овощами, описанием наилучших условий почв для каждого вида даны краткие рецепты приготовления и сохранения на зиму. В заключительном параграфе вновь, как и в самом начале брошюры, идет агитация за коллективное хозяйствование, поскольку одинокому и бедному будет тяжело заниматься огородничеством. Если же будут артели огородные, то они смогут выращивать и продавать не только овощи, но и их семена (19). Основываясь на факте издания этой брошюры в условиях тотального дефицита ресурсов как части продуманного проекта внедрения коллективного огородничества среди алтайцев, можно предположить, что массово с картофелем алтайцы столкнулись лишь в конце 1920-х гг.

Детальнее описывает внедрение коллективных огородов В.А. Демидов: «В 1928 г. было заложено 72 огорода, в т.ч. 56 в алтайских урочищах» (Демидов 1968: 44). Этот автор подробно освещает проблемы форсированной коллективизации и административно-командного метода седентеризации, приведшие к массовому выходу населения из колхозов (44). Ссылаясь на решения Алтайского краевого комитета партии и краевого исполнительного комитета, Демидов пишет, что они 4 августа 1935 г. «приняли постановление об освобождении на 1935 г. 114 национальных колхозов от обязательных поставок зерна и картофеля государству» (66). Из изложенного следует, что за указанный Саруевой период с 1927 по 1957 г., т.е. тридцать лет, представители советской власти прекратили насильственные эксперименты по переводу на оседлость и внедрению картофелеводства и зерноводства в районах Ойротии с коротким вегетативным циклом и наличием вечномерзлых грунтов. Эти районы – Кош-Агачский, Онгудайский, Улаганский и Усть-Канский, где и были созданы ДКО.

Кислый и сдобный хлеб из пшеничной муки алтайцы продолжают выпекать во многих селах по сей день. Однако следует отметить, что позволить себе это могут чаще всего неработающие женщины. При

этом булочки, пироги и т.д. не являются повседневной пищей. Их выпекают на семейные торжества и на праздники. Обычно же внуки и правнучки курсанток ДКО сегодня на семейные торжества пекут торты и пирожные. Широко распространено в наши дни и питье черного чая с сахаром, очевидно, ставшее традиционным в послевоенное время; тогда сахар ели вприкуску, сейчас в чай добавляют сахарный песок. И, как и в случае с супом, называемым своим, «алтайским», традиционный чай с молоком, солью и *талканом* современные алтайцы называют *алтай чай* «алтайский чай», а пресную лепешку *алтай калаи* / *теертпек* «алтайский хлеб». Черный чай с сахаром «русским чаем» не называют, обычно именуя процесс питья такого чая *карага*, что приблизительно означает «пить не забеленный молоком чай». Однако при отсутствии молока, извиняясь, говорят: «Мы пьем чай по-русски», т.е. черный чай с сахаром.

Обучение кройке и шитью на швейной машине, по воспоминаниям моих собеседниц, было очень полезным навыком, поскольку до конца 1940-х гг. готового платья практически не было в продаже. Алтайские женщины традиционно шили всю одежду, головные уборы и обувь для своей семьи из кож собственной выделки. Ткани, обычно использовавшиеся для шитья одежды, были преимущественно китайского производства. И потому, оценив, что швейная машина позволяла экономить время и ускорять процесс, многие алтайки и вне ДКО обучались шитью. Следует отметить, что и в период коллективизации, и много позже отрезки ткани и швейные машины являлись наиболее ценным видом поощрений колхозниц (рис. 4).

Рис. 4. Колхозники из Ойротии: чабан Тобочев А. (премирован самоваром), доярки Анчинова К. и Итпалина Т. (премированы швейными машинками). Вверху справа – председатель президиума Новосибирского городского совета Гордиенко П.Я., ранее работавший в Ойротии. Февраль 1936 г.

Источник: Ойротская автономия: история в летописи. Фотоальбом. Горно-Алтайск: НМРА, 2022. 212 с. Фотография и описание на с. 17

Абсолютным новшеством было обучение вышиванию. По сей день во многих семьях хранятся занавески для окон из белого ситца с вышивкой в технике «ришелье» (рис. 5).

Рис. 5. Курсантки Дома культуры алтайки села Улаган обучаются вязанию крючком.
Взято из семейного архива Калкиной Н.Г. Фотография 1950-х гг.
Автор неизвестен

Таким образом, цели идеологического воздействия (см. выше), сформулированные в методичке как общественно-политическое просвещение женщин, очевидно, были достигнуты. Однако в памяти моих собеседниц о ДКА они не отрефлексированы.

Как кочевница стала работницей совхоза / колхозницей

Исследователи, изучающие раннесоветский период истории СССР, вполне справедливо отмечают, что «особенностью эмансипации женщин в советский период было участие, точнее – ведущая роль государства в этом процессе» (Минаева 2015: 7). Я согласна с данным выводом, полученным при рассмотрении модели пропагандистского обеспечения переустройства жизни населения страны посредством специализированных журналов для городских и сельских женщин: «...социальные реформы осуществлялись быстро, массово, безальтернативно и насильственно. Изменения гендерных ролей и стереотипов, разрушение традиционной семьи происходили в период коренной ломки практически всех сфер жизни общества: индустриализации, коллективизации, ликвидации неграмотности» (8). Аналогичные процессы

происходили и в Ойротской области, однако с запозданием примерно на десять лет, поскольку местные обстоятельства отличались от сложившихся в интенсивно урбанизирующихся частях Советского Союза.

Ситуация в Ойротии была осложнена крайней малочисленностью людей, одновременно знающих русский язык и умеющих читать и писать по-русски. Однако не это главное – алтайская замужняя женщина, в соответствии с нормой родовой экзогамии, не являлась актором социальной жизни общества. Она не участвовала в собраниях рода и не имела на таковом избирательного права. Будучи активным участником экономической жизни семьи и социума, чьи права и обязанности достаточно детально были оговорены в обычном праве, женщина не имела представительских функций. Именно этим, полагаю, был обусловлен процесс восстановления ДКА после Великой Отечественной войны: несмотря на целое десятилетие, с начала 1930-х по 1941 г., усилий нового государства по вовлечению женщин в переустройство жизни общества, женщина в скотоводческих районах Ойротии оставалась политически индифферентна. Женщины, безусловно, стали экономическими акторами нового строя, однако происходил этот процесс, с точки зрения советской власти, медленно.

Как после Гражданской войны и борьбы с бандитизмом, так и после Великой Отечественной войны в связи с объективным уменьшением количества мужских рабочих рук государство ставило задачи «объединить женщин на борьбу с хозяйственной разрухой, готовить из работниц организаторов и руководителей производства, вовлекать женщин в общественную работу, вести борьбу за улучшение санитарно-гигиенических, продовольственных, жилищных условий» (Минаева 2015: 83). Согласно данным, приведенным О.Д. Минаевой, в период форсированной индустриализации количество работающих женщин в СССР росло скачкообразно: «...в 1930 г. это 3.590.500 женщин (26,9% от числа работающих), в 1931 – 4.197.000 (26,9%), в 1932 – 6.007.000 (27,4%), в 1933 г. – 6.908.000 (30,5%)» (95). В Ойротии число женщин на предприятиях достигло 65–70% от общего количества работающих: в 1941 г. на областных курсах трактористок обучалось более двухсот девушек, а к 1943 г. женщины составляли уже более 80% трактористов и 3/4 комбайнеров (Захарова, Яковлева 2019: 68). Кроме того, в середине 1940-х гг. «женщины возглавляли две трети полеводческих бригад, руководили 525 животноводческими фермами, 29 трудились бригадирами тракторных бригад, более 90% агрономов составляли женщины, 798 женщин являлись членами правлений колхозов. Из 500 охотников-промысловиков 83 были женщинами» (69).

Став работницей совхоза или колхозницей, алтайка не перестала быть супругой, матерью, сестрой и дочерью. Все ранее выполняемые ею обязанности – кормить и обшивать свою семью, растить детей, присматривать за пожилыми родственниками – никуда не делись. Смести-

лись акценты. Работа в советском коллективном хозяйстве стала основной, а все остальное — дополнительными занятиями.

Следовательно, можно сказать, что к концу Великой Отечественной войны алтайская женщина была вовлечена в процесс государственного просвещения и обязательного образования, что гарантировало ее детям возможность обучаться в школе; женщина стала не только сама зарабатывать, но и собственноручно распоряжаться доходом. А к началу 1950-х гг. алтайки массово становились работницами и колхозницами.

**Чегедек = паранджа/чадра: символ угнетения
и борьбы за освобождение женщины**

Чегедек — это традиционная распашная всесезонная женская безрукавная одежда, основная функция которой состоит в защите верхней одежды от грязи. На рис. 6 представлены мать с дочерями. Все три женщины в нарядной одежде. Чегедек матери (первая слева направо) из шелка, а шуба ее замужней дочери (в центре) покрыта бархатом.

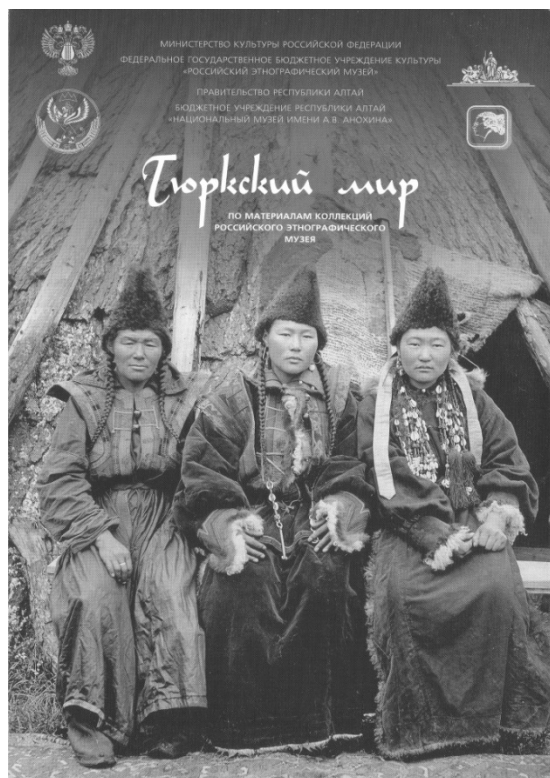

Рис. 6. Алтайки в традиционных костюмах. 1880-е гг. Скан фотографии с обложки буклета выставки РЭМ «Тюркский мир» (СПб., 2016)

Собственно, на эту функцию подобия фартука европейской женской одежды указывает наименование: *чек* – «чисто, опрятно, аккуратно» (Ойротско-русский 2005: 177), и *эдек* – «подол, пола» (180), совокупно означая «одежда, предназначенная для защиты от попадания грязи на основную одежду». Основная, но не единственная роль *чегедека* – указание на статус замужней женщины. Специфическая женская одежда схожего кроя имеется у всех тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии, в том числе у современных калмыков, о семантике декора которой подробно пишет Э.П. Бакаева (Бакаева 2017: 49–69).

У каждой женщины было два чегедека – для повседневной носки и для праздничной, нарядный (Кыдыева 2010: 8). Носила женщина этот вид одежды со дня замужества и до смерти, своей или мужа (Потапов 1951: 30–31). После смерти мужа она могла повторно выйти замуж и вновь надеть чегедек. Если же не выходила, то должна была снять его и носить легкое пальто с короткими рукавами из ткани, *чуба*, а чегедек хранить до собственной смерти, дабы ее обрядили в него в последний путь (Тошакова 1973: 27).

Э.П. Бакаева усматривает многослойные древние знаки в семиотической системе *чегдг* у калмыков и ойратов, как и у других кочевников Центральной Азии и Сибири, свидетельствующие «о мифоритуальной связи невесты и лебедя, а также о взаимозаменяемости в обряде этой птицы и копытного (коня, оленя)» (2017: 57). Вне всякого сомнения, широкое распространение однотипной по виду, крою и символике платья у всех сибирских тюрко- и монголоязычных народов говорит в пользу архаичности чегедека. О «борьбе» с этим женским одеянием говорила Е.М. Тошакова (1973: 27). Характеризуя период конца 1920-х – начала 1930 гг., она пишет: «...чегедек рассматривался в то время как символ былой приниженности и зависимости женщины-алтайки от семьи мужа, он был наподобие паранджи или чадры в Средней Азии. В начале 30-х годов возникло движение женщин-алтаек за снятие чегедека, быстро принявшее в Горном Алтае массовый характер. Как рассказывают старожилы, женщины-алтайки Яконурской долины с бурной радостью сбрасывали с себя чегедек, а некоторые бросали его в огонь. При этом они говорили: “Я сбрасываю с себя знак бесправия и угнетения”. Чегедек стал исчезать из быта алтайцев» (27). Первая часть этой длинной цитаты полностью совпадает со смыслом и почти дословно с описанием Л.П. Потаповым чегедека в специальной статье об одежде алтайцев: «После революции чегедек стал восприниматься алтайцами как памятник зависимого и приниженного положения женщин в семье и обществе в прошлом, наподобие паранджи в Средней Азии. Поэтому, с развитием и укреплением социалистического быта у южных алтайцев, чегедек вышел из употребления» (Потапов 1951: 27–28). Очевидно, что первый автор повторил за вторым утверждение, поскольку иначе было

бы идеологически неверно. Кампания отказа от ношения чегедека имела прежде всего идеологический характер борьбы с «патриархально-родовыми пережитками», как символический акт принятия нового образа жизни. Об этом можно судить по фиксации исследователями возобновления традиции пошива и ношения чегедека во время свадебных церемоний спустя сорок лет. Уже к 1970-м гг. южные алтайцы вновь начали шить чегедек на свадьбы, пишет Н.И. Шатинова, чья работа построена, помимо полевых материалов, еще и на результатах массового опроса 1971 г. методом стандартизированного интервью, обработанного затем на ЭВМ (Шатинова 1981) (опрошено 804 всего, введено в обработку 655 анкет, из которых 40% – от мужчин и 60% – от женщин). Итак, Шатинова пишет: «С того времени, как чегедек был признан пережитком прошлого в быту, символом приниженного положения женщины, девушки на свадьбу стали одеваться как в будни... Интересно отметить, что в последние годы чегедек снова входит в быт как свадебная одежда девушки» (64). Как рассказывали в середине 1980-х гг. пожилые женщины, из своих чегедеков они шили юбки, поскольку подол у этого одеяния был довольно широким и длинным. Очевидно, что кто-то и сжигал верхнюю тяжелую часть чегедека, сшив из нижней части юбку, но вряд ли сжигали все одеяния, поскольку это как минимум не рационально в условиях тотального дефицита ткани и швейных ниток. Целую, не поврежденную одежду живого человека не принято сжигать по сей день.

Из всего вышесказанного следует, что взгляд на чегедек как на символ приниженности и угнетенности алтайки происходил не изнутри этнической культуры, а извне. О том, что советской власти нужны были символы такого рода, ярко демонстрирующие идею «было все плохо – стало все хорошо», указывают Ю.В. Градскова, Н.А. Черняева и многие другие авторы. Так, Градскова пишет, что «женщины бывших российских окраин представлялись большевикам в качестве той группы населения, которая была наиболее “отсталой” и нуждалась в общем руководстве и помощи» (2011: 46). Вместе с тем, заключает свою статью автор, «работа по “раскрепощению националок” в 1920-е гг. осуществлялась в основном с помощью тех или иных показательных учреждений, которые должны были стать прообразами будущих массовых учреждений и организаций» (56). Н.А. Черняева, проанализировав дискурсивные составляющие советского этнографического воображаемого на примере серии брошюр «Труженица Востока», приходит к выводу, что, «оперируя оппозициями “чистое – грязное”, “здоровое – нездоровое”, брошюры способствовали идентификации читателя с цивилизацией, а представителей описываемых народов – с отсталостью, запуская тем самым машину культурной гегемонии» (2022: 175). В этой серии вышла брошюра В.Н. Добрянского «Ойратка» (М.: Охрана материнства и

младенчества НКЗ, 1928), на обложке которой изображена алтайка в чегедеке и с курительной трубкой в руке (169, рис. 2).

А примененное позже к чегедеку сравнение с паранджой и чадрой, вероятно, восходит к обращению, принятому на 1-м всероссийском совещании коммунисток-организаторов женщин Востока, проходившем 5–7 апреля 1921 г.: «Делегатки совещания приняли обращение от “женщин Востока” к “работницам и крестьянкам Советской России”: “Дорогие товарищи! Тяжело жилось вам в царской России, но несравненно тяжелее жилось нам, женщинам Востока: нас продавали и покупали, нас похищали, мы были вещью, которой каждый распоряжался как ему вздумается. ... Чадрой нас отделяли от всего света и девочками продавали тому, кто больше заплатит”» (Черняева 1922: 159).

Очевидно, идеологам советской власти во всех регионах страны нужны были символы, массовый и добровольный отказ от которых знаменовал бы появление «новой националки». Так, чегедек был сконструирован в качестве условного обозначения прошлого угнетения и борьбы за освобождение женщины-алтайки. У калмыков подобной «жертвой» стал девичий камзол (Четырова, Сергеева 2022: 245).

Спустя четыре десятилетия ношение чегедека было возобновлено женщинами, начавшими вновь шить его как специальную свадебную одежду. Ревитализация чегедека происходила и в период позднего СССР, когда некоторые женщины носили комплект из чегедека и платья в качестве светской одежды на официальные мероприятия. Можно утверждать, что в современной Республике Алтай чегедек стал источником вдохновения многих молодых дизайнеров и мастеров, часть которых не являются этническими алтайцами.

Не совсем сейчас понятно, почему в качестве объекта символической борьбы акторы советской власти не выбрали также идиомы *уй киж* и *уй улус*. Ведь «новая» алтайка не должна была оставаться человеком домашним, занятым лишь семейно-бытовой деятельностью, она становилась человеком, занятым в общественном производстве, т.е. вне жилища. В алтайском языке достаточно слов, означающих «женщина». Каждое имеет нюансы, например: *каат/кадыт* – «нестарая женщина любого возраста»; *этиш* – «женщина любого возраста»; *эмеген/эмеен* – «женщина в годах, пожилая»; *келин* – «молодая женщина». Все эти термины имеют отношение к замужним женщинам. Незамужняя молодая девушка – *кыс* и *кыс бала*. При достаточном наличии слов в значении «женщина» в современном алтайском языке, литературные нормы которого складывались как раз в рассматриваемый период, 1920-е – конец 1950-х гг., закрепились как норма идиома «жилища человек». Понятно, почему не могло быть установлено как языковая норма слово *эмеген* — так назывались у алтайцев и телеутов тряпичные/войлочные женские божества и невидимые духи-хранители семьи, обитатели жи-

лица (фотографии и описание эмегендер см: Функ 2012). Но все остальные слова, не имеющие дискриминационных коннотаций, отчего-то не были нормализованы. В современном алтайском литературном языке все перечисленные слова присутствуют, но в качестве нормы используется лишь «жилища человек». А слова *каат/кадыт*, эмен/эмеген нынче воспринимаются как вульгаризмы и употребляются в текстах фольклорных, художественных или как разговорные.

Заключение

Дома культуры алтайки не были уникальным феноменом – во всех частях Советского Союза открывались подобные учреждения. Их цели и задачи были одинаковы во всех регионах СССР. Д. Хоффман, сравнивая турецкие народные дома и советские избы-читальни, отмечает, что «руководители обеих стран стремились к модернизации населения, остававшегося по большей части крестьянским, и преследовали во многом сходные цели, в число которых входили достижение всеобщей грамотности, секуляризация общества и эмансипация женщин» (Хоффман 2018: 287). М. Дэвид-Фокс полагает, что «модерность означала совокупность амбициозных планов и дискурсов, нацеленных на формирование и даже перекраивание культуры, общества и человека...» (Дэвид-Фокс 2016: 20). Раннесоветский период в СССР на примере Ойротской автономной области – яркий пример такого «перекраивания» идеологии общества и хозяйственных практик.

Реализация проекта раннесоветской модерности в виде Домов культуры ойротки способствовала появлению нового человека, новой «женщины Востока» без специфической одежды женщины, которая из символа замужества была переконструирована в символ угнетения и ко всем трудовым обязанностям которой добавились обязательная работа в совхозе или колхозе.

Представленные материалы вполне вписываются в общее заключение М. Дэвида-Фокса: «Кампания середины – конца 1930-х годов, направленная на повышение “культурности”, была глубоко укоренена в советском «процессе насаждения цивилизации», начатом в 1920-е годы, и обладала тем же характерным признаком – стремлением к рационализации и политизации повседневной жизни, а также к окультуриванию “отсталых” национальных меньшинств и групп населения» (Дэвид-Фокс 2020: 68). Одной из главных целей советской власти было достижение массовости во всех своих действиях: ликвидации неграмотности, коллективизации, седентеризации. Возможно, правы те исследователи, которые видят в проектах наподобие ДКО способ презентации будущего, ведь в долгосрочной перспективе в Ойротии, в 1948 г. переименованной в Горно-Алтайскую автономную область, появились детские

ясли и сады, средние школы и средне-специальные учебные заведения, институт. Эмансипировать замужнюю алтайку было делом трудным, однако вовлечение в обучение девушек дало результаты, а в долгосрочной перспективе способствовало появлению трудящихся девушек/женщин, сегодня численно преобладающих над трудящимися мужчинами.

Список источников

- Полевые материалы автора (ПМА), собранные в феврале-апреле 2023 г. в г. Горно-Алтайске, Онгудайском, Шебалинском, Улаганском, Усть-Канском районах Республики Алтай.
- Алтай в конце XVII – начале XX в. Т. 2: История Алтая : в 3 т. / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019.
- Бакаева Э.П. О семантике кроя и декора женского платья типа цегдек у калмыков и ойратов (древние знаки в семиотической системе костюма) // *Oriental Studies*. 2017. № 10 (4). С. 49–69.
- Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР // *Живая история*. 25 декабря 2017. URL: <https://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr>
- Гончарова О.А. Методы культурно-просветительной работы в Горном Алтае в 1920–1930-е годы // *Этносоциальные проблемы регионов Сибири*. Вып. 20. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2014. С. 31–34.
- Градскова Ю.В. «Раскрепощение националки» – социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9, № 1. С. 45–58.
- Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968.
- Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. Татьяны Пируской. М.: НЛЮ, 2020.
- Дэвид-Фокс М. Модернизм в России и СССР. Отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 140. С. 19–44.
- Захарова Т.В., Яковлева М.А. Женщины Ойротии в советском государственном строительстве (1917–1956 гг.). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019.
- Каташев М.С. Политические репрессии в Горном Алтае в 1935–1936 гг. // *История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы междунар. науч.-практ. конф.* Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2017. С. 125–136.
- Кыдыева В.Я. Чегедек – эпши кижинин кеби [Чегедек – одежда замужней женщины]. Горно-Алтайск: Алтын Туу, 2010. (На алт. яз.)
- Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015.
- Ойротско-русский словарь. 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005.
- Панова Е.А. Маала ажы кижинин журтын онжидер. Переводчик С. Кумандин. Литературная коллегия Ойротской области. Г. Улалу. 1928. (На алт. яз.)
- Потанов Л.П. Одежда алтайцев // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Вып. 13. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5–59.
- Саруева М.Ф. Горный Алтай за годы советской власти (в цифрах и фактах) // *40 лет советскому Горному Алтаю*. Горно-Алтайск, 1957. С. 67–112.
- Стейнберг М. Пролетарское воображение. Личность, модернизм, сакральное в России, 1910–1925. Бостон; СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2022.

- Тарбанакова С.Н. Культпросветучреждения Горного Алтая в 1920-е годы // Архивный документ – основа социогуманитарного знания: сб. материалов конф., посвящ. 85-летию архивной службы в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 2011.
- Тоцакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск: СО Наука, 1973.
- Функ Д.А. Семейно-родовые покровители у телеутов. Кемерово: Музей-заповедник «Томская писаница», 2012.
- Хоффманн Д.Л. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое лит. обозрение, 2018.
- Черняева Н.А. Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 149–178.
- Четыркова Л.Б., Сергеева Н.М. Советская модерність в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 239–262.
- Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1981.
- Яковлева М.А. Дома алтайки как социокультурный феномен Республики Алтай // Женское движение в Горном Алтае: история и современность. К 100-летию женского движения в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 2022. С. 37–42.

References

- Field materials of the author (FMA), collected in February–April 2023 in Gorno-Altai, Ongudaysky, Shebalinsky, Ulagansky, Ust-Kansky districts of the Altai Republic.
- Altai v kontse XVII – nachale XX v. T.2. Istoriia Altaia v 3-kh t.* [Altai at the end of 17th – beginning of 20th centuries. Vol. 2. The History of Altai in 3 volumes] / ed. by V.A. Skubnevskiy. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 2019.
- Bakaeva E.P. (2017) O semantike kroia i dekora zhenskogo plat'ia tipa tsegdeg u kalmykov i oiratov (drevnie znaki v semioticheskoi sisteme kostiuma) [The Tsegdeg Dress of Kalmyk and Oirat Women: Semantics of Its Fashion and Decorative Elements (Ancient Signs in The Semiotic System of The Garment)], *Oriental Studies*, no. 10 (4), pp. 49–69.
- Voloshina S. (2017) Likvidatsiia bezgramotnosti v SSSR [Elimination of illiteracy in the USSR], *Zhivaia istoriia*. 25 December 2017. Available at: <https://lhistory.ru/statyi/likvidatsiya-bezgramotnosti-v-sssr>.
- Goncharova O.A. (2014) Metody kul'turno-prosvetitel'noi raboty v Gornom Altae v 1920–1930-e gody [Methods of cultural and educational work in Gorny Altai in the 1920s–1930s]. In: *Etnosotsial'nye problemy regionov Sibiri* [Ethno-social problems of Siberian regions]. Vol. 20. Gorno-Altai: Gorno-Altaiiskii gosuniversitet, pp. 31–34.
- Gradskaia Iu.V. (2011) «Raskrepostchenie natsional'ki» – sotsial'no-kul'turnaia politika sovet'skoi vlasti v otnoshenii zhenshchin etnicheskikh men'shinstv (na primere Volgo-Ural'skogo regiona v 1920-e gody) [“Emancipation of the national woman”: the socio-cultural policy of the Soviet authorities towards women of ethnic minorities (on the example of the Volga-Ural region in the 1920s)], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, Vol. 9, no. 1, pp. 45–58.
- Demidov V.A. (1968) *Perekhod altaitsev na osedlost'* [The transition of the Altaians to a settled way of life]. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- David-Fox M. (2020) *Pereseikaia granitsy: modernost', ideologĭia i kul'tura v Rossii i Sovetskomo Soiuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union] / translated by Tatiana Piruskaya. Moscow: NLO.
- David-Fox M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR. Otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletennaia? [Russian–Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 140, pp. 19–44.
- Zakharova T.V., Iakovleva M.A. (2019) *Zhenshchiny Oirotii v sovetskom gosudarstvennom stroitel'stve (1917–1956 gg.)* [Women of Oirat region in Soviet state building (1917–1956)]. Gorno-Altai: BIT's GAGU.

- Katashev M.S. (2017) Politicheskie repressii v Gornom Altae v 1935–1936 gg. [Political repressions in Gorny Altai in 1935–1936]. In: *Istoriia i kul'tura narodov iugo-zapadnoi Sibiri i so-predel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai). Mat. mezhdunar. nauchno-prakticheskoi konferentsii* [History and culture of the peoples of southwestern Siberia and neighboring regions (Kazakhstan, Mongolia, China). Proceedings of the international scientific and practical conference]. Gorno-Altai: Gorno-Altaiiskii gosuniversitet, pp. 125–136.
- Kydyeva V.Ia. (2010) *Chegedek — epshi kizhinin kebi* [Chegedek — clothes of a married woman]. Gorno-Altai: Altyn Tuu. (In Altai lang.)
- Minaeva O.D. (2015) *Zhurnaly «Rabotnitsa» i «Krest'ianka» v reshenii «zhenskogo voprosa» v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespecheniia sotsial'nykh reform* [Rabotnitsa and Krestyanka magazines in solving the “women’s issue” in the USSR in the 1920s–1930s: a model for propagandistic support for social reforms]. Moscow: MediaMir.
- Oirotsko-russkii slovar'* [Oiorot – Russian Dictionary]. 2nd edition. Gorno-Altai: Ak Chechek. 2005.
- Panova E.A. (1928) *Maala azhy kizhiniir jurtyñ òñzhider* [Maala Haji will change the woman’s life]. Translated by S. Kumandin. Literaturnaia kollegiia Oirotskoi oblasti. G. Ulalu. (In Altai lang.)
- Potapov L.P. (1951) *Odezhda altaitsev. Sb. Muzeia antropologii i etnografii* [Altai clothes. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 5–59.
- Sarueva M.F. (1957) Gornyi Altai za gody sovetskoi vlasti (v tsifrakh i faktakh) [Gorny Altai during the years of Soviet power (in figures and facts)]. In: *40 let sovetskomu Gornomu Altaiu* [40 years of Soviet Gorny Altai]. Gorno-Altai, pp. 67–112.
- Steinberg M. (2022) *Proletarskoe voobrazhenie. Lichnost', modernost', sakral'noe v Rossii, 1910–1925* [Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925]. Boston / St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.
- Tarbanakova S.N. (2011) Kul'tprosvetuchrezhdeniia Gornogo Altaia v 1920-e gody [Cultural education institutions]. In: *Arkhivnyi dokument — osnova sotsiogumanitarnogo znaniia. Sb. materialov konferentsii posviashchennoi 85-letiiu arkhivnoi sluzhby v Gornom Altae* [An archival document as the basis of socio-humanitarian knowledge. Proceedings of the conference dedicated to the 85th anniversary of the archival service in Gorny Altai]. Gorno-Altai.
- Toshchakova E.M. (1973) *Zhenshchina v obshchestve i sem'e u sovremennykh altaitsev* [Woman in society and family among modern Altaians]. Novosibirsk, SO Nauka.
- Funk D.A. (2012) *Semeino-rodovye pokroviteli u teleutov* [Family and tribal patrons of the Teleuts]. Kemerovo: Muzei-zapovednik «Tomskaia pisanitsa».
- Hoffmann D.L. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses. Modern state practices and Soviet Socialism 1914–1939] / Translated by A. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Cherniaeva N.A. (2022) Voobrazhaia Sovetskii Vostok: narrativy populiarnoi etnografii v serii broshur «Truzhenitsa Vostoka», 1927–1929 [Imagining the Soviet East: Narratives of Popular Ethnography in A Series of Pamphlets, *The Female Worker of The East*, 1927–1929], *Etnografiia*, no. 3 (17), pp. 149–178.
- Chetyrova L.B., Sergeeva N.M. (2022) Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet Modernity in Visual Perspective: The Cases of Kalmyks and Tuvans], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2, pp. 239–262.
- Shatinova N.I. (1981) *Sem'ia u altaitsev* [Altai family]. Gorno-Altai: Gorno-Altaiiskoe otd. Altaiiskogo kn. izd-va.
- Iakovleva M.A. (2022) Doma altaiki kak sotsiokul'turnyi fenomen Respubliki Altai [Houses for Altai Women as a Sociocultural Phenomenon of the Republic of Altai]. In: *Zhenskoe dvizhenie v Gornom Altae: istoriia i sovremennost'. K 100-letiiu zhenskogo dvizheniia v Gornom Altae* [Women’s movement in Gorny Altai: history and modernity. To the 100th anniversary of the women’s movement in Gorny Altai]. Gorno-Altai, pp. 37–42.

Сведения об авторе:

ТЮХТЕНЕВА Светлана Петровна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: kerel63@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svetlana P. Tyukhteneva, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: kerel63@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 17 марта 2023 г.;
принята к публикации 06 июня 2023 г.*

*The article was submitted 17.03.2022;
accepted for publication 06.06.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 316.7
doi: 10.17223/2312461X40/9

Наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации

Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. 400 с., илл.
ISBN: 978-5-907498-42-6

Для цитирования: Филиппова Е.И. Наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 194–201. doi: 10.17223/2312461X/40/9

For citation: Filippova, E.I. (2023) The Existence of Civil Society – The Fundamental Characteristic of a Nation (Review of Bondarenko, D.M. Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste [Post-colonial nations in the historical and cultural context]. Moscow: Izd. Dom YaSK, 2022. 400 p. ISBN: 978-5-907498-42-6). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 194–201. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/9

В вышедшей в самом конце 2022 г. книге известный ученый-африканист Д.М. Бондаренко ставит вопрос о природе нации, общества и государства на новом – постколониальном этапе исторического развития. Очерчивая для себя контуры этого исследования, автор сначала

последовательно сужает границы, включая в сферу своего интереса только страны, являвшиеся колониями между второй половиной XIX и второй половиной XX в. и получившие независимость после 1945 г., причем лишь те, чьими метрополиями были государства Запада, а из них – исключительно страны Азии и Африки, наконец, страны, находившиеся именно в колониальной зависимости, а не так называемые полуколонии (с. 10–11), – а затем расширяет их, проводя мысль о том, что постколониальным следует считать весь современный мир (с. 13).

В центре повествования – три конкретных случая, три африканских страны: Танзания, Замбия и Уганда, где автор вел полевые исследования в период с 2003 по 2018 г. Все они были британскими колониями, независимость получили почти одновременно, в 1961–1964 гг., в географическом отношении образуют цепочку: Танзания граничит с Угандой на севере и с Замбией – на юге. Однако специфика и успехи нациестроительства трех стран за истекшие шесть десятилетий различны.

Танзания подошла «ближе других африканских стран к появлению нации в ее классическом новоевропейском стиле» (с. 150). Причины этого Д.М. Бондаренко видит в отсутствии целого ряда препятствий: крупных доколониальных политических образований на нынешней территории государства, что способствовало успешной нейтрализации «племенного вопроса» путем интегрирования относительно слабых вождей в систему институтов государственного управления; катастрофических разрывов в уровне развития регионов государства; численно доминирующего народа при низком в целом уровне значимости этнической идентификации; деления на «христианские» и «мусульманские» народы при светском характере государства. Все это позволило «воплотить в жизнь принцип этнического и религиозного равенства, не допустив превращения этничности и религии в главный фактор объединения и разъединения граждан, и сформировать национальную идентичность» (с. 162). Особую роль сыграло наличие в государстве общей культурной платформы – языка суахили, позволившее с помощью политики «лингвистического национализма» – ограничения использования «племенных» языков вплоть до их полного исключения в образовании, СМИ и политике (с. 158) разорвать связь между языком и этничностью и утвердить суахили в качестве языка нации (с. 156). Важны при этом, подчеркивает автор, не только его автохтонность, но и «равноудаленность» по отношению к жителям государства: в отсутствие господствующего этноса суахили не является доминантным языком, а потому его использование не провоцирует «межэтнических» конфликтов. О нарастающей культурной близости большинства народов Танзании свидетельствует высокая степень интенсивности позитивного общения людей разного этнического происхождения и религиозной принадлежности, в том числе брачных и родственных связей

между ними (с. 154, 199). Определенное объединяющее значение имеет и то обстоятельство, что «танзанийский национальный миф уходит в доколониальные времена» (с. 204), однако у него есть и оборотная сторона: часть афротанзанийцев не считают членами своей нации представителей этнорасовых меньшинств – «индийцев» и арабов (с. 172–173).

В отличие от Танзании, Замбии и Уганде повезло меньше: здесь гораздо большую роль играет этничность, в частности наличие доминирующих еще с доколониальной эпохи этносов (соответственно бемба и ганда); сильно разделение населения по религиозному принципу; сохраняется власть традиционных вождей, не интегрированных в государственные политические институты; в отсутствие автохтонной объединяющей культурной платформы таковой может стать только колониальное культурное наследие, в том числе английский язык (с. 171). При этом, отмечает Д.М. Бондаренко, в Уганде можно было бы, как и в Танзании, сделать ставку на продвижение достаточно распространенного в стране суахили, но этому мешает то, что у государства нет внятной языковой политики (с. 172).

Подробному рассмотрению трех африканских стран в сравнительной перспективе предшествуют две теоретические главы: «Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)» и «Колониализм – постколониализм – нации», в которых автор рассуждает о том, чем отличается нация от других социокультурных общностей и национальное государство – от других форм политической организации, а также о том, что является необходимыми условиями для формирования наций и национальных государств, а что – препятствиями на этом пути. Глубокая и разносторонняя эрудиция и огромный объем привлеченной литературы (библиографический список занимает почти 100 страниц) позволяют ему включить в анализ античные полисы, европейские нации Нового времени и нации Нового Света, доколониальные, колониальные и постколониальные общества и государства Азии и Африки. Тем самым Д.М. Бондаренко вносит собственный вклад в дискуссию о том, что есть нация. Дискуссия эта начата давно, но в ней не только не поставлена точка (что, видимо, невозможно), но и не видно признаков консенсуса.

Отказываясь отождествлять нацию с государством и тем более – видеть в ней государственно оформленный этнос; не считая культурную гомогенность ни условием формирования нации, ни ее признаком, а поликультурность/полиэтничность – препятствием для ее существования; отвергая телеологизм неизбежности формирования наций по западному образцу в пользу утверждения «темпорального и регионально-неоднобразия» и невечности феномена нации (с. 17), Д.М. Бондаренко постулирует фундаментальную характеристику нации, наличие которой позволяет рассматривать любые различия как проявления вариативности этого феномена. Эта «фундаментальная характеристика

нации *sine qua non*» (с. 18) – наличие гражданского общества, которое автор понимает как общество многочисленного, экономически благополучного и самостоятельного, образованного среднего класса (с. 78). Он видит прямую связь между ростом образовательного уровня населения, укреплением среднего класса, становлением гражданского общества, сложением нации и перспективой утверждения демократического политического строя (с. 103). В то же время, демократия (или иначе республика), по мнению Д.М. Бондаренко, не является ни фундаментальной характеристикой нации, ни тем более неперенным условием ее сложения: «гражданское общество само по себе демократично, но может быть встроено не только в демократическое государство, но и в авторитарное» (с. 21), охватывая лишь отдельные сферы жизнедеятельности социума, а именно его аполитичную частную сферу. Не остаются без внимания и «темные стороны демократии» (по выражению М. Манна), а также риски, которые несет демократизация, навязанная сверху или извне граждански незрелому обществу. Так, показано, что демократизация политической системы вызывает рост этничности (с. 165), а введение многопартийности способствует проявлению «клановых, этнических, региональных противоречий в постколониальных обществах – их элитах и широких массах» (с. 91). В результате попытки построить национальные государства в постколониальных странах оборачиваются созданием этнократических режимов (с. 121). Да и «в сегодняшних либеральных демократиях декларируемое законами правовое равенство граждан маскирует их действительное социальное неравенство и олигархическую по сути власть» (с. 36). Коль скоро демократия/республика является лишь одним из видов гражданского общества, «нация вполне совместима с конституционной монархией, включая так наз. дуалистическую, в которой монарх обладает не только церемониальной, но и реальной политической властью, но делит ее с правительством и парламентом» (с. 134).

С точки зрения возможности построения нации реальный водораздел пролегает не между демократией и авторитаризмом, утверждает Д.М. Бондаренко, а между ними обоими и тоталитаризмом, поскольку «гражданские общества не могут существовать только в *тоталитарных государствах*» (с. 21), в которых происходит «подмена ключевого признака нации: лояльности индивида гражданской общности и индивидов друг другу как членам этой общности – лояльностью государству, отождествление нации с государством» (с. 72). Государство же при таких режимах «персонифицируется его главой, который <...> оказывается символом, живым воплощением, можно сказать, вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина» (с. 98).

В контексте тоталитаризма автор рассматривает положение интеллигенции, которая возникает и существует именно там, где нет демо-

кратического гражданского общества и выступает как естественный агент гражданского самосознания, а потому в силу самой своей природы не может не быть маргинальной социальной группой в авторитарном или тоталитарном обществе, где ее культура и ценности чужды как большинству населения, так и власти. Трагедия интеллигенции, пишет Д.М. Бондаренко, «заключается не только в том, что она <...> вынуждена приспосабливаться к категорически чуждой ей идеологии авторитарных и тоталитарных государств, но и в том, что она вынуждена служить неблизкому ей недемократическому государству. <...> Это порождает у интеллигенции непреодолимый соблазн влиться во власть, и в этом ее порыве трудно разделить мессианский порыв благодетельствовать народ <...> и готовность идти на компромисс с властью ради своего собственного благополучия» (с. 141–142).

Особенностью постколониальных государств является то, что они провозглашались в отсутствие наций, поскольку «в колониальном социуме индивид был отчужден от государства, власть была оторвана от народа, что блокировало становление демократического гражданского общества» (с. 72). Более того, во многих случаях колонизаторы не захотели или не смогли уничтожить важнейшие социальные и политические институты традиционных обществ: большую (расширенную) семью, общину как базовую форму социально-экономической организации, племена и вожества (с. 49–50).

Колониализм оставил и собственное наследие: расовую дихотомию, институализированную этничность, возведенную в ранг основной идентификационной категории; государственные границы, прочерченные произвольно, без учета культурных и языковых характеристик населения – и новоевропейскую по своему происхождению политическую систему. Поликультурность/полиэтничность характерна отнюдь не только для колониальных государств, однако только в колониальных государствах, пишет Д.М. Бондаренко, «объединителем, устанавливающим границы, отделяющие включаемых в них от соседей, выступала полития, внешняя по отношению к абсолютно всем объединяемым» (с. 51). Тем не менее эти искусственные границы были интериоризированы населением, которое сохраняет приверженность своей стране, даже когда государственные институты оказываются практически разрушенными (с. 63). Однако не будем забывать, что политическая лояльность государству еще не свидетельствует о наличии нации, и чтобы она сформировалась, необходимо выполнить чрезвычайно сложную задачу: в сжатые сроки сформировать на основе во многом случайных и разнородных конгломератов культур и социумов национальную культуру и гражданское общество (с. 61). Только в таком случае, настаивает Д.М. Бондаренко, привнесенные извне политические институты: партии, парламенты, выборы, перестанут играть чисто декоративную роль и наполнятся адекватным содержанием.

Рассматривая национализм и колониализм как феномены, имеющие между собой глубинную социоисторическую связь, определяющуюся их эссенциальной значимостью для эпохи модерна и ее культуры (с. 46), автор напоминает о том, что, хотя модерн не синонимичен вестернизации, именно Запад на несколько столетий определил социокультурную повестку для большинства регионов мира, и полагает, что «только сегодня мы становимся свидетелями завершения этой тенденции» (с. 45). Это проявляется, в частности, в том, что конструирование «традиции» и «современности» как противостоящих друг другу не-западной и западной общественных моделей, включая противопоставление нации как «прогрессивного» явления «архаическому» этносу, племени, ныне видится проявлением не научного, а политизированного, колониалистского мышления (с. 42–43, 59). Из сказанного следует вывод, что «“недосложность” наций во многих постколониальных странах проявляется не в неискоренности в их гражданах этнического сознания, а в недостаточной сформированности у них надэтнического – национального уровня сознания. И враг на пути его формирования – не этничность, а с одной стороны, трайбализм – и с другой стороны, тоталитарное государство, уничтожающее гражданское общество. Причем расцвет трайбализма и тоталитарность государства взаимосвязаны» (с. 256). Таким образом, Д.М. Бондаренко заключает, что «именно образование поликультурных наций, неклассических с точки зрения истории концепции нации и самой нации как явления, может оказаться доступным постколониальным странам» (с. 263). При этом «поликультурная нация может сложиться только при условии признания верховенства единого государственного права над культурными нормами отдельных сообществ. Это достижимо в светских государствах с развитым гражданским правовым сознанием» (с. 245).

Обосновывая одно из центральных положений книги – о том, что постколониальным является весь современный мир, а не только страны, прежде бывшие колониями, Д.М. Бондаренко отмечает, что деколонизация запустила процесс изменения содержания феномена и концепта нации вне собственно постколониальных стран, прежде всего – в Западной Европе (с. 211): из общности, основывающейся на культурном единстве ее членов, нация превращается в общность *мультикультурную*. Вслед за изменением культурной основы наций изменяются и другие столпы их существования: социальные (гражданские общества) и политические (национальные государства) (с. 217). Будущее последних автор связывает, с одной стороны, с возможной федерализацией административного устройства и политической системы (с. 249), с другой – с транснационализацией государства, которая «логично ведет к деабсолютизации государственного суверенитета» (с. 222). При этом он под-

черкивает, что «в постколониальных странах-донорах национальные сообщества уже на стадии сложения включают в себя экстерриториальность как важный признак» (с. 230), хотя формирование транснациональных идентичностей «не поспевает за транснационализацией государств и наций и тормозит этот процесс» (с. 231).

Хорошая книга отличается тем, что наводит на размышления, выходящие за рамки ее непосредственной проблематики. Так, отталкиваясь от рассуждений автора о тесной связи среднего класса с гражданским обществом и демократией, нельзя не задуматься как о сущности этой социальной категории, так и о ее положении в современном мире. Д.М. Бондаренко справедливо пишет о смехотворности попыток вычленения среднего класса на основании уровня дохода: критериальным признаком его является прежде всего экономическая самостоятельность и, как следствие, меньшая зависимость от государства. Поэтому вызывает тревогу то обстоятельство, что доля среднего класса даже в западных странах сокращается как в результате разорительных для него сменяющих друг друга кризисов, так и в результате его технологического замещения. Одновременно растет доля населения, не имеющего постоянной работы и живущего на различные пособия. Французский философ Андре Горц прямо сравнивает ситуацию в развитых странах с тем, что в прошлом имело место в колониях, а сегодня сохраняется во многих государствах так называемого третьего мира: все большее количество людей становятся фактически домашней прислугой у тех, кто получает достаточно высокий доход. Американский социолог Рэндалл Коллинз прогнозирует достижение уровня 50% структурной безработицы уже к 2040 г. Вкупе с инфляцией дипломов (все больше выпускников университетов не могут найти не только работу по специальности, но и вообще какую-либо работу) все это делает надежды на рост численности и влияния образованного среднего класса в значительной мере утопичными, тем более – в постколониальных странах с их ресурсной экономикой. Поскольку национальные государства – порождение модерна – были вызваны к жизни потребностями капитализма как мировой системы (по Валлерстайну), логично предположить, что диагностируемый сегодня глубокий структурный кризис этой системы предопределяет и структурный кризис национальных государств. Возможно ли в таких условиях успешное завершение формирования «недосложившихся» наций? Или грядущий миропорядок будет строиться на иных основаниях?

Елена Ивановна Филиппова

Сведения об авторе:

ФИЛИППОВА Елена Ивановна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena I. Filippova, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.;
принята к публикации 03 июня 2023 г.*

*The article was submitted 15.04.2023;
accepted for publication 03.06.2023.*

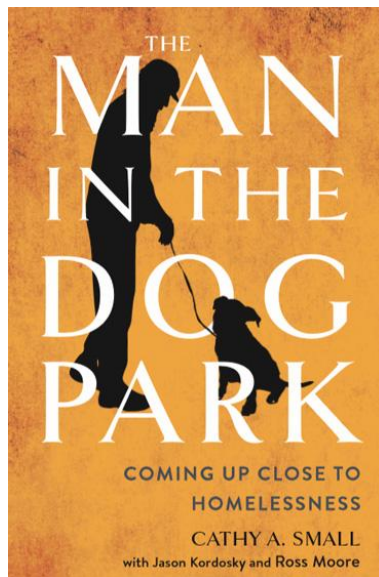
Рецензия

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/40/10

**Человек в парке для собак:
антропологический роман о бездомности**

Small C., Kordovsky J., Moore R.
The Man in the Dog Park:
Coming Up Close to
Homelessness. Cornell University
Press, 2020. 200 p.
ISBN 978-1501748783

Для цитирования: Кузинер Е.Н. Человек в парке для собак: антропологический роман о бездомности // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 202–207. doi: 10.17223/2312461X/40/10

For citation: Kuziner E.N. (2023) The man in the dog park: the anthropology novel about homelessness (Review of Small C., Kordovsky J., Moore R. The Man in the Dog Park: Coming Up Close to Homelessness. Cornell University Press, 2020. 200 p. ISBN 978-1501748783). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 202–207 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/10

Несмотря на сложность и сензитивность темы, бездомность и ее различные аспекты являются фокусом многих антропологических, социологических и других научных и научно-популярных работ (см.: Meanwell, 2012; Shaikh et al. 2013). Так, например, в первые месяцы 2023 г. выпущено более 20 статей в англоязычных академических журналах. Как правило, большинство исследователей фокусируются на поиске универсального определения бездомности, анализе и поиске причин/траекторий бездомности, рассмотрении ее как социальной проблемы и поиске решений (Коваленко, Строкова 2010). Книга «Человек в

парке для собак: приближение к бездомности» является одной из многих работ, в которых не просто рассказываются истории бездомных людей, но бездомный становится полноправным участником исследования.

Основным автором, от имени которого ведется повествование в книге, выступает американская исследовательница-антрополог Кэти Смолл. В 2008 г. в городе Флагстафф в Северной Аризоне в парке для выгула собак она знакомится с бездомным Россом Муром. На момент их встречи мужчина не имел постоянного жилья и работы и ночевал в лесу со своим псом, а дни между своими подработками проводил в городском парке для выгула собак. Знакомство с «подозрительным» человеком за следующие несколько лет переросло в дружбу, а не имевшая до этого опыта близкого общения с бездомными, Смолл становится свидетельницей многочисленных попыток Росса побороть бюрократическую систему социальной помощи США и получить субсидию на жилье для нуждающихся. Спустя несколько лет она решает написать книгу о жизни американских бездомных, окружающей их стигме и выстроенной в стране системе социальной помощи.

В качестве первого соавтора исследовательница пригласила самого Росса. Его история легла в основу книги, а опыт и взгляд «изнутри» помогли не упустить важные аспекты бездомности (например, при описании того, что чувствует бездомный человек, когда обращается в различные сервисы помощи или когда общается с представителями власти; как его воспринимают окружающие). Дополнительными материалами для исследования стали наблюдения в местных приютах и социальных сервисах и интервью с другими бездомными, взятые совместно с Россом и социальным работником Джейсоном Кордовски вторым соавтором.

Структура книги относительно стандартна для многих работ о бездомности: Смолл рассказывает о причинах попадания на улицу, повседневности бездомного человека, опыте проживания в приютах, на улице, разных способах заработка и траекториях выхода из ситуации бездомности. Однако эти разделы умело переплетаются с информацией о состоянии американской системы социальной помощи разным категориям людей, описанием бюрократических процедур, которые проходят нуждающиеся в жилье и финансовой поддержке.

«Человек в парке для собак...» также содержит глубокую авторскую рефлекссию и описание эмоциональных переживаний, что делает книгу по стилю больше похожей на антропологический роман (однако это не лишает работу звания полноценного исследования). Исследовательница последовательно погружает читателя в мир бездомных людей, показывая, какие стереотипы и культурные предрассудки их окружают и с какими трудностями они сталкиваются. Описывая существующие в американском обществе культурные нарративы и дискурсы по отношению

к бездомным, Смолл подчеркивает, что стигматизация бездомности – системный продукт социальной несправедливости и социальной политики, которые не только влияют на наше восприятие бездомных, но и на их собственные нарративы о своем положении (р. 139).

Помимо истории Росса и других бездомных, в книге достаточно органично и сбалансированно приведены и исследуются структурные проблемы системы социальной помощи Америки. Смолл указывает на несовершенство существующих в США мер поддержки уязвимых слоев населения (а именно – отсутствие универсальных программ поддержки, бюрократизация) (р. 104), что вызывает постоянную изматывающую борьбу за выживание и ресурсы на «скользких ступенях» социальной лестницы. Здесь уместно привести следующие аналогии: социальное положение можно рассматривать как картонный домик: чем хуже фундамент, тем больше вероятности, что он разрушится. Так же и со склоном: чем ниже человек расположен, тем тяжелее ему карабкаться вверх и больше риска соскользнуть вниз. Существующие в обществе негативные представления о бездомности Смолл связывает и с проблемой социального неравенства, капитализмом и системой привилегий, которые воспринимаются людьми более высокого социального статуса как «данность» (р. 140–145).

В книге демонстрируется многомерность феномена бездомности, а также то, как именно наши культурный и социальный капиталы способствуют сохранению негативных представлений об этом явлении. Смолл ставит перед собой задачу ответить не на научные вопросы, но на те, которые возникают у людей, не сталкивающихся с опытом бездомности.

Интересным для российского читателя здесь может оказаться и то, что в этих ответах раскрываются некоторые локальные практики, контекст и особенности американской социальной системы. Исследовательница достаточно подробно описывает повседневные практики и быт людей с низким социальным статусом в Америке. Посредством простых, но подробных описаний устройства приютов и других сервисов, при этом не давая свою оценку их работе, Смолл «вскрывает» системные проблемы в структуре социальной помощи нуждающимся, которые во многом схожи с российскими (нехватка средств на персонал в НКО и государственных социальных службах, отсутствие развитой жилищной программы и системы доступного жилья). Для меня было также интересным узнать про такую группу людей, находящуюся на грани бездомности, как ветераны боевых действий, которым также является сам Росс (оказывается, в США существует достаточно большой пласт исследований на эту тему).

Российским исследователям может показаться интересным описание работы американских агентств ежедневного найма (очень отдаленно

напоминающих систему российских “рабочих домов”, преимущественно использующих труд бездомных), а также того, как бездомные в Америке снимают складские помещения для хранения своих вещей и ночевки, что не совсем легально, но выгоднее съема полноценного жилья (в России такие практики не распространены). Мне показалось достаточно интересным описание работы местного приюта, в которой на первое место ставится строгое соблюдение регламента и правил как сотрудниками, так и клиентами приюта (р. 45).

Как подчеркивает сама исследовательница, люди, с которыми они беседовали, в особенности Росс, являются не просто объектами для исследования, но его полноценными соавторами. Смолл не только анализирует и интерпретирует полученные нарративы, но и обсуждает свои интерпретации с исследуемой группой, что достаточно редко встречается в подобных исследованиях. В работах о бездомности, как в научных, так и публицистических, высок риск уйти в экзотизацию и колониальный дискурс – разделять на нормальных «нас» и маргинализированных, нуждающихся в обязательном спасении «них». Антрополог разрушает эту дихотомию и даже при описании распространенных представлений и стереотипов о бездомности исследовательница в первую очередь фокусируется на людях, которые от этих представлений страдают в первую очередь. Так, читатель вместе с героями книги проживает опыт смирения перед жесткими правилами ночных приютов, перед повышенным вниманием полиции («это их работа») и проживает желания выглядеть «как все».

«Человек в парке для собак» читается легко, подойдет для достаточно широкого круга читателей и может быть отличным базовым источником для студентов, социальных исследователей, которые только начали погружаться в тему бездомности. В дополнение к книге авторы сняли короткометражный анимационный фильм, включающий обсуждение темы стигмы и уязвимости бездомных людей, а также разработали вопросник по книге и фильму для обсуждения в аудитории¹.

В книге нет каких-то концептуальных находок, отсылок к теории и другим исследованиям, попыток типологизировать и дать универсальное определение бездомности, зато в ней присутствует авторская рефлексия, стремление придать агентность исследуемой группе, плотное и подробное описание различных практик (жизнь приюта, особенности работы в трудовом агентстве, хранение вещей и т. д.) и много поднятых вопросов для дискуссии и внутренних размышлений: действительно ли бездомный человек отличается от не бездомного, или это лишь навязанные стереотипы и предрассудки? С какими трудностями, эмоциональными, социальными и физическими, сталкиваются бездомные

¹ URL: <https://themaninthedogparkfilm.org/index.html>

каждый день и задумывались ли мы об этом хоть раз? И, наконец, можно ли решить проблему бездомности, изменив отношение к ней?

Отсутствие четкого определения, кого же исследователи понимают под «бездомными», ярко показывает флюидность и многомерность понятия и в очередной раз подтверждает, что бездомность – это процесс. За все время чтения мы проходим с Россом, одним из главных героев и соавторов книги, путь от жизни в лесу, периодических ночевок в приюте и мотелях до съема апартаментов и воссоединения со своей женой Венди. Однако нестабильность финансового положения, связанная с низким социальным статусом, возможность изменения в размерах субсидии на жилье или повышение стоимости его аренды все еще удерживают Росса «на грани» бездомности, заставляя постоянно бороться за жизнь «дома».

В книге нет столь характерных для российских научных работ рекомендаций по решению проблемы бездомности, и это только идет ей на пользу. Автор предлагает читателям самим попробовать ответить на вопрос: возможно ли решить эту проблему, можем ли мы это сделать сами или корень в глобальном устройстве мира и огромной дистанции между разными социальными классами?

Как исследователю бездомности мне не хватило подробного описания дизайна, инструментов и методологии исследования, выборки, рефлексии на тему стратегии проведения интервью с людьми с опытом бездомности, а также обсуждения этических нюансов работы с уязвимыми группами и описания динамики работы с соавторами. Небольшое описание методов присутствует лишь в самом конце книги в виде сноски на полстраницы (р. 163), что кажется недостаточным для такой объемной и рефлексивной работы. Авторы также не приводят отдельного списка литературы, делая сноски и комментарии в каждой главе, что в целом не делает книгу хуже, но это не очень удобно для работы с ней как с источником.

Также за пределами видимости авторов остаются другие группы бездомных – люди с ментальными нарушениями, мигранты, матери с детьми. С одной стороны, анализ проблем психических заболеваний, миграционной политики США и системы защиты детей в связке с бездомностью могут послужить темами отдельных книг и монографий. С другой стороны, описание системы медицинской (включая психологическую) помощи бездомным, их опыт взаимодействия с миграционными службами и органами опеки были бы интересным дополнением к раскрытым в работе сюжетам, учитывая, что данные темы практически не поднимаются в книгах на тему бездомности.

В заключение можно сказать, что цель книги – не просто проанализировать причины и траектории бездомности, в очередной раз обнажить структурные социальные проблемы, но разрушить барьер между

воображаемыми «ними» и «нами», поставить читателей на место уязвимой группы. Один из ярких и выделяющих ее моментов – присутствие в соавторстве (хотя и не совсем на равных) человека из исследуемого сообщества, что делает работу более рефлексивной и глубокой.

Литература

- Коваленко Е.А., Строкова Е.Л. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2010.
- Meanwell E. Experiencing Homelessness: A Review of Recent Literature // *Sociology Compass*. 2012. № 6. P. 72–85.
- Shaikh A., Kauppi C., Pallard H., Gervais R. Understanding and Addressing Homelessness in a Northern Community – Timmins, Ontario. Literature Review – Homelessness among Families. Report prepared for the Homelessness Partnering Strategy, Employment and Social Development Canada. Sudbury, Ontario: Centre for Research in Social Justice and Policy, Laurentian University, 2013.

References

- Kovalenko, E., Strokovaya, E. (2010) *Bezdomnost': est' li vykhod?* [Homelessness: Is There a Way Out?]. Moscow: The Institute for Urban Economics.
- Meanwell, E. (2012) Experiencing Homelessness: A Review of Recent Literature, *Sociology Compass*, no. 6, pp. 72–85.
- Shaikh, A., Kauppi, C., Pallard, H. and Gervais, R. (2013) *Understanding and Addressing Homelessness in a Northern Community — Timmins, Ontario*. Literature Review — Homelessness among Families. Report prepared for the Homelessness Partnering Strategy, Employment and Social Development Canada. Sudbury, Ontario: Centre for Research in Social Justice and Policy, Laurentian University.

Евгения Николаевна Кузинер

Сведения об авторе:

КУЗИНЕР Евгения Николаевна – младший научный сотрудник, аспирант, Центр молодежных исследований, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ekuziner@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Evgeniia N. Kuziner, Centre for Youth Studies, National Research University “Higher School of Economics” (Saint Petersburg, Russia). E-mail: ekuziner@hse.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2023 г.;
принята к публикации 06.06.2023 г.*

*The article was submitted 23.05.2023;
accepted for publication 06.06.2023.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы/учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языках.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе

фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитатах достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке, и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений/аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (*please note that the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work/study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Paper numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. *Siberian life* 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // *Ethnographical Review* online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms/abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2023. № 2

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 30.06.2023 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 16,5. Усл. печ. л. 23,1. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 5517. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.07.2023 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru